

ЮРИЙ РАЙН

МАРЬГРАД

2029 год. Обширная территория в приморском городе накрыта силовым полем неустановленной природы. В западне, полностью отрезанными от мира остались тысячи людей.

2049 год. Герой романа предпринимает попытку прорыва внутрь этого пространства, мечтая найти и спасти любимую, случайно оказавшуюся там 20 лет назад. Прорыв удается, но целеполагание изменяется...

Часть 1. Входа нет. Глава 1. Летать так летать.

21.05.49, пятница

Вереница мертвых вагонеток кажется нескончаемой. На самом деле отчасти так и есть: там, куда взгляд уже не дотягивается, эта цепочка поворачивает направо, и еще, и еще раз, и образует замкнутый периметр Завода, его границу. По трем сторонам периметра вагонетки стоят не на рельсах, а на такой же мертвой земле, усеянной бесформенными обломками — бетон, металл, кирпич, стекло, пластик. Рельсов здесь никогда не было, и никто не знает, откуда взялись эти вагонетки. Но они есть: тоже мертвые, тоже безобразно ржавые, тоже изрешеченные пулями и осколками.

Завод — так чаще всего называют пространство внутри кольца вагонеток. Иногда говорят: Территория. Но это слишком длинно. Иногда говорят: Аномалия. Но это как-то не по-людски. Иногда, совсем редко, говорят: Зона. Так говорят ничего не понимающие приезжие. Их одергивают.

Так что самое употребительное — Завод. Впрочем, эти названия в ходу вне периметра. А какое название принято внутри, знают лишь те, кто внутри. Но с ними нет связи уже много, много лет.

Лучший месяц года выдался небывало сухим. Начало мая не принесло ни гроз, ни даже простых дождей, и только в ночь с двадцатого на двадцать первое, наконец, заморосило, и продолжало легонько моросить утром, и шоссе сделалось матово-черным, а ровные до горизонтов луга справа и слева — тяжко-изумрудными. И было то шоссе, от Поселка до Города почти прямое, словно мертвым — ни встречных, ни попутных, ни людей по обочинам. Такое выдалось утро. А блокпост, что перед самым Городом, и без того стоял вымершим уже долгие годы.

В Городе тоже накрапывало, но по улицам бодро сновали машинки, топали по своим делам жители, многие даже не под зонтиками, во дворах среди разноцветных многоэтажек резвились пацаны на самокатах и великах, малышня копошилась в песочницах, прогуливались мамочки с колясками. На рыночной площади народ и вовсе толпился, а рядом с ней выстроилась небольшая очередь к новенькой АЗС: шесть стильных зарядников для электрокаров и две винтажного вида бензиновые колонки. К ним-то, судя по всему, и стремились — в Городе пока было куда больше устаревших авто, нежели в столицах.

Ближе к Заводу опять стало безлюдно. Перед самым мостом через канал Игорь сбросил скорость до пешеходной, затем и вовсе остановился. Вгляделся. На той стороне — как отрезало: и сверху ни капельки, и внизу, сколько видать, сухо. Наверное, это нормально.

Он посмотрел на часы. Все точно, без десяти двенадцать. Есть время перекурить, а дальше — вперед.

Аккуратно съехал с дороги, пристроился на относительно ровном пяточке, заглушил мотор, вышел. Запирать машину не стал, даже ключ оставил в замке зажигания.

Темнее всего под свечой, вспомнил он сентенцию из какого-то древнего детектива. В смысле: если нужно что-то спрятать, лучше всего делать это на самом видном месте — ищущие никогда не станут там искать. Вот ведь тупой, упрекнул он себя. Приезжаю сюда уже — который? — девятнадцатый, что ли? — да, девятнадцатый раз, и всякий раз в

полдень. Типа, вот он я, в самое что ни на есть светлое время, весь на виду. Одет демонстративно: камуфляж, берцы, на рукавах триколор и группа крови, кепка тоже камуфляжная. На поясе стропорез — отличный, купленный здесь в Городе по дешевке, и еще нечто в чехле — пусть гадают, а на самом деле это старый, неисправный шокер, чисто для понта. Веду себя нарочито — чтобы обратили, в конце концов, внимание те, кому положено, чтобы нагрязнили, схватили-скрутили да и доставили бы опять же куда положено! Однако это тот самый случай — под свечой. Как раньше не сообразил...

Ладно, сказал он себе, если сегодня не выгорит, то завтра нагрязню сюда в полночь, весь в черном, аки тать в ночи. Буду изображать скрытность. Надо только детали продумать... Но это вечером, в Поселке, в номере, или на веранде над Заливом, под заветную соточку пятилетнего «Коктебеля». А сейчас — последняя попытка-не пытка по заведенному сценарию.

Игорь отщелкнул в канал докуренную до фильтра сигарету и двинулся через мост.

Та сторона считается запретной. Там, сразу за мостом — пара тонких двухметровых столбов, белых в косую красную полоску. И рядом, слева по ходу, приземистый бетонный параллелепипед с люком цвета хаки на верхней стороне. Доходишь до середины моста — раздается тихий щелчок, между столбами возникает, во всю их высоту, желтая световая полоса, на ней приплясывают здоровенные красные буквы: ВХОДА НЕТ. Спокойно идешь сквозь эту полосу, эти буквы. Ничего не происходит, только ветер, если он был перед мостом, стихает напрочь. Воздух неподвижен.

Делаешь еще несколько шагов прямо. Поворачиваешь налево. Начинаешь движение вдоль периметра, обозначенного вагонетками. Слышишь деловитое жужжание, оно разом меняет тон на более высокий, приближается к тебе, и вот в паре метров над твоей головой зависает квадрокоптер. Вылетел, стало быть, из своего гнезда-параллелепипеда.

«Вы совершили незаконное проникновение на территорию, закрытую для посещения», — тревожно звучит из него.

«Немедленно покиньте территорию, закрытую для посещения», — угрожающе и дебилно звучит из него.

«Следуйте за мной», — дебилно и учтиво звучит из него.

Остается только добавить «сэр», привычно усмехнулся Игорь. Или «милостивый государь». И, столь же привычно, приступил к исполнению сценария: не прекращая шагать вдоль периметра, потребовал:

— Дроша, птица ты хренова! Доложи обо мне кому следует! Я же злостный нарушитель! Ты служишь или где?

Птица Дроша продолжала нести свое. Наверняка же ведется запись, в который раз подумал Игорь. Скорее всего, и прямая передача ведется куда следует. Видео, аудио, а может, и арома, хотя на кой черт им меня обонять... Разве что специальным собакам дать понюхать... Ну так вот же я, чего меня нюхать, бери тепленького! Нет же, летит со скоростью моего неспешного хода этот коптер и молотит, молотит, молотит свое, до умопомрачения, а больше ничего не происходит...

Впрочем, умопомрачения не нужно. Терпение и еще раз терпение, как говорил Карлсон. Тоже, кстати, тот еще коптер.

А между прочим, напомнил себе Игорь, всякая такая чушь лезет в голову ровно тогда,

когда я приближаюсь к *точке*. Да, пожалуй, это тоже признак. Не знаю почему, представления не имею о научном объяснении, но статистически имеет место факт: по мере приближения к *точке* нарастает сумбур в голове. Приходится его подавлять. Вроде получается.

Вот она, *точка*. И главное здесь даже не сумбур.

Игорь остановился, повернулся лицом к вагонеткам. Все мертвее мертвого. Даже птичка замолкла, лишь слышалось ее тихое жужжание.

Теперь — всмотреться в промежуток между вон теми двумя вагонетками. И изо всех сил стараться не моргать. И тогда — вагонетки придут в движение.

Нет, они остаются на месте, и колеса не вертятся, и вообще... Но — верь или не верь глазам своим — вагонетки медленно трогаются справа налево, и разгоняются, а потом скорость падает, падает до нуля, и они все быстрее и быстрее скользят, едва ли не летят в обратную сторону, слева направо.

Это похоже, давно понял Игорь, на видеозапись раскрутки вертолетного винта. Лопасты начинают движение, направление на видео сначала правильное, потом все сливается в сплошной диск, а дальше опять появляются отдельные лопасти, и они медленно-медленно вращаются в противоположную сторону.

Там-то понятно: известный эффект соотношения частот вращения винта и съемки — пресловутых 24 кадров в секунду или сколько их там нынче. А здесь — нет же никаких кадров в секунду, смотришь натурально, живыми глазами — и поди ж ты. Едут слева направо, пока не моргнешь. А моргнешь — и все, стоят как стояли.

Игорь нашел эту *точку* в седьмое свое посещение запретки. С тех пор он каждый раз дотошно удостоверился, что такое происходит только здесь. Ну, и побочные, как он считал, явления — тоже только здесь: тот самый сумбур в голове плюс бешеная пульсация крови в висках. Проверил и на этот раз: поднял правую руку с мультифункциональным гаджетом на ней, нажал кнопку — так и есть, пульс под двести.

— Эй, Дрон! — громко сказал он. — Ваша сраная закрытая для посещения территория — полное говно! Здесь! Я! Могу! Проникнуть! На! Завод! Понимаешь, птица? Проникнуть На Завод! Стукни уже птицеводам своим, кто там у вас принимает решения, ну же!

Постоял с закрытыми глазами, успокоил дыхание и эмоции. Добавил:

— А лучше передай, что если они будут и дальше тупить, то этот ишак, я то есть, совершит незаконное, тьфу, проникновение на Завод как таковой! Самостоятельно! Без их убогой помощи! И что случится, то и останется на их поганой совести! А ты, небось, за мной попрешься? Вот и убьешься об стену, это тоже будет на их совестях, так и передай, понял? В общем, если вы не отзоветесь, — неожиданно для себя выдал он, — мы напишем в спортлото. — Уточнил: — В смысле, как сказал, так и сделаю. Пойду сам.

Усмехнулся: который раз такую околесицу несусь, а толку-то? Вдохнул: ладно.

Сказал напоследок:

— И доведи до них еще раз мои координаты.

Отчетливо продиктовал номер мобильного и свой адрес в Поселке.

Перевел дух, подошел чуть ближе, зажег сигарету, после трех глубоких затяжек щелчком запустил окурок по баллистической траектории, посмотрел, как тот наткнулся на невидимую преграду и скатился вниз. Прикинул: там моих чинариков уже с десяток; культурный слой, однако...

Двинулся дальше. Обогнул весь периметр, это заняло без малого шесть часов. Не

встретил ни души. Слева через каждые двести шагов — параллелепипеды. С птичками, ясное дело. Сколько же их здесь всего? Хороший заказ кто-то получил; китайцы, надо полагать; ну да и наши импортеры внакладе не остались; прости Господи.

Периодически проверял: нет, подобного эффекта больше нигде, никаких признаков; вагонетки, которые не на рельсах, словно картонные; а мысли ясные, дыхание и пульс в норме. Вернувшись к мосту, сделал ручкой коптеру, усаживавшемуся в свое гнездышко, миновал мост — никаких световых перформансов на нем уже не было, — сел в машину, перекурил, завел мотор, поехал обратно, в Поселок.

В Городе и на шоссе было все так же: в первом в меру оживленно, на втором совершенно пусто. Дождик прекратился, дорога и луга снова посветлели. Не думалось ни о чем, только звучала в голове старая, старше него самого песня с рефреном: летать так летать.

В Поселке — как в Городе: люди, машины... И музыка откуда-то — еще не сезон, но уже близко... Ого, и колесо обозрения запустили, надо же! Кипит жизнь!

Заглянул в излюбленный магазинчик, пополнил запас «Коктебеля», переброеся парой слов с хозяином: «Как дела, Евгений? — Вашими молитвами, Игорь!»

В лавочке напротив — тоже стандартный диалог: «Вечер добрый, Игорь! — Добрый вечер, Геннадий! — Как всегда? По-гречески, двойной крепости? — А то! — Ай, спать не будете! — Буду-буду!». По этому «буду-буду» хозяин три недели назад загадочным образом опознал в Игоре москвича...

И шаурма хороша, и кофе — классика по-турецки, только здесь положено называть — по-гречески.

Наконец, вернулся к себе. Почувствовал: устал. Так каждый вечер... Спустился к Заливу, скинул с себя все, вошел в воду, проплыл полсотни метров туда, столько же обратно, в номере принял душ, сел на балконе с бокалом и сигаретами, решил: завтра и еще десять дней к Заводу — в полночь, имитируя преступную скрытность. Наивно, наверное, но что ж делать-то? А если реакции откуда положено так и не будет — идти внутрь на свой страх и риск. Ровно первого июня получится. Надо будет только раздобыть хоть какой-нибудь миноискатель и хоть какой-нибудь прибор ночного видения. Можно и оружие... стрелять так стрелять... все это здесь не проблема, тот же Евгений из магазина наверняка пособит... или Геннадий-шаурменщик-кофевар... а деньги есть, все, сколько есть, и не жалко, там-то они уже, наверное, не понадобятся... Правда, раздобыть да освоить — тоже время потребуется... значит, условно, не первого идти июня, а, допустим, шестого... как раз день рождения Александра Сергеевича... двести пятьдесят, между прочим... это — лет столько, с ума сойти... а граммов перед самым этим их «ВХОДА НЕТ» принять пятьдесят, отметить же юбилей, а как же... но не больше пятидесяти... а остаток, четыреста пятьдесят то есть, с собой туда, ведь мало ли...

С тем и закемарил прямо в кресле.

Очнулся в полной темноте — в здешних широтах ночь приходит рано и враз, словно кто-то выключателем щелкнул. Добрел до кровати, рухнул, отключился.

Утром его разбудил телефон — да не будильником, а вызовом с незнакомого номера. Затараторили сразу, не дожидаясь «алло».

— Игорь Юрьевич? Утречко доброе! Извиняемся за беспокойство в рань такую, но служба-служба! У вас на сегодня планы как всегда? А позвольте, мы их немного подправим, а? В общем, действуйте пока по обычному вашему распорядку, а выйдете к машине — мы вас встретим и на своих сопроводим, получится симпатичный такой кортежик, окей? И не беспокойтесь, все будет в лучшем виде, договорились?

Отбой. Он не успел ответить ни словом, ни междометием. И подумал: ну наконец-то. Уже не дрон Дроша со мной общаться соблаговолил. Нормальный живой мужской голос, жизнерадостный такой баритон с легким южнорусским акцентом. Явно не запись. И спросил себя: а радуюсь ли я? И ответил: нельзя сказать, что радуюсь, но на душе стало полегче, это точно.

Впрочем, и потяжелее тоже.

Ну, летать так летать.

Глава 2. По собственному желанию. 22.05.49, суббота

Игорь повалился еще несколько минут. Хотел было дождаться сигнала будильника, но сон уже ушел, лежать стало невмоготу. Из балконной двери, так и не закрытой на ночь, тянуло солоновато-сладкой смесью свежести и тепла. Это бодрило, сопровождая будоражившему осознанию: девятнадцатая попытка все-таки сработала.

Он встал, подошел к окну. От вчерашней непогоды не осталось ни следа. Залив расстился бирюзовой гладью, насыщенно-голубое небо висело высоко-высоко.

Значит, так, подумал Игорь. По обычному распорядку, сказал телефонный торопыга? Так у меня с сегодняшнего дня распорядок должен был измениться: ехать в Город и дальше — это предполагалось к полуночи. Вот и будем считать, что такой распорядок и есть на сегодня обычный. А они, которые собираются сопровождать, подождут несколько часов. Я дольше ждал.

Интересно, между прочим, что за ведомство они представляют? В доступных источниках, исчерпывающе проработанных еще в Москве, так и не нашлось информации о том, какие такие структуры осуществляют надзор-контроль за Заповедником. Или хотя бы мониторинг. Ведь должны же быть хоть какие компетентные, так сказать, органы? Должны. А в интернетах — ни гу-гу. И вообще нигде ничего.

Может, эти, которые звонили, и не ведомство вовсе, а, как бы выразиться... группировка? Или ведомство, но не наше, не российское?

Игорь засмеялся: лезет же в башку черт знает что, ахинея детективная. Еще можно фантастику приплести... типа ведомство — от инопланетян... Ха.

Не забывай о бритве Оккама, приказал он себе. И добавил: кстати, о бритве обыкновенной тоже не забывай. Побриться-подстричься... ну, это на торговой улочке Поселка, есть там цирюльня. Заодно и с местными аккуратно перетереть. С Геннадием тем же или с Евгением.

Быстро собрался: сегодня никакого military — обычные футболка, джинсы, кроссовки, очки-хамелеоны. На левое запястье — швейцарскую механику. Японский супергаджет пока что пусть полежит. Чуть подумав, перелил часть из початой бутылки «Коктебеля» в заветную, дорогую сердцу фляжку. Ее — в задний карман, пригодится. Сигареты, зажигалку — в другой карман. Все, готов.

Он вышел на балкон, перелез через ограждение, повис на руках — благо этаж всего второй, — слегка раскачался, спрыгнул на мощеную плиткой дорожку, ведущую вдоль корпуса. Едва не опрокинулся навзничь, но сумел удержаться. И двинулся к Заливу. Эти-то наверняка дежурят около его машины, и за выходом из корпуса тоже присматривают. А вот им! Пусть пока дежурят, у них служба-служба. А у нас — распорядок, мы — в обход. По нашему пляжу, далее по соседнему — и на улицу Набережную. Странное название, она никакая не набережная, воды с нее даже не видно, просто тянется улица параллельно берегу, а между берегом и улицей — плотно застроенные и хорошо озелененные участки. Ну да ладно. Все равно плавать не хочется — в такой штиль никакого удовольствия.

Солнце шпарило уже вовсю, улица была зелена и пустынна. Правильно, жизнь в Поселке бурлит на автостанции да в торговом центре, до которого семь минут ходу. Правда,

рановато ей еще бурлить... хотя... суббота же... ну, посмотрим.

Бурлило и впрямь с утренней ленцой, но все заведения оказались открытыми. Первым делом Игорь посетил цирюльню. «С головы убрать все начисто», — велел он пожилому мастеру-армянину. «И брови, э?» — спросил тот без улыбки. «Брови оставим», — в тон серьезно ответил Игорь.

Чувствуя себя отчасти голым, вошел в соседний магазинчик — «Курортные товары». Всего навалом, особенно в секции секонд-хэнда. Но на дешевизну не повелся: напомнил себе, что деньги есть, а понадобятся они теперь неведомо когда. Выбрал все черное: брюки, шорты, рубашку, бандану, кеды, ветровку. «Можно я у вас переоденусь?» — спросил хозяйку, средних лет блондинку. Та поджала губы, дернула плечом и разрешила: «Та як хочете, никого ж нет, а я отвернуся». Это вы як хочете, подумал он весело — и переоблачился с почти армейской сноровкой. Предпочел шорты. Попросил у хозяйки пакет пообъемистее — дала молча, — все старое и новые ветровку и брюки закинул в него.

Теперь ощущал себя не голым, но отчасти новеньким.

Однако в кофейне был признан сразу.

— Ай! — воскликнул Геннадий. — Всегда вечером, а сегодня утром! Что это вы? Кофе будете?

— Буду-буду, — ритуально ответил Игорь. — И сэндвич... вот этот, с сыром.

Геннадий ухмыльнулся и принялся колдовать над жаровней с песком.

— Для себя тоже сварите, — предложил Игорь. — Хочу вас угостить.

— Нет, — возразил Геннадий, — я уже пил, а кофе много нельзя, оно сильно мочегонное. Но с вами посижу, куда посетитель толпой не пошел. Деньги уберите, угощаю нынче я. Миха! — крикнул он, — подмени-ка меня тут!

Чуткий человек этот Геннадий, оценил Игорь. Правильно я решил с ним пообщаться.

Расположились на микро-верандочке перед заведением.

— Интересно мне, — начал Игорь, — как вы тут вообще живете? Как к жизни текущей относитесь? Как администрация ваша поселковая работает, довольны ли ею?

И сразу почувствовал неловкость. Геннадий же отреагировал своим обычным «ай» и добавил, чуть прищурившись:

— Вы, дорогой, прямо как шпиён какой! Вот и обличье переменили... Подозрительно мне!

И ухмыльнулся.

— Ага, — согласился Игорь, — шпион как есть. Марсианский. А по правде — зимбабвийский.

— Таких у нас еще не было, — протянул Геннадий.

— А какие были?

— Да всякие...

— На самом деле, — объяснил Игорь, — я журналист... правда, на вольных хлебах... а сейчас как бы писатель. Книжку хочу написать о ваших краях. Вот и собираю материал.

Геннадий кивнул:

— Ясенько. Ну, а живем мы тут... ну как, живем — хлеб жуем, сами видите. Зимой пусто, зато летом густо, на тот хлеб хватает. А то и на масло. Притом налоги все платим исправно, по-черному не работаем, нет. И по-серому тоже нет. Только по-белому. То и

муниципии нашей достается, да и в городскую казну, и в федеральную.

— А братва вас не тревожит? Или там полиция, чтобы крышевать?

— Хе-хе. Что до полиции, так мой кум тут в полиции служит. Что ж он нас доить да крышевать будет? А братва... Игорь, мы сами все братва и есть. Братья. К примеру, я и вот Евгений из того магазина, тоже знакомый ваш. Нас так и прозывают: Геша да Евгеша. И другие все — тоже как братья. Сестры тож. Ну-ка спытайся, наедь на нас! У нас у каждого и дреколье под прилавком, и цепи велосипедные, и покруче есть. А эти, как их, прен-ценденты — как же, бывало. Ну, поучили мы залетных.

— Вы, получается, община, — сказал Игорь. — И тероборона.

— Нам по-иному никак, — подтвердил Геннадий. И вздохнул: — Проницаете вы, товарищ, удало́. Одно жаль: что ж мы с вами все на «вы» да на «вы»...

Игорь вытащил фляжку, покачал ею, вопросительно посмотрел на собеседника. Тот жестом фокусника извлек откуда-то из-под столика два пластиковых стаканчика. Игорь разлил.

— С утра пораньше... — усомнился Геннадий. — Ай, давайте... Только втихаря. Свое-то можно, это только из заведения мы крепким не торгуем. А свое — за ради Бога, да ведь набегут же сейчас, культурно побеседовать не дадут...

— За знакомство! — полушепотом провозгласил Игорь. — Будь здоров... Геша?

— Геша, — подтвердил тот. — Будь здрав... э-э? Игорёша?

— Не-не! На «ты», но просто Игорь. Такое уж имя, уменьшительных не любит.

— Будь здрав, Игорь!

Выпили.

— А муниципия наша в порядке, — продолжил Геннадий. — Она ж тож из нас из самих. Гляди, все у нас чисто, деревья-кусты подстрижены-политы, вода-свет-газ есть, мусор вывезен, все справно. Дороги чистые. Хоша это мы и сами с усами — метем-моем... я и тут, у лавки моей, и у дома мету-мою. Так и живем. Не жалуемся. А вот скажи ты мне, дружитный, чего это тебя каждый божный день носило куда-то? В Город, никак? Тож эти, как их, матерьялы собирал для книжки? И еще интересуюсь — чего это ты обрился и все такое?

Игорь засмеялся:

— Обрился и все такое — потому что надоело. Потому что надо иногда хоть форму одежды менять. Так веселее. А в Город носило — да, материалы собирал. Особенно по Заводу. У вас тут о Заводе что думают?

— Точно, шпиён! — вскинулся Геннадий. — Да чего об нем, об Заводе, думать-то?! Живем как на бочонке с порохом, это мы-то, тут, за столько километров. А уж как городские там, совсем под боком — ума не приложу. Страшное дело и неведомое дело Завод этот! И нечего об нем думать, пушай ученые думают или вот шпиёны навроде тебя! Лично я так считаю, что срамоту эту нам американцы впарили. Или китайцы. Вот так! А то: как живете, как живете... так и живем! Налей еще по чуть-чуть, что ли...

Выпили по чуть-чуть.

— Миха! — заорал вдруг Геннадий. — Где ты есть, твою мать?! Люди пришли, дожидаются, а он... поди, игрушки в телефоне гоняет?! Прощенья просим, уважаемые, — обратился он к неслышно появившимся посетителям. — Уно моменто, обслужим в лучшем виде. И ты извини, браток, вишь какое дело, — это уже Игорю.

Посетителей было двое. Один повыше, другой пошире в кости, но одеты одинаково — белые футболки, шорты, сандалии, бейсболки — и неуловимо похожи друг на друга.

— Нам по шаурме-классик, с собой, — пробасил тот, что пошире.

Геннадий ринулся в недра заведения.

— Я Алекс, — знакомым баритоном сообщил Игорю тот, что повыше. — А это Жора. Что ж вы, Игорь Юрьевич, от нас утекли? Договаривались же...

— Я с вами не договаривался, — ответил Игорь, стараясь не чувствовать себя школьником, пойманным на списывании. — У меня мало ли какие дела в течение дня. А к вам бы я так и так вернулся. В конце концов, у меня там и машина, и вещи всякие, и документы.

— Беда с вами, — посетовал Алекс. — Ждем, ждем... уж думали, не потонули бы вы. И начальство телефоны обрывает, и грозитя уши оборвать и яйца, извините за выражение.

— Я дольше ждал, — сказал Игорь.

— Так ведь не наша с Жорой вина, согласитесь! — парировал Алекс.

— Нашли-то вы меня как?

— Как надо, так и нашли, — буркнул Жора.

Геннадий вынес коробочку с заказом.

— За счет заведения! — объявил он. — Игорь, дорогой, а тебя жду в любой момент, брат!

— Пока, дорогой, — отозвался Игорь.

— Пойдемте уже, дорогой, — с иронической интонацией произнес Алекс.

Проходя мимо магазинчика, Игорь замедлил шаг. Евгений высунулся наружу и сказал:

— Игорь, приветствую! Извиняюсь, у меня для вас новости не очень хорошие: пятилетний ваш любимый «Коктебель» закончился. Заказал еще три ящика, да вот привезут только послезавтра, сегодня-то суббота...

— Безобразия, — съерничал Алекс, — по субботам не возят, как так?

А Игорь улыбнулся:

— Спасибо, Евгений. Придержите для меня бутылку-другую. А пока дайте четырехлетнего, он-то остался? И два блока сигарет. «Ахтамара», да.

— Пошли, пошли, — нетерпеливо сказал Жора.

Игорь не спеша рассчитался, и они пошли.

А потом поехали: впереди Жора на огромном угольно-черном электроджипе без номеров и каких-либо опознавательных знаков, позади Алекс на таком же чуде китайского автопрома, посередине Игорь на своем стареньком корейце, со всем скарбом, старым и новым.

Натурально под конвоем, усмехнулся он. Ну так ведь сам того хотел.

Ехали долго — потому что медленно: «головной» Жора держал семьдесят и ни километром в час больше. Спасибо, конечно, что не меньше... но на великолепной трассе, свободной от попутных, встречных и поперечных, ползти на семидесяти казалось пыткой. Вспомнилось откуда-то из прошлой жизни, из Пастернака, кажется: «Поезд летел на бешеной скорости сорок верст в час». М-да...

Заряд батарей, что ли, экономят, подумал Игорь. А зачем — заправок-зарядок хватает, да и на базе, куда мы, вероятно, направляемся, должна у них быть своя зарядная станция.

Он взглянул на приборную доску — бензина есть километров на двести, нормально. А вот эти 70 км/ч просто невыносимы!

Попытался схулиганить: включил указатель поворота, перестроился на встречу, ускорился было. Жора среагировал мгновенно — заблокировал намечавшийся обгон. Пришлось вернуться на свою полосу. Алекс сзади помигал дальним светом, Жора тоже вернулся, продолжили плестись,

С шоссе свернули незадолго до Города. Дорога стала проселочной и чуть ли не серпантинной, даром что по плоской равнине. Миновали блокпост — этот действовал, похоже, по всем правилам, но их «кортежик» пропустили с полной предупредительностью: видно было, что тяжеленный шлагбаум поднимается заранее. Так же заранее двинулись на открытие трехметровой высоты ворота в трехметровой же бетонной стене со спиралью Бруно поверху.

Въехали на территорию, Жора припарковался носом к двухэтажному зданию белого кирпича, Игорь пристроился рядом, Алекс неожиданно сделал маневр и поставил машину позади Игоревой, да поперек — запер, с места не сдвинуться.

Все трое выбрались наружу.

— Это зачем? — хмуро спросил Игорь, показывая на джип Алекса.

— А затем, — вместо Алекса ответил Жора, — что нехер было на трассе козлить! Кто просил лихачить?

— А чего вы еле-еле душа в теле?! — возмутился Игорь.

— Того, — угрюмо сказал Жора.

— Алё! — позвал Алекс. — Разрядили нервяк? Ну и хорош! — Он улыбнулся. — Игорь Юрьевич, следуйте за мной. Документы свои только прихватите. Машину можете не закрывать.

Нечего, решил Игорь, и запер машину. Из принципа.

Вдвоем с Алексом вошли в здание — Жора словно испарился куда-то, — поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Коридор, пять дверей справа, пять слева. Алекс глянул в свой телефон, толкнул вторую дверь справа, посмотрел внутрь, кивнул, посторонился, сказал Игорю:

— Прошу.

Глава 3. Позывной: без позывного. 22.05.49, суббота

Департамент 31

Отдел 31/3

22.05.49

Начало: 14:33 UTC+3

Беседовали: 1) начальник отдела 31/3 (позывной Коммодор); 2) задержанный (без позывного)

КОММОДОР. Присаживайтесь. Ваши документы, будьте любезны.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Спасибо. Пожалуйста.

КОММОДОР. Наше собеседование записывается.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Не возражаю.

КОММОДОР. А вашего согласия не требуется. Но уведомить вас я обязан.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Окей.

КОММОДОР. Итак. Ваши фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Так у вас же мой паспорт. Там же все написано.

КОММОДОР. Ну, такая формальность. Хорошо. Не хотите — сам скажу. Значит, Лушников Игорь Юрьевич, девяносто девятого года рождения, город Москва. Правильно?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Господи...

КОММОДОР. Стало быть, полтинник вам, Игорь Юрьевич. А смотрите моложе.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Нет еще полтинника, в августе будет. Вот и выгляжу на сорок девять.

КОММОДОР. Да нет, лет на сорок смотрите. А что нет полтинника — мы тут на дату не глядим, по году считаем.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Интересно. Это как отец мой... или дед... или прадед... что ж такое?

КОММОДОР. Что такое?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Да путаю предков... зашор какой-то... Короче, предок мой бы двадцать пятого года рождения, а призвали его в сорок третьем. Ему полных восемнадцати не было, но считали просто по году. Вот и вы тоже по году.

КОММОДОР. Угу. Интересно. А вы в самодеятельности участвуете?

(Пауза шесть секунд.)

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Участвую *(Далее шепотом.)* Зачем я сказал, что участвую, я же не участвую.

КОММОДОР. Вижу-вижу, любите советскую киноклассику!

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Ценю. А что за бред про самодеятельность?

КОММОДОР. Да так, ассоциативно, по-ученому говоря. Спросить-то хотел другое: вас в школе за фамилию не дразнили? Лушкой не обзывали?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Слушайте, в порядке любезности. Мне-то к вам как обращаться? Хотя бы по званию вы кто?

КОММОДОР. По званию я для вас Сергей Николаевич, вот и ладошки. Ну так?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Про школу, что ли? Ну, бывало, пытались. Но я сначала объяснял, что фамилия моя идет от слова «лучник». То есть воин с луком и стрелами. А буква «ш» в ней — это чисто старомосковское. В Москве до сих пор некоторые говорят не «булочная», а «булошная». Не «прачечная», а «прачешная».

КОММОДОР. Фуячешная. Министерство культуры.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Ага, вы тоже по советскому фольклору не промах.

КОММОДОР. Я много по чему не промах.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Кстати, прачечная у вас тут есть? Мне бы вещички простирнуть запылились, пропотели. Вы ж меня три недели мурыжили!

КОММОДОР. С постирушкой порешаем. И что, помогали ваши объяснения прс фамилию?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Кто с первого раза понимал, те отставали. Кто не понимал, т получали по башке. Иногда отвечали, но по итогу тоже отставали. Переходили на Луча, я соглашался. Да зачем вам это все?

КОММОДОР. Для общей картины. Ну так расскажите, Игорь Юрьевич, что ж вы прямо рветесь на объект? Что потеряли там?

(Пауза одиннадцать секунд.)

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Расскажу. Только сначала, Сергей Николаевич, поведали бы — кто вы есть, где я нахожусь и вообще?

КОММОДОР *(со смешком)*. Да зачем вам это все?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Ну... А вдруг вы не госструктура никакая, а ОПГ? Или гос, но какогонибудь недружественного?

КОММОДОР. Фантазия у вас, однако.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. И?

КОММОДОР. А вам не все равно? Вам же туда приспичило, на объект, зачем-то помощь нужна, так какая разница кто вам поможет?

(Пауза пять секунд.)

КОММОДОР. Добро. Гос мы структура, гос, не переживайте. Наша, не чужая. Подробности, может быть, после. Итак?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Ну, поверю... Итак — в смысле что потерял? Я, Сергей Николаевич, вообще все потерял. Там, дома, далеко, ничто меня не держит. Здесь, на Заводе, возможно, есть женщина, которую потерял двадцать лет назад. Да и, не буду скрывать, тянет меня туда что-то такое... не умею назвать... но непреодолимое.

КОММОДОР. Не особо, но понятно. Последний к вам пока вопрос: помощь вам зачем? Вы ж квадрокоптеру нашему орали, мол, могу проникнуть! Сам, мол, проникну! Ишакom еще себя обозвали — кстати, довольно уместно, по вашему поведению судя. Так что вам от нас надо, проникатель?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Тю. Тоже мне бином Ньютона. Информация нужна плюс МТС.

КОММОДОР. МТС?

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Материально-техническое снабжение. Миноискатель, прибор ночного видения, фонарь ручной, фонарь налобный, резачок вибро, оружие, может, какое-нибудь, аптечка... черт его знает. В принципе, у меня в блокноте списочек есть.

КОММОДОР. Видал.

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Даже так? Вот же вы...

КОММОДОР. Сволочи, да. Служба такая. И дело серьезное. Да вы же и подставлялись всю дорогу, аж три недели, что уж теперь на нас грешить. Кстати, стропорез у вас — супер. А в списочке вашем мачете недостает. Вдруг там джунгли какие выросли, поди знай. Шучу.

(Пауза семь секунд.)

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Я мог бы все, что нужно, на черном рынке найти.

КОММОДОР. Ай да вы!

ЗАДЕРЖАННЫЙ. Но в качестве не уверен. А главное — информация. Прежде всего — старые планы Завода, включая поэтажные, все до единого. Что в интернетах нарыл, тому не знаю, доверять ли.

КОММОДОР. Тоже порешаем. Ну, в основном ясенько с вами, а теперь черед ваших вопросов. Наверняка ведь накопилось (*смешок*). Только прежде — обед, это святое.

(Пауза четыре секунды.)

КОММОДОР. Конец записи.

Конец записи. Расшифровал(а): оператор (позывной Клещик)

Хозяин кабинета взял со стола пульт, ткнул в него толстым пальцем раз, другой. Верхний свет погас, на мгновение стало совсем темно, но тут же, с болезненным жужжанием, поползла вверх непроницаемо-серая штора. Сразу стало душновато. Сергей Николаевич недовольно посмотрел на пульт, вполголоса матюкнулся, пробормотал: «Сызнова кнопку кондея зацепил, шо ж такое», ткнул третий раз — духота рассеялась.

Игорь глянул в зарешеченное окно. За яркой, празднично освещенной солнцем зеленью виднелась лазурная полоска воды.

С.Н. поднес тот же пульт к губам, сипло позвал:

— Соня! Соня, ты где есть? Снова кемаришь, вот я тебя!

Из пульта неразборчиво вякнуло.

— Соня, слушай сюда, — продолжил С.Н. — На камбуз вешай табличку «Технический перерыв». Ежели там есть кто — гони взащей. Скажи — я приказал. И через пять минут чтоб были готовы два обеда.

Из пульта опять прохрипело.

— Добро, через шесть. Не торгуйся! Выполняй!

Он встал, вышел из-за стола. Игорь тоже поднялся. Уставились друг на друга.

Довольно-таки рабоче-крестьянского вида персонаж, оценил Игорь. Чуть пониже меня... сто восемьдесят, наверное, плюс-минус сантиметр... но, что называется, кряжистый. Полный центнер, а то и все сто десять. Излишки веса имеются, не без того. Короткий седой ежик, мощные залысины, лицо красноватое, шелушащееся, бровей почти не видно, глазки маленькие, как бы сонные... но это, ясное дело, видимость. Одет-обут странно, совсем не по погоде: штиблеты — в прошлом, похоже, лаковые, — мешковатые коричневые брюки на подтяжках, белая рубаша с закатанными рукавами, ворот расстегнут, зеленый в желтую полоску галстук с ослабленным узлом. В подмышках пятна пота. Ручищи под стать лицу — красные, безволосые, шелушащиеся. Колхозный счетовод, подумал Игорь. Лет шестидесяти... хотя в наше время поди пойми — может, и все семьдесят есть.

Мимолетно удивился: откуда это в башке такие анахронизмы — колхозный счетовод... Собеседника же оценил: косит под простоватого, а сам вовсе не прост, наверняка. Удобная маска.

— А поворотись-ка, сынку, — продекламировал вдруг С.Н.

Игорь слегка опешил, а С.Н. пояснил, уже обычным тоном:

— Фигуру вашу хочу рассмотреть. Лицо рассмотрел, на артиста вы стародавнего смахиваете. На Олега, только не пойму на какого. Вы, может, знаете таких артистов, коли

«Бриллиантовую руку», и ту помните?

— Янковский? — растерянно предположил Игорь, которому никто никогда не говорил о схожести со звездами экрана.

— Та ні, — почему-то на суржике возразил С.Н. — Який Янківський... — И перешел на русский: — То ли Даль, то ли Борисов, а то ли серединка промеж ими... Но не суть. Трэба форму вашу физическую заценить первично. Дела для. Ну-ка, шаг назад. Еще шаг назад. Так. Теперь вполоборота повернитесь, в какую хотите сторону. Теперь задом ко мне... не колбасьтесь, спиной, спиной! Не засажу я вам... чего вы дергаетесь, из ствола промеж лопаток не засажу, оно мне надо? Так, все. В целом неплохо, каждый день по тридцать километров пересеченной местности шарашить — дает себя знать. Но есть что и скинуть.

На себя посмотри, подумал Игорь, но С.Н. будто услышал:

— А мне такой формы и нэ трэба. Скинуть зачутка — оно не помешало бы, да время где взять... Все, двинули харчеваться.

«Камбуз» оказался отдельным домиком на территории. На двери, действительно, висела, несколько вкривь, табличка: «Технический перерыв». Внутри — четыре дешевых пластмассовых столика с такими же стульями. На одном из столиков — два обеда, стандартнее не придумаешь: салат из огурцов и помидоров, бульон в чашке, котлета с макаронами, компот из сухофруктов, хлеб.

— Соня! — гаркнул С.Н. — Эт-то что такое?! Ну-ка живенько, второе подогреть!

Из неприметной задней двери явилось нечто двухметровое, узкое, усатое. Ловко сгрело тарелки, унесло разогревать.

— Это Соня, — пояснил С.Н. — Позывной такой. Потому что, сука, как ни минута — заснуть норовит. А так-то годный хлопчик, ежели с ним по строгости. Ну, кушайте, кушайте.

Обедали молча. Приступив к компоту, С.Н. крикнул:

— Соня! Подь сюды! Значит, так: сопроводишь товарища, комнату ему откроешь в главном здании... седьмую на первом этаже, понял? Вещички у него примешь — простирнуть-погладить-почистить. А вас, товарищ, — он повернулся к Игорю, — попрошу ко мне в кабинет в восемнадцать нуль-нуль, продолжим беседу. До того отдыхайте в комнате, а мне дела кое-какие уладить трэба. Если что, курить в комнате разрешено. Вижу, маетесь без дыма. Соня, пепелкой товарища обеспечь! И гляди мне!

Оставшись один в седьмой комнате на первом этаже главного здания — вполне приличный гостиничный номер, подивился Игорь, с титанической кроватью, невнятным натюрмортом над ней, парой кожаных кресел, журнальным столиком, кондиционером, санузелом, душем, холодильником — правда, пустым, — даже телепанелью — правда, отказавшейся включаться, но не больно-то и хотелось, — он вдруг почувствовал, что вот-вот заснет. Даже курить не хочется, хотя пепельница — вот она; нет, только спать... А ведь всегда в это время бодро пер по периметру Завода... Заставил себя поставить в телефоне побудку на половину шестого — будет время освежиться под душем; успел предположить, что заразился сонливостью от Сони, либо подмешали ему в пищу какого-нибудь брома; мельком вспомнил о бритве Оккама и, почему-то, об окнах Овертона; задремал.

Глава 4. Позывной: Маньяк. 22.05.49, суббота

Департамент 31

Отдел 31/3

22.05.49

Начало: 18:02 UTC+3

Беседовали: 1) начальник отдела 31/3 (позывной Коммодор); 2) специалист вне штата (позывной Маньяк)

КОММОДОР. Запись пошла. Давайте-ка теперь присядем вот тут, удобнее будет.

(Пауза шестнадцать секунд.)

КОММОДОР. Можете курить. Пепелка вот. Чаю-кофе желаете?

МАНЬЯК. Спасибо. Кофе неплохо бы.

КОММОДОР. Вон там кофе-машина. Справитесь?

МАНЬЯК. Да. Вам сделать?

КОММОДОР. Нет.

(Пауза сорок две секунды.)

КОММОДОР. Приступим. Значит, так. Пока вы отдыхали, я кое-что порешал. Официально довожу до вашего сведения. Вы находитесь в расположении отдела 31/3 департамента 31. Зачислены специалистом, вне штата, но на полном довольствии. Вам присвоен позывной: Маньяк. Я, чтоб вы знали, начальник этого отдела. Мой позывной: Коммодор.

МАНЬЯК. Вот те раз. Без меня меня женили. Маньяк, надо же. Спасибо, что не Ишак.

КОММОДОР. Была такая мысль. Но счел излишним. А Маньяк вам подходит. Что до, э-э, женитьбы, так напоминаю второй раз: вы сами этого хотели аж не могли. Нет?

МАНЬЯК. Ну, да.

КОММОДОР. Вот и славно. Еще довожу до вашего сведения. До начала вашей, э-э миссии имеете право свободно перемещаться по расположению. Но только по нему. Без выхода за пределы.

МАНЬЯК. Здравствуйте пожалуйста! Мне в Поселке надо за постой заплатить! И ключ от номера сдать!

КОММОДОР. Ключ сдадите мне. Отправлю туда из хлопцев кого-нибудь. Да хоть Алекса. Он сгоняет, расплатится и тэдэ.

МАНЬЯК. Господи, страсти какие. И тайны. Ладно. Тогда просьба: сгоняет он пусть вс вторник. И по случаю заглянет там в магазин, он должен помнить, к Евгению, который для меня заказал «Коктебеля» пятилетнего. И возьмет два ящика, а то неудобно перед человеком. И Геннадию, у которого они меня нашли, привет передаст. Деньги на «Коктебель» кому дать, тоже вам?

КОММОДОР. Я же вам доложил: полное довольствие. Деньги вам на объекте, может пригодятся, кто знает. Так что возьмете с собой все, что имеете. А тут все на госсчет.

МАНЬЯК. Халява, сэр.

КОММОДОР. Ну-ну. Про вторник услышано, принято.

МАНЬЯК. Спасибо.

КОММОДОР. Та не на чем. Все, к делу. Валяйте ваши вопросы.

(Пауза девять секунд.)

МАНЬЯК. Хорошо. Главный вопрос. Правда, в двух частях. Первое: почему вы так долго решали? Девятнадцать дней я туда ходил, без выходных! Второе: почему решили пойти навстречу? Есть и еще вопросы, как не быть, но потом.

КОММОДОР. Я-то думал, вы першим ділом спросите, что это за отдел такой 31/3 да департамент 31.

МАНЬЯК. Спрошу, но потом.

КОММОДОР. Добро. Буду отвечать на ваше двухчастное, а заодно и про департамент с отделом освещу, и про другое многое. По-иному никак не получится.

МАНЬЯК. Окей. Весь внимание.

КОММОДОР. Значит, так. Почему решали-не решали, а потом решили. Ответ будет, как бы сказать, циничным. Понимаете, у нас тут, по большому счету, болото. Деятельности особой нету. Отчетность есть, финансирование есть. Не то чтобы золотые горы, но и не бедствуем. А деятельности нету. Теплое болото, сытное. А тут вы. Сперва за психа приняла. Ну, вы, и верно, не без того. Но присмотрелись. Нет, не только не без того. Лично я присмотрелся. И поверил: не простой вы псих. Опять же то место обнаружили. С ним у нас однажды случился, как говорится, эксцесс. Давно случился, после расскажу. Ну и вот. В лом было, знаете ли, уютное болото мутить. И руководство, там, в департаменте, не настаивало. Я докладываю, мне в ответ: решайте на месте.

МАНЬЯК. Логично. Это я про болото.

КОММОДОР. А потом я подумал: так и прожить до гроба в болоте? Я ведь тут давным-давно. Продвижения по службе никакого. Каждый день одно и то же. А вы, может, шанс. Глядишь, что-то да выйдет. Наверху заметят, вспомнят старика, продвинут, а то и в столицу переведут. С повышением. Или на пенсию отправят, на богатую. Ха. Вот и решил дать вам ход.

МАНЬЯК. Слышу в ваших объяснениях некую иронию. А то и сарказм.

КОММОДОР. Вы меня своей литературщиной не давите. Плавали-знаем. Ну так что про отдел 31/3 докладывать?

МАНЬЯК. Конечно.

КОММОДОР. С нумерацией все просто до глупого. Я даже точно не в курсе, было ли департаментов тридцать штук или было их хоть сто, а номер тридцать первый почему-то свободным остался. Короче, когда объект у нас тут возник, создали в центре такой департамент 31. А в его составе наш отдел 31/3. Почему «дробь три»? Не спрашивайте. Не ведаю. Есть ли «дробь один» и «дробь два», тоже не ведаю. «Дробь четыре» и тэдэ, и про то не ведаю. Ведаю лишь, что по департаменту и объект, какой вы называете «Завод», получил номер: объект 31.

МАНЬЯК. Слава Богу. А то можно было подумать, что таких, хм, объектов тридцать одна штука, как минимум.

КОММОДОР. Три их на всю матушку-Землю.

МАНЬЯК. Про три знаю. Мы, Китай, Штаты.

КОММОДОР. Да. Как начиналось у них там, то мне неизвестно, а как у нас тут, то ведомо более чем. Почти что присутствовал.

МАНЬЯК. Ого!

КОММОДОР. Рассказать?

МАНЬЯК. Конечно! Только сначала, если можно, о вашей подведомственности.

КОММОДОР. Это как раз не можно. Верьте-не верьте, сам не знаю. Уровня допуска не хватает. Может, ФСБ. Может, СВР. А может, АП. А еще, может, что-то непосредственно при Верховном. Если не сам Верховный.

МАНЬЯК. Бритва Оккама.

КОММОДОР. Что?

МАНЬЯК. Нет, ничего.

КОММОДОР. Сам-то я по линии ВМФ числюсь. Другие, ну, хлопцы мои, кто по какому ведомству. Но это чисто, как бы сказать, фиктивно.

МАНЬЯК. Понимаю. Знаете, извините, на минутку отвлекусь, а то нахлынуло опять. Про какого-то родственника, только странно, не могу сказать, какого именно. А знаю это, словно бы я сам, но какой-то другой, рассказывал мне самому, вот этому. Ладно, сие лирика. А с родственником было так: он в войну, в Отечественную, числился артиллеристом. Орденов полная грудь. А на самом деле воевал он в трофейной команде. Это не то что в тылу трофеи разгребать и сортировать. Они в своей той команде их сами добывали. Ходили за линию фронта, бесшумно резали охрану и брали что попадет. Однажды танк угнали. Или даже не однажды. Такая вот артиллерия.

КОММОДОР. Да, похоже. Одна разница: мы тут за линию фронта не ходим и никого не режем. Это ежели кому предстоит, то вам. Ну так рассказывать, что ли?

МАНЬЯК. Молчу и слушаю.

КОММОДОР. Предприятие было громадное. И многопрофильное. Metallургия механика всяческая, аж до электроники. Мастерские свои, всевозможные. Логистика своя. Энергетика своя. Оранжереи свои. Медсанчасть своя. Даже газета своя. И тэдэ. По делу, так целый город. Многоэтажный, что вверх, что вглубь. В годы нестабильности долбали его нещадно, до мелкого пепла. Не единый раз. Раздолбают, начнут восстанавливать, снова раздолбают, снова восстанавливают. А потом — фигак! Ничего, что я так выражаюсь? Могу и круче, да под запись сдерживаюсь. Я ж в это самое время в Городе был. Не на предприятии самом, Господь миловал. И не совсем рядом. Но все ж таки в Городе. Короче: вдруг! Ни с того ни с сего! Как отрезало. Ну то есть и взаправду отрезало. Вернее, накрыло. Купол этот, откуда ни возмись, невидимый, органами чувств не воспринимаемый, приборами никакими тоже не воспринимаемый.

МАНЬЯК. Насчет органов чувств это вы малость исказили. Осязание.

КОММОДОР (*со смешком*). И то верно. Осязанием очень даже воспринимаемый. Вроде как ничего нет, а не пройти, даже не просунуть ничего. Твердое и гладкое. Чтоб его. А внутри люди остались, тысяч пять. Кстати, вы говорили о женщине вашей. Она, значит, тоже там осталась?

МАНЬЯК. По-видимому, да. С ребенком нашим, которого ждала. Она как раз и медсанчасти там практику проходила преддипломную. Расписаться мы собирались после той практики.

КОММОДОР. Мои сочувствия.

МАНЬЯК. Благодарю. Слушаю дальше.

КОММОДОР. Да что тут... По правде говоря, кто в Городе был, поперву ничего не заметил. Просто связь с предприятием прервалась, наглухо. Кстати, насчет связи. У вас тут мобильная связь тоже будет отсутствовать. То есть уже отсутствует. И все ваши интернеты. Тоже наглухо. Но не по той причине, что с предприятием, а согласно требованиям режима.

МАНЬЯК. Понял.

КОММОДОР. Так вот. Купол, или, как еще говорится, оболочку, она же силовое поле неустановленной природы, обнаружили чуть позже. Со спутников. До нас потом довели, что кто-то в центре обработки данных заметил изменение в отражении лучей. Я не специалист, понял только, что всякие там лазеры-мазеры-шмазеры стали добивать только до оболочки. И не отражаться, а гаснуть. И радиоволны, рентгены, микроволновые и прочие, во всех диапазонах, аналогично. Тоже вроде как осязание. Изнутри, надо полагать, оно же: ни единого сигнала изнутри с тех пор не зарегистрировано. Зато видно, снаружи в смысле, наоборот, все как есть. Немного позже выяснили, что насчет «как есть» не факт. Потому что наблюдаемая картина иногда меняется. Ладно бы по причине чьей-то активности, так целые сооружения произвольно смещаются. Топография гуляет, чувствуете? А то вдруг выбросы какие-то видны, не пойми чего. Навроде гейзеров, то там, то тут, выбросит и потухнет. И опять же не факт, что реальные это выбросы, а не обманки. Непонятно, для чего те обманки, но там вообще все непонятно. Ученые, конечно, работают. С самого начала, авторитетные такие, академики даже. Да без результата. Наблюдают, прощупывают, формулы чертят, а понять ничего не могут. Что, для чего, как быть? Не знают. Так оно и по сию пору. А в последние годы вяло они работают. Разве что энтузиаст какой выдвинет теорию. А эти, которые академики с лауреатами, ее заклеивают как антинаучную. До нас все это доводят. Ну, в сжатой форме.

МАНЬЯК. А народ местный?

КОММОДОР. Ха. Народ поперву туда ломанулся. Кто своих спасать, кто чисто из интересу! Некоторые на купол залезать удумали, кошки альпинистские забрасывали. Да не зацепляется же! Другие, те фотосессии устраивали. А что там фотографировать, оно внешне-то как было, как и осталось. Потом еще моду взяли: сексом там заниматься. Иные и вовсе гадить наладились у самой оболочки. Оно вроде бы и пусть, все одно следов не остается, но указание пришло сверху: пресекать. Мы и устроили запретную территорию. Световые вывески сделали, датчики, коптеров закупили. А отвязанные, тем один хрен! И коптеры наши стали биться, так сказать, об стену. Кого-то из дураков обломками поувечило, летальных исходов тоже случилось пара штук. Тогда техники мои чуток перепрошили у коптеров нутро, чтобы к оболочке не приближались. Пять метров выставили. А потом сошло, как говорится, поветрие практически на нет. Не ходят туда больше. Приелось, что ли.

МАНЬЯК. Да, чтобы не забыть, касательно коптеров ваших есть идея. Они же неэффективны совершенно. Бубнят, да и только.

КОММОДОР. На многих этот бубнеж правильно воздействует.

МАНЬЯК. Но не на всех же! Идея следующая. Снабжаете каждый дрон емкостью по брюхом. И после третьего предупреждения на нарушителя выливается содержимое.

КОММОДОР. Типа говна?

МАНЬЯК. Угу.

КОММОДОР. Вот вас туда спровадим, тогда и выйдем к руководству с вашей идеей.

МАНЬЯК. Я слышал, разрушать пытались оболочку.

КОММОДОР. Пытались. Поперву строительной техникой. Ясен пень, с нулевым результатом. У одного экскаватора ковш поломали, вот и весь результат. Потом обстреливали. Пулевое оружие, артиллерия, минометы, ракеты. Результат вот какой: оболочке по барабану, а боеприпас не то что не взрывается, это само собой. Он даже не рикошетит. Он как будто к оболочке прилипает, а потом спокойно соскальзывает по ней. Аналогично и беспилотников угробили немерено. Причем на земле, ежели ее можно так

назвать, никаких даже следов не остается. Как было замусорено, так и есть, ни больше ни меньше. И кислоты всякие лили. С ними все так же точно. Ни следа.

МАНЬЯК. А мой десяток окурков валяется себе.

КОММОДОР. Это вы место такое нашли, особое. Или вы сами такой особый. Вместе с окурками вашими. Курите, курите, я проветрю потом. А место особое, да. Мы его слабиной прозвали, но это так, промеж собой. Там же и эксцесс был, о каком я упомянул. Мужик какой-то, неизвестно кто, тоже вроде как нащупал ту слабину. Там оболочка вплотную к вагонеткам примыкает. И мужик туда полез. По записи с дрона судя, пролез типа наполовину, потом вспышка, фиолетовая, неяркая. И нет мужика. Как не было. Имейте в виду.

МАНЬЯК. Давно?

КОММОДОР. Говорил же: давно. Желаете точнее? Не вопрос: в тридцать четвертом. Ровнехонько в пятую годовщину... события.

МАНЬЯК. И не установили мужика? По записи-то?

КОММОДОР. Не удалось. То ли мужик ушлый отказался, то ли камера малость подгуляла.

МАНЬЯК. М-да. Ладно. А расскажите, у китайцев что и у американцев?

КОММОДОР. Правильный вопрос. В Китае эта чума накрыла целый город, вь наверняка в курсе. По их меркам небольшой городишко. Миллионов двенадцать населения. Китайские товарищи обычно неторопливы, а тут проявили решительность.

МАНЬЯК. У них бывает. Помню площадь Тяньаньмынь, как же. Их бы решительность Януковичу в четырнадцатом году.

КОММОДОР. Помните Тяньаньмынь? Как это? Вас тогда на свете не было.

МАНЬЯК. Да все то же. Знаю, что помнить не должен, а помню, словно в те дни лично слушал все по радио. По вражьиим голосам. Как бы я и не я. Уже привыкать начинаю. Так что сделали китайские товарищи со своим городом? Мне-то подробностей найти не удалось.

КОММОДОР. Ага, засекретили они на славу. Но и наши товарищи не всегда хлеб жуют даром. У вас теперь допуск позволяет, так что расскажу. Хотя и не позволял бы, вреда не вижу. Одна дисциплина препятствовала бы.

МАНЬЯК. Заинтриговываете.

КОММОДОР. Китайские товарищи в три дня очистили двухсоткилометровую зону вокруг своего периметра. Людей отселили, все ценное вывезли. Установили жесткий карантин. Кто пытался нарушить, стреляли на поражение. А на четвертый день шархнули ядерным зарядом.

МАНЬЯК. Ничего себе!

КОММОДОР. А что, нормально. Сбросили из стратосферы, заряд был с крылышками, с сервомоторчиками, вели из космоса по лучу, вывели на ось купола. Там-то он и должен был дать жару, в километре над макушкой.

(Пауза шесть секунд.)

МАНЬЯК. И?

КОММОДОР. И ничего. Тихо сполз по куполу и поминай как звали. Через день они повторили историю, только высоту срабатывания увеличили до четырех километров. И тоже пшик. Предположили, что оболочка как-то нейтрализует все, что над ней. Сбросили третий, в полуклометре в сторону.

МАНЬЯК. Логично.

КОММОДОР. Логично, да аналогично. Тогда, только представьте, решили забетонировать купол. Навроде как горшок глиной обмазывают, так и они за неделю обмазали бетоном. Со стальной обвязкой. А на следующий день спутники индицировали, что оболочка расширилась ровно на толщину этой обмазки. Которая оказалась внутри, причем в целостности и сохранности. А оболочка снаружи.

МАНЬЯК. Да, читал, что оболочка иногда как бы пульсирует, слегка меняет форму.

КОММОДОР. Кстати, именно в Китае установили, что оболочка замкнутая. Она и под землей все закрывает. Китайские товарищи очередной трудовой подвиг совершили: обкопали все, по всему кругу и до самой глубины. До, можно сказать, антиверхушки купола. Думали, вся эта муть, весь город их, сейчас просядет. А он ничего, так и остался как бы висеть. Мы потом у себя эту замкнутость подтвердили. Копать не копали, а бурить бурили, по всему кругу. Все точно, замкнутая она. Кокон. Нерушимый. Кстати, ядерных тех штук китайские товарищи внизу не нашли. Как не было их. Всех трех. *(Четыре секунды неразборчиво.)*

МАНЬЯК. А между прочим, если не секрет, что это вы так все время почтительно китайские товарищи?

КОММОДОР. Так положено.

МАНЬЯК. Угу. Забыл, что под запись. Сорри. И что было дальше?

КОММОДОР. Да. Тогда китайские товарищи поступили вообще капитально. Они в кратчайшие сроки воздвигли вокруг своего объекта, бывшего города-многомиллионника, стену, на всю высоту купола плюс еще сколько-то. Представляете? У нас объект немаленький, а там насколько больше. И высотки там были, стоэтажники. А они воздвигли. От стены до оболочки, метров сто, что ли, взяли. Коричневая такая стена, куда там Великой Китайской. И сверху все перекрыли. А двухсоткилометровую полосу отчуждения, ту сохранили. Пять линий инженерных заграждений, минные поля, автоматические пулеметы и прочее. И войска. Так-то. И продолжает держава жить как жила, оставив досадную хрень в прошлом.

МАНЬЯК. Нам не понять. Ну, про американскую штуку я вроде знаю.

КОММОДОР *(со смехом)*. Вы-то знаете, а я там лично был. В командировке служебной, под видом туриста. Амеры есть амеры, их нам тоже не понять. Благо там объект небольшой, людей почти не задел. А для бизнеса в самый раз. Катание на пустоте. С вертолета тебя на тросе аккуратненько спускают на купол, дальше сам скользишь. Со страховкой, конечно. По итогу сертификат получаешь. Стоит недешево, удовольствие сомнительное, популярность не ахти, так они вокруг целый парк развлечений построили. Еще вопросы есть?

МАНЬЯК. Пока пара осталась Первый. Ученые учеными, а к религии обращаться не пробовали? Или, шире, к мистике. К эзотерике какой-нибудь.

КОММОДОР. Пробовали. Ни одной конфессии представители ничего по делу не выдали.

МАНЬЯК. К иерархам, небось, обращались. А надо бы к старцам, к монахам, к отшельникам.

КОММОДОР. Вот вас спровадим, тогда и доложу руководству насчет старцев.

МАНЬЯК. Наверное, последний вопрос на сегодня. По времени эти три оболочки как появились? Синхронно?

КОММОДОР. Как бы нет, а как бы и да. Первой вылезла в Китае, второй у нас, третьей и

Америке. Но истинное солнечное время, с учетом долготы, везде было одно и то же. С точностью до наносекунды. Восемь тридцать утра плюс секунды, миллисекунды и тэдэ.

МАНЬЯК. Обалдеть.

КОММОДОР. Вот и балдеем уже двадцать лет. Но все тише и тише. Значит, так. Сегодня вы отдыхаете. С завтрашнего дня начинаем подготовку. Обучение работе с инвентарем, какой вы просили. С оружием в том числе, выберете из нескольких вариантов. С аптечкой, заказано для вас на все случаи жизни. И смерти.

МАНЬЯК. Оптимистично.

КОММОДОР. А то. Дальше. В этом здании, в подвале, есть зальчик тренажерный. Подкачайтесь, не помешает. Пресс, а особенно плечевой пояс. Топать-то вам не налегке. Методики знаете? Добро. Инструктора по рукопашке у нас нет. Разве что Упырь. Который Жора.

МАНЬЯК. Подходящий позывной. А у Алекса какой?

КОММОДОР. Борзый.

МАНЬЯК. Тоже адекватно.

КОММОДОР. Вообще-то, Алекс, Жора — тоже позывные, как бы резервные. А то во бы они вам представились: я Борзый, а это Упырь, ага?

МАНЬЯК *(со смешком)*. Да уж. Ладно. А рукопашки не надо.

КОММОДОР. И правильно. Так. Бассейна тоже нет, но есть Залив. Там, конечно заминировано. Шучу-шучу. Просто огорожено. В общем, плавайте сколько влезет. Завтрак в восемь, обед в два, ужин в восемь. Кофемашину вам в комнату поставят, я распоряжусь. И главное: как думаете, сколько времени понадобится вам на подготовку?

МАНЬЯК. Сколько понадобится, не знаю, а уйти хочу ровно шестого июня.

КОММОДОР. Это почему так?

МАНЬЯК. А я так вчера решил. Это юбилей Пушкина. Двести пятьдесят лет.

КОММОДОР. Годится. Все, до завтра.

(Пауза пять секунд.)

КОММОДОР. Конец записи.

Конец записи. Расшифровал(а): оператор (позывной Клещик)

Глава 5. Тоска, тоска. Дата: квантовая календарная неопределенность

В незапамятные времена башня была высокой. Пусть не высокой-превысокой, но все равно высокой — восемь этажей. Она и нынче высокая, только теперь она не башня. Потому что в те же незапамятные времена внутри стен все обвалилось, и крыша тоже, и стены укоротились, с разных сторон по-разному, так что — какая ж это башня.

Незапамятные — так мама говорила. А дядя Саша-На-Всё-Про-Всё говорит доисторические. Марине больше нравится мамино слово. Оно само по себе и красивое: неза-па-мят-ные. И с таинственным смыслом, потому что с памятью связано. А у нее, у Марины, память есть о тех незапамятных — от мамы, светлая ей тоже память. Правда, только половина есть того, что мама помнила, а другая половина — от бабушек, прабабушек да всех-всех пра-пра-пра, но эта другая половина — неразборчивая. А мамина — ясная. Ну, почти ясная.

Что в Бывшей Башне этажей нет — это даже хорошо. Ночью придешь сюда, на охапку мягкого, рассыпчатого приляжешь — от него потом чешется, утром надо смывать как следует, — но приляжешь вот так, лицом кверху, и смотришь, смотришь... А там, в вышине — звезды, звезды. И спать жалко, хотя и засыпаешь всегда.

Местные сюда не ходят, ни в башню, ни около, ни вообще на этот уровень «нуль» — так дядя Саша его называет, ну и пусть будет нуль. Местным бы тут пропитание лакомое добывать, его полно, вон как железом пахнет! Но они боятся. И правильно делают: если кто и пересилит страх, то после «нуля» хворает не пойми чем. Марине в маминой памяти таких болезней не сыскать, как их врачевать — неведомо. Так что лакомое — его когда она же, Марина, Местным доставит, когда еще кто из муданов. Почти всегда это дядя Саша.

Муданы — это, дядя Саша-На-Всё-Про-Всё объяснил смеясь, Местные так мутантов окрестили. Таких, то есть, как Марина, как сестрицы-подружки ее, как сам дядя Саша, как Священные Явреи даже. А на самом деле Местные и есть мутанты. Хотя как посмотреть, сказал тогда дядя Саша. Местные, вон, и верх низом числят.

В общем, хорошо по ночам в Бывшей Башне. И не только то хорошо, что звезды и что Местным, горемыкам, утром лакомства принесешь. А и то хорошо, что растешь тут не так быстро, как там у себя, внизу. Марине по ее счету всего шестнадцать лет, а сестрицам-подружкам, даром что рождены с ней в один год, по их счетам уже двадцать! Скоро им пора настанет — зачинать. Все ждут, чтобы появился мальчик, а то всё одни девочки рождаются. У Местных, само собой, и девочки, и мальчики, а у нас только девочки. Все почему-то надеются, что родится мальчик, и тогда все здесь переменится, и обязательно к лучшему. Язычество какое-то, если вдуматься. Но что ж делать — надеются. На Олю, Иру, Аню, Тому. На Марину тоже, но ей еще рано.

А мамы сестриц-подружек уже старушки. Рожать больше не могут. Не только от старости: тут ведь так — один раз родишь, всегда девочку, а потом ничего. Бесплодие.

О бабушке Тане и говорить нечего: ей, по ее счету, девяносто с лишним. И никого она не рожала, и бабушка она тут ничья. Но очень-очень уважаемая. Себя, посмеиваясь, называет «апа». Так, объясняет, у восточных народов принято обращаться к женщине, которая намного старше. Она-то помнит восточных людей. И мамы помнят. А сестрицы-подружки — нет, только по книжкам и фильмам, как и Марина, конечно.

Да, она, Марина, теперь самая младшая. Но тоже уважаемая — потому что врачей! А по возрасту, который по личному счету, младшая. Повзрослеть, может, и заманчиво, но боязно. Да что боязно — вовсе страшно... Марина хорошо помнит тот ужас, когда мама, Марина-старшая, сперва расцвела — второй молодостью, говорила она, — а на самом деле заразилась от Местных, и враз закончилась та вторая молодость, не успев толком начаться, и полетело мамино время быстрой злой птицей: стареть стала день ото дня, волосы повывадали клочьями, спина согнулась, а потом вовсе скрутило ее, и сморщило, и сделалась она махонькой, кривой, коричневой, и поднялась — по-местному спустилась — на пустующий шестой уровень, останавливать никто не посмел, а дальше сил не хватило, а дальше — пустой угол, бетонный пол, принесенные полумертвой от горя ею, Мариной-младшей, матрас, подушка, одеяло, а дальше, по нарастающей... Вспомнить жутко, назвать — сил недостает. Да и ни к чему называть. Мама, мамочка, светлая королева.

Вирус бешенства времени, сказал старший Свящённый Иван Максимович, когда с мамой прощались. Свящённые тогда все четверо пришли проводить ее. И дядя Саша с ними, конечно. Сдерживали слезы, вытирали молча, украдкой... женщины плакали в открытую, а она, Марина, словно окаменела.

Маринина мама такая одна была. Две другие мамы, что тоже умерли, — они это, дядя Саша говорит, нормальный ход, просто от старости. Да Марина и сама знает, врачей же. А вот что ее мама — единственная, кто от Местных заразилась, это ей, Марине, сигнал: поменьше с Местными общайся! А как поменьше, коли медиков, кроме нее, нет. Дядя Саша говорит: риск дело благородное, но рискуй, мол, с умом. Эх, ума-то и не хватает.

Дядя Саша хороший. Старый, да, но он всегда старым был. И Свящённые тоже — какими были, такими и остаются. Разве что чуточку сдают: то волосы седеют понемногу, то морщинка прибавится. Но — медленно. Потому что у них, в Резиденции, что в самом низу — по-Местному на самом верху — время такое. Медленное. Они-то говорят: нормальное время, а для нас, не говоря уж о Местных, оно медленное.

Нам всем бы туда, и Местным тоже. Глядишь, выправилось бы все, да нет туда ходу. Местным ходу нет к нам, муданкам, а нам и Местным тоже — в Резиденцию нет ходу. А им, Свящённым, ход повсюду. Ну и нам повсюду, кроме как к ним.

Мама, в который раз вспомнила Марина, на звезды глядя, объясняла: Свящённые — это так Местные слово поуродовали. Поначалу-то звали их Посвящёнными. Сократили зачем-то, оно и прилипло. А уж Явряями их почему прозвали — и вовсе непонятно. Дураки потому что, сердилась мама. А Свящённых, рассказывала она, было, опять же поначалу, не четверо, а больше. Но мало-помалу некоторым стало все невмоготу, и спустились они на уровень ниже нижнего (выше верхнего по-Местному) и впали там в спячку. В анабиоз, если по-научному. Или в стазис — это уж у самой Марины неведомо откуда словечко выпрыгнуло. Вот. А четверо — остались. И дядя Саша с ними. Он вообще-то такой же, но к нему почему-то ни «Свящённый», ни, тем более, «Яврей» не подходит. Дядя Саша и есть дядя Саша. На-Всё-Про-Всё. Свящённых редко кто видит, а дядя Саша то и дело то тут, то там, всегда при трудах — починить, наладить, заменить, смастерить...

А еще, напомнила себе Марина сквозь накатывающую дрему, в Бывшей Башне хорошо потому, что здесь, на уровне «нуль», есть надежда встретить того, кого мама ждала до последней своей быстрой секундочки. Марина из маминой памяти его помнит, хотя и смутно. Мама порой говорила, что быть бы Марине его дочкой, только сложилось как сложилось... карточным домиком сложилось, горько усмехалась она, да в одночасье. Спусти

две недели после Покрытия случился у мамы выкидыш. А спустя сколько-то лет случилась Марина. По имени — как мама, дочка — мамина, а еще — чья? Ни мама не раскрывала, ни кто другой. А может, и ничья — есть такое слово: партеногенез.

Того, кого мама ждала, она успела завещать Марине. Так и сказала: завещаю, мол, доченька, тебе его ждать. Верю, сказала, что придет; а ты, сказала, его сразу узнаешь, моей памятью. Тогда-то, сказала, все и переменится.

Одно это и держит; кабы не оно — на кой такая жизнь.

Спать, однако, хочется — сил никаких нет.

Пронзительно заверещала связная коробочка, дядей Сашей изготовленная. Марина рывком села на своей охапке, поднесла коробочку к губам, спросила, сипловато со сна:

— Что?!

Вызывала, кажется — коробочка хрипела почище Марины, — сестрица-подружка Ольга:

— Маришка! Вот же ты запропастилась! Снова на нулевом? Обыскались тебя, а там Веруня вроде как рожать начала!

Марина прокашлялась. Ответила уже ясным голосом:

— Бегу... Рано она что-то...

— Рано... — проворчала Ольга. — Ты бы больше на нулевом своем околачивалась, было бы вообще по самое никогда...

— Бегу, — повторила Марина.

Роды — дело для Местных нетрудное, но так уж укоренилось: всегда требовали врачаю. Как бы ритуал сложился. Точнее, часть ритуала.

Сейчас наслушаюсь, подумала Марина, спустившись на уровень «раз» и помчавшись по коридору. Хорошо хоть, базовый медкомплект всегда при себе, не нужно крюка давать, время терять. Это мама так научила, да и в памяти засело — уж что намертво, то намертво: у врачей неотложное должно быть при себе всегда и всюду.

Так, Веруня у нас на уровне «два». Да, точно, сектор «два-пять». Значит, сейчас, на площади Первых Встреч, налево, там лестница вниз, налево, еще раз налево, проспект Два, площадь Вторых Встреч, прямо, все прямо, потом направо.... Ух, и наверчено же в нашем граде! Ну, зато любой враг заблудится... Правда, какие тут нам враги... Разве что сами себе...

Поспешать, поспешать! Разродится-то сама в лучшем виде, да ведь Местные потом душу вынут попреками: мол, врачю, а опоздала, что ж ты, муданка, за врачю такая, одно слово — муданка... И пойдет-поедет, нуднее некуда.

Еще издали услышала заунывное, малоосмысленное, повторяющееся без конца:

Самосвал заряжай,

Колдуну угрожай,

Бодуна окружай,

В отчий дом заезжай,

Убирай урожай,

Сладку детку рожай...

Вбежала в нужный сектор. Пение стало оглушительным — целая толпа собралась возле Веруниного отсека, не продохнуть. И все поют. Тоже часть ритуала.

И подле самого ложа роженицы сгрудились. Та лежала гольшом — этакая коричневая тушка со складчатой шкуркой и растопыренными лапками.

— Ну-ка, все вышли, быстро, кому сказала! — предельно высоким голосом прокричала Марина.

Чуть ниже тон возьми — не воспримут. В обычных условиях — шарахаются, но при родах перевозбуждены. А если так высоко — даже и в этих обстоятельствах замолкают. Вот и пение стихло, и отсек очистили.

— Как чувствуем себя, Веруня? — спросила Марина.

Вопрос дежурный, даже опять-таки ритуальный. Ибо яснее ясного: великолепно она себя чувствует.

— О-о-о-оййй! — заверещала роженица.

Затряслась неистово, обе пары грудей всколыхнулись. Переигрывает, подумала Марина. Что ж, так у них положено, пусть. И подыграла:

— Тужься давай!

— Я вот тебе потужусь! — неожиданным басом грянула Веруня. И понесла, повышая тональность до ультразвука, норовившего просверлить Маринин мозг: — Я тебе так потужусь, что сама родишь! Ишь, разбрехала, нехристь белорылая, а еще в трухе вся в поганой! Стоит столбулиной, дрянь такая, сучка мерзвая!

Дойдя до максимума, визг оборвался. Из толпы Местных понеслось — сначала вразнобой, а потом слаженно и совсем бессмысленно, но хотя бы негромко теперь:

...Каравай обряжай,

Не тужи, не лажай,

Буржую угрожай,

Смольный флаг водружай,

Урожай занижай,

Робятенка рожай...

— Тужься, мамаша! — повторила Марина, теперь ласково.

Веруня вдруг взвыла, неестественно извернулась — и изрыгнула из себя нечто крохотное и мокрое. Марина споро приняла новорожденного, обтерла тельце, перерезала пуповину, не дав мамаше перегрызть ее зубами, подняла, посмотрела, объявила: «Мужик!», легонько щелкнула по хвостику — замяукал, — скомандовала: «А ну, села на лежанке своей, быстро!» — сунула детеныша Веруне в руки, извлекла из медсумки заготовленный шприц, воткнула в то, что у Местной можно назвать бедром, — та дернулась, но несильно — малец уже успел присосаться.

«Один? Боле не будет?» — громко поинтересовался кто-то. «У-у, ироды, вам бы все боле да боле! Обойдетесь!» — сварливо отозвалась Веруня. Перехватила младенца поудобнее, рыкнула: «Жри, прорва ненасытная!»

Посетовали: «Лизуня, бывало, троих приносила...»

— Да хорошо, что один, — сказала Марина. — Одного выкормить легче. И вообще, не лезьте!

А вот и папаша — робко так встал на пороке отсека. «Иди, дурень, знакомься с

сынком», — загудели из толпы. Кто-то вякнул: «Горько!» — зашикали, обозвали матерно. Сквернословов тоже застыдили-зашикали. Раздался вопль: «Убери копыта, всю ногу отдавил!», в ответ раздалось: «Сам копыто!». Побранились еще немного, смолкли. Затянули, совсем заунывно, лишь привзвизгивать стали в конце каждой строчки:

*От Твери до Перми!
От Перми до Гюмри!
Ой смотри не помри!
Повторяй до-ре-ми!
Соболезну прими!
Мужика подкорми!*

Рутина, рутина... Инъекция эта, ни по каким показаниям не нужная, — чистое плацебо, да и какие тут показания... Все — ритуалы, ради подобия благополучного существования и мирного сосуществования...

Тоска, тоска.

Марина молча выбралась из отсека. Толпа почтительно расступилась. Теперь — обратным путем в Бывшую Башню. Сон больше, конечно, не придет, да и утро уже... какое утро, которое... на разных уровнях по-разному... Но есть еще час-другой, чтобы подождать того, кто мамой завещан, — вдруг сейчас явится? А не явится — так настрогать немного лакомого для Веруни: врача обявана быть человеческой.

Навернулись слезы. Марина быстро уняла их, настроилась ждать. Но вскоре опять уснула.

Глава 6. Сухой сочельник. 05.06.49, суббота

Все-таки хорошо, когда не полный штиль и не большая волна внахлест, а легкое такое покачивание. Лежишь на нем расслабленно метрах в двухстах от берега... самое начало лета, но Залив мелкий, водичка в меру теплая... солнце к горизонту клонится, это вон там, если голову повернуть налево. А если направо повернуть — вдалеке лодочку видно, рыбачит человек. И Город в той же стороне. И Завод. А если в воде как бы встать, вертикально чтобы, то можно зачерпнуть в ладони, поднести к глазам поближе, присмотреться внимательно: сколько живности, мама дорогая! То ли крохотные, еле различишь, моллюски какие-то, то ли вообще планктон... Кишмя кишит! Бульон питательный, восхитился Игорь. Скаламбурил: заливнбе.

Душ потребуется тщательный, подумал он, направляясь к берегу. Не тащить же эту микрофауну завтра с собой на Завод. Оно конечно, голова обрита наголо, да ведь на теле-руках-ногах волос растет как рос: чай не женщина, чтобы брить, и не этот, как его, не будь назван, тьфу.

Шутки-шутки, дурацкие причем. От нервов, что ли? Может, и от нервов, хотя вроде и спокоен внутренне.

Коммодор лежал на песке, кемарил. Игорь старался подплывать бесшумно и выходить из воды тоже бесшумно, но тот услышал, открыл глаза, рывком сел, ноги скрестил по-турецки... или, улыбнулся Игорь, это у них тут тоже по-гречески называется?

Коммодор... надо же, слух какой... а ведь семьдесят четыре ему, оказывается. В неплохой форме мужик для своих лет. Даже в отличной. И сам по себе мужик отличный. Можно даже гордиться, что стали настоящими товарищами... да что там — друзьями стали. Отношения как бы на равных, невзирая на разницу в целое поколение.

— Заценил я тебя, — сказал Коммодор. — Кондиции что надо. Были на боках нетрудовые накопления, да все сплыли. Не зря тут околачивался.

— Угу, — откликнулся Игорь.

— И, смотрю, планы объекта вызубрил. Правильно, а то там-то что понадобится — вот листать синьки эти... И снаряжение все освоил. Орел! Какое оружие брать решил?

— Никакого, — ответил Игорь, тоже садясь. — Нутром чую, ни к чему оно.

— Ну, чуешь так чуешь, — согласился Коммодор.

Посидели молча. Потом Игорь сказал:

— Вопрос есть к тебе, Коммодор Сережа. Деликатный.

— Спрашивай, Маньяк Игорюха. Эй, да не морщи фейс, уже подначить нельзя! Маньяк Игорь. Ха. Так нормально? Спрашивай.

— Почему ты, Сережа, плаваешь, как бы сказать, неважно? Говорил же — флотский?

— Мое дело было, Игорь, не самому не тонуть, а чтобы кораблик мой не тонул! Вот он и не тонул! Ни разу! И я с ним заодно... Все, больше нет вопросов?

Игорь повернул к нему голову, промолчал.

— Ага, — вздохнул Коммодор. — Чую, есть вопросы. Типа рассказать о себе. Как тут очутился и все такое. Угадал?

— Угадал.

— А это, может, гостайна!

— Да ладно тебе... Я завтра ухожу, и когда вернусь — кто знает.

Коммодор процитировал:

— Может, меня даже наградят.

— Посмертно, — закончил цитату Игорь. И добавил: — Знаатоки мы с тобой кинематографа, только шутить так не надо. Накаркаем еще. Вернуться я твердо намерен, ну а ты... не хочешь, нельзя — не рассказывай.

— Все-таки нервяк у тебя имеет место, — заметил Коммодор. — Внешне нет, а изнутри поколачивает.

— Потряхивает, угу, — хмыкнул Игорь.

— Потраживает, — подыграл Коммодор. — Поди, Батьку помнишь? Уговорил, расскажу. У тебя с собой выпить есть?

— Нет. Сегодня день сухой. Завтра, перед уходом, плотнем. И Пушкина юбилей отметим.

— А нынче, стало быть, сухой сочельник. Добро. Тогда хоть закури, вдохну я дыма твоего разок-другой. Ну, значит так. Дальше докладываю. По службе я тоже не тонул. Дорос до кап-три. Тут — ковид, помнишь заразу? Прихватило меня жестко. Госпиталь, то-се. Вылечился. Физически здоров чище быка. Только память потерял. Не всю, само собой, но с такими дырами в башке командовать людьми никак нельзя. Сызнова госпиталь, тесты всякие, упражнения, реабилитация. Втихаря, бывало, Господу молился. И Заступнице Пресветлой. Вернулась память, вся, без пробелов, чуешь?

— Не напрасно молился...

— Не напрасно. Но, видать, другие на меня были планы у небесного командования. Язва открылась. Да такая, что комиссовали без разговоров. Ну как, в запас запилили. Заодно кавторанга дали. В третий раз госпиталь, потом санаторий профильный, наш тоже, военный.

— Это где все происходило?

— В Крыму. Ну вот, язва вроде как зарубцевалась. Режим, конечно, то да се, здоровый образ жизни. Комиссия сызнова: годен к действительной. Но все одно — в запасе. Я уж и рапортá строчил — без мазы, так и оставили. А жить-то надо или как? Мне ж тогда не шибко больше было, чем тебе сейчас. Короче, вернулся я в этот Город, — Коммодор махнул рукой. — Я ж тутошний по рождению. Квартирка от родителей, Царство им Небесное, осталась. Все свое, все родное, хоть и посеченное, побитое. Нынче-то вон оно какое, новенькое да цветущее, слава те Господи годы нестабильности позади. А тогда...

Он глухо выругался, грязно и витиевато.

— Остался один. Супруге тут, в провинции у моря, жить не захотелось, да и давно она, как открылось, крутила с каким-то деятелем столичным. Сын — тот еще давнее покинул, как поется, отчий край, раз в год весточку пришлет, и то спасибо. Одному скучно, а на гражданке, без дела без никакого — вообще, хоть вешайся. А что я по гражданке-то умею? Ну, устроился в порт, диспетчером. И ту-ут, — пропел Коммодор замогильным голосом.

— И тут, — буднично сказал Игорь, — накрыло.

— День «П» это поперву назвали, — сообщил Коммодор. — Потом сообразили, что «пэ» можно толковать неприлично. Переозначили: день «31». А число-то было не тридцать первое! Путаница, непорядок. По оконцовке определили: день «Э».

— Почему «Э»? — спросил Игорь.

— Тридцать первая буква алфавита, — объяснил Коммодор. И продолжил: — В Городе, сам понимаешь, паника: там же люди остались, связи с ними чуть меньше, чем никакой. И никто ничего не понимает.

— У меня тоже связи не стало, — сказал Игорь.

— Да, друг, помню...

— Спасибо. Ну и?

— Ха! — ответил Коммодор. — Вот тебе и «ну и». Через четыре дня после дня «Э» является в порт, прямо ко мне на рабочее место, патруль из комендатуры. Двое. И с ними ментов тоже двое. И вручает мне патруль повестку: капитану второго ранга в запасе такому-то немедленно в ту комендатуру явиться. Ну, являюсь... под конвоем... А там мне, недолго думая, вручают предписание, проездные документы и какой-то, блин, сухпаек, прикинь? В предписании сказано: явиться в Главный штаб ВМФ. Являюсь. Причем, заметь, в форме — а что, имею право!

— Это в Питере?

— А то где ж...

— Эж тебя, с залива на залив...

— А, пустое! Дело служивое, хоть на Анадырский! Суть не в том. В штабе отводят меня в спецчасть и вручают поперву приказ. Ознакомьтесь, мол. Ознакамливаюсь.

— Знакомлюсь, — поправил Игорь.

— Зануда, — отмахнулся Коммодор. — Ознакамливаюсь. Там написано: восстановить на действительной. Командировать в распоряжение департамента 31. Подпись: главком наш. Печать, все чин по чину. Распишитесь, говорят. И пакет секретный получите, сызнова распишитесь. Пакет вскройте вон в той кабинке, ознакомьтесь, потом сюда вернетесь, распишетесь. Давно я столько раз не ознакамливался и не расписывался... А в пакете — новое предписание да документы проездные и всякие. В департамент 31, город Москва, адрес такой-то. Адрес я тебе, друг, не назову, береженого, сам понимаешь, кто бережет, а во многия знания, сам понимаешь...

— Да мне и ни к чему тот адрес, — сказал Игорь. — А сухпаек тоже дали?

— Не. Видать, Главный штаб победнее, чем наша тутошняя комендатура... Но не суть. Прибываю, значит, по указанному адресу. Домик двухэтажный, не сказать, что на окраине. Невзрачный домик, поменьше здешнего нашего, хотя и постариннее, конечно. Однако неприметный. Ни тебе вывесок никаких, ни флагов, вообще по нулям.

— Как тут у тебя, — заметил Игорь.

— Ага. Стиль такой. Ну и вот. Машин рядом не стоит, люди не толкуются. Дверь одна-единственная, деревянная, крашенная. Приоткрываю — там дверь другая, бронированная. Звонок при ней. Ну, звоню. Открывают. Двое, в гражданке. Вылупились на меня, а я ж при погонах весь такой, планки орденские, фуражка... Такой-то, спрашивают? Такой-то, рапортую. Следуйте за мной, это один говорит. Следую. На второй этаж. Запускает в кабинет. Там сидит... начальник, сразу видать. Холеный по самое это самое. Очки золотые, часы — это я чуток погода углядел — тоже золотые. Причесочка — волосок к волоску, только что не напомаженная. Костюм, чтоб я сдох, не из магазина, а хорошим портным пошитый. Докладывайте — это он мне. Докладываю. Ну, дальше подробности несущественные. Единственное что — говорит мне: вы бы, говорит, еще в парадке заявились, с аксельбантами, при орденах и кортике.

Игорь не удержался — засмеялся.

— Смейся-смейся, — пробурчал Коммодор. — А я как вспомню, так и поныне потею. То ли стыдно, то ли не знаю что. Дурак дураком, короче. А он говорит: форма одежды у вас теперь исключительно гражданская. А главное, что он — директор департамента, я в его

распоряжении, назначен начальником отдела, приказ по департаменту вот, документы вам вот, предписания вот, еще всякое вот — цельный чемоданчик, аж до ноутбука со специальным шифром. В получении распишитесь, да и дуйте к себе по означенному в документах адресу, приступайте к службе согласно инструкциям, какие в том чемоданчике. Спецтранспорт, говорит, вас уже ждет, поперву в Кубинку, там спецборт, дальше... ну и так дальше. Позывной у вас, говорит, Коммодор. Такой вот у меня начальник. Веришь, Игорь, я до сих пор ни звания его не знаю, ни ФИО!

— Он же тебе приказ предъявил по департаменту!

— Дык там подпись была, это да: Иванов И. И. Ясен пень, фуфло. Даже не факт, что нынче этот Иванов И. И. тот же, что тогда. Может, сменился, мне не докладывают. А может, И. И. это теперь Искусственный Интеллект. Опять он ржет... Тебе весело, а я и в Москве-тс с тех пор ни разу не был. Да вообще почти нигде. В Штатах только, на их объект поглазеть. А так все года тут, без отпусков. В Городе разве, иногда. На квартире у меня поселилась там одна... хорошая женщина, спокойная, хозяйственная... готовит вкусно... Вот. А у руководства настоящие ФИО, сколько их ни есть, полагаю, выше моей формы допуска. А она у меня, прикинь, номер раз! У тебя вот какая форма?

Игорь задумался.

— Сейчас, наверное, никакой. А была... вроде вторая... из того же разряда странность: вроде помню, но как бы не сам, а по рассказам чьим-то... моим же...

— На данный момент это не важно, — оборвал его Коммодор. — На данный момент важно, что нынче у тебя форма допуска — как у меня. Первая. Гриф «особая важность».

— Ничего себе, — сказал Игорь. — А вот у нас когда-то... или не у нас... да-да, в данный момент не важно... в общем, первую форму имели Генеральный и еще один мужик. Он занимался выживаемостью изделий наших в условиях термоядерной войны, там первая форма требовалась. А у начальника его непосредственного была вторая, ему видеть отчеты своего же как бы подчиненного не полагалось. Чума. И что у меня теперь первая — тоже чума. Не ожидал.

— Ага, — согласился Коммодор. — А что, без тебя, говоришь, тебя обженили? Ну и обженили. А то как бы я тебе все это рассказывал, прикинь?

— Интересно, — протянул Игорь. — Я-то ни за что не расписывался. Да и фамилии твоей до сих пор не знаю.

— Расписываться тебе ни для чего, у нас тут не Москва, мы тут не бюрократы какие. А фамилия у меня самая что ни на есть простая.

— Тоже, небось, Иванов? — коварно предположил Игорь.

— Ехидна ядовитая... — ухмыльнулся Коммодор. И выдал с наигранной задушевностью: — У меня удивительная фамилия: Смирнов...

Игорь слегка напрягся, но тут же вспомнил:

— Главное, редкая.

— Молоток! — одобрил Коммодор. — Однако ж, и впрямь фрукт ты экзотический: добро я «Иронию судьбы» разве что не наизусть знаю — каждый Новый год ее по ящику крутили. Но ты-то, молодой такой — откуда?

Игорь только пожал плечами. Понятия он не имел, откуда...

— Кстати, — оживился Коммодор. — Об искусстве. Помнишь, я тебе докладывал, ну, в самом начале, когда под запись беседовали...

— Сейчас, небось, тоже пишешь, — не удержался Игорь.

— Угу, а микрофон у меня в плавках. В мокрых.

— Да вон, одежда валяется. Твоя, да и моя тоже. Кто вас знает...

— Ну тебя, — отмахнулся Коммодор. — Мало, что маньяк, так еще и параноик... Ты послушай: помнишь, про безумные идеи я тебе излагал? Энтузиасты их академикам слали, и поныне тоже шлют. А академики их антинаучными объявляют. Помнишь?

— Ну?

— Вот. А одному втемяшилось, и прислал он, что это у нас началось вторжение инопланетян. Идея такая, что объект — он вроде куколки. Зреет, зреет, а как созреет, так ужас всякий из него ползет. И, значит, уничтожит все человечество. Или, в лучшем случае, поработит. И, стало быть, надо по объекту термоядерными фигачить. Он про опыт китайских товарищей был не в курсе...

Игорь засмеялся:

— Плодотворная идея! Хоть кино снимай!

— В точку! — кивнул Коммодор. — Академики ему отписались, что, типа, не уполномочены разрабатывать подобные гипотезы. Так он, кино не кино, а роман начал сочинять! И на литературные сайты выкладывает!

— Логично. Если вы не отзоветесь, мы напишем в спортлото, — процитировал Игорь.

— Во-во. Ты их в дверь, они в окно.

— Однако странно, что я этих публикаций не видел. Литсайты знаю, поглядываю в них, а Завод для меня и вовсе тема, сам знаешь...

— Ничего странного. Он, правда, действие перенес на Соловки, противостоять нашествию выставил троицу — монаха, майора ВДВ и библиотечаршу. Однако же нашлись бдительные товарищи, а как же. С тех сайтов все поспесено, с концами, а у гения все изъято. Беседу с ним провели соответствующую. Вежливо провели, но убедительно. Он и сдал — заметь, добровольно — все, что наваял по теме, и уже вываленное было на сайты, и заготовленное. И сервера все почищены. Только у нас, в смысле в департаменте, остались копии. Спецхран, понимаешь. Так-то. А ты говоришь литература...

— Графомания вечна... — откликнулся Игорь. — Бдительность, наверное, тоже...

Помолчали. Потом Коммодор сказал:

— Короче, Смирнов моя фамилия! Доволен?

— Опять, небось, резервный позывной, как у Алекса с Жорой, — прищурился Игорь.

— Достал уже, умник, — беззлобно ответил Коммодор. — Может, паспорт тебе предъявить? Или еще вопросы есть?

— Да так, чисто из любопытства... Не знаешь, почему народ здешний, как назовешь Завод зоной, сразу чуть не в драку лезет?

— В драку не в драку, это ты не того... но есть такое. Я тоже сначала не понимал, а поспрошал, да сам мозгами пораскинул. И думаю вот что. Народ у нас бывалый, всякое видал. Для них зона — это где преступников содержат. А на объекте — безвинные души. Какие ж они преступники?

— Резонно...

— Больше тебе скажу. В наших официальных документах слово «зона» тоже не приветствуется. Напишешь по недосмотру, а тебе укажут: не зона, а объект и прилегающие территории.

— Со «Сталкером», что ли, ассоциации не хотят? С «Пикником», вернее? — удивился Игорь.

— Кто их знает... Я не спрашивал. Но, может, и так. В «Пикнике» твоём Зоны эти кто нагадил, инопланетяне? А коли инопланетяне, мы бессильны. А начальству, — Коммодор поднял палец, — в бессилии сознаваться — хуже коронавируса. Так, все, жрать охота, шагом марш песок с себя смывать, а там харчеваться, а там и на боковую пора. Завтра день серьёзный. Ты в какое время трогаться решил?

— В одиннадцать десять отсюда стартуем.

— Добро, — согласился было Коммодор. И тут же уточнил: — В одиннадцать нуль-нуль отчаливаем.

Глава 7. Добро пожаловать. 06.06.49, воскресенье

Ехали на черном электроджипе, вчетвером: вел Алекс-Борзый, рядом с ним сидел Сергей-Коммодор, сзади Жора-Упырь и он, Игорь-Маньяк, в слегка подзабытом прикиде — камуфляж, берцы, кепарь. В багажнике рюкзак, уложенный профессионально — Соня оказался по этой части мастером, проинструктировал исчерпывающе, дважды переукладывать заставлял.

Отчалить могли бы и позже на несколько минут: к мосту через канал прибыли без двадцати двенадцать.

— Ничего, — сказал Игорь. — Перекурим не спеша. Жара, конечно... не май месяц...

— Не ничего, а нечего! — приказным тоном заявил Коммодор. — Ну-кось, барахло свое нацепи, погляжу, как оно.

— Йес, кэп! — улыбнулся Игорь.

«Как оно» оказалось нормально. Коммодор даже заставил попрыгать — нет, ничего не болталось, не отваливалось, не гремело.

— А что жара, — сказал Коммодор, — так не в шортиках тебе тут. Не прохладиться явился. А там, — он мотнул головой в сторону Завода, — и вовсе невесть что. Там тебе, может, шубу лучше бы да унты.

Натянуто посмеялись.

В одиннадцать пятьдесят все же перекурили — Игорь и Алекс. Коммодор просто подышал их дымом, а Жора и вовсе отвернулся.

— Так, — объявил Игорь. — Пора. Жучков своих на меня не навесили? С вас же станется, особисты... Ладно, шучу-шучу, верю-верю.

— Балбес, — отреагировал Коммодор. И скомандовал: — Борзый, отключай коптеры по этой стороне.

— Ближнего оставьте, если можно, — попросил Игорь. — Пусть уж сопроводит, как обычно.

— Можно, — проворчал Коммодор. — Делай, Борзый.

— А вы пока через канал не переходите, — сказал Игорь. — Вдоль двигайтесь, со мной в параллель. Давайте только по глотку примем за Александра Сергеевича, за двести пятьдесят его лет, и я тронусь.

Он вытащил фляжку, отвинтил крышку, глотнул сам, передал Коммодору. Прошли по кругу, вернули фляжку Игорю. Тот, легонько встряхнув ее, сообщил:

— Чуток осталось. Это хорошо. Если пройду, а уверен, что пройду, там сразу еще раз глотну.

— Для храбрости? — хмыкнул Алекс.

— Для серьезности момента, — ответил Игорь. — Глотну и подожду. Вы, как пройду, перебирайтесь, к моей *точке* дуйте. Я вас, может, увижу напоследок, сделаю ручкой. Может, и вы меня увидите, помашете тогда. Созвониться попробуем, конечно, только вряд ли что получится... А в расположение вернетесь — допейте «Коктебеля» сколько осталось. Типа отвальную мне, заочно. Соню тоже позовите, Бурята, еще кого, дело ваше. Допейте за удачу.

— Ой, расплачусь... — ернически произнес Коммодор. — Слышь, Маньяк, ты как вернешься, один или с кем, ты тогда жди у оболочки. Сколько придется, столько и жди, где бы ни выбрался. Датчики на тебя будут настроены, прискачем за тобой, как только так сразу,

понял? Ну, давай, семь футов тебе под килем.

Он ткнул Игоря кулаком в плечо, получил в ответ, шепнул: «С Богом, сынок». Остальные поочередно хлопнулись с Игорем поднятыми ладонями. Алекс промолчал, а Жора буркнул: «Не держи зла, воин». «Нормально, друг», — ответил Игорь.

Посмотрел на часы, кивнул, двинулся к мосту. Зажглось привычное «ВХОДА НЕТ». Не сбавляя шага, прошел насквозь, привычно повернул налево, дождался выпорхнувшего из гнезда и зависшего над головой Дрошу-квадрокоптера, зашагал дальше.

Гриф: особая важность!

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 06.06.49, 16:45 UTC+3

Настоящим докладываю.

Сегодня, 06.06.49, в 12:28 UTC+3 специалист вне штата, позывной Маньяк, произвел проникновение на объект 31 в заранее выбранном месте. Схему прилагаю. По внешним признакам, проникновение произошло без эксцессов. Однако, по мере перемещения Маньяка внутрь объекта 31, в поле зрения сопровождающих (Коммодор, Борзой, Упырь) оставались только те части тела Маньяка, которые находились вне объекта 31. После полного проникновения Маньяк полностью выпал из поля зрения. Идентичный эффект зафиксирован также на видеозаписях, сделанных с квадрокоптера 31/3-Д-Б-9 (оператор Борзый) и квадрокоптера охраны периметра 313/3-Д-П-1 (автоматического). Записи прилагаю.

Облет объекта 31, совершенный квадрокоптером 31/3-Д-Б-9 (оператор Борзый), показал отсутствие каких-либо признаков нахождения Маньяка на объекте 31. Видеозапись прилагаю.

Квадрокоптер охраны периметра 313/3-Д-П-1 возвращен на штатную опору в режиме ручного управления (оператор Упырь).

В 12:42 UTC+3 вышеуказанные сопровождающие (Коммодор, Борзый, Упырь) приблизились непосредственно к месту проникновения. Обнаружены 7 окурков сигарет Dunhill и 4 окурка сигарет Akhtamar. Фото прилагаю. Произведенный в расположении отдела 31/3 экспресс-анализ подтвердил принадлежность данных окурков Маньяку. Из них один (Akhtamar) датируется настоящим числом, 06.06.49. Протокол экспресс-анализа прилагаю.

Дальнейшее ожидание в течение 60 минут результатов не дало.

Датчики движения и опознавания по всему периметру объекта 31 приведены в состоянии круглосуточной готовности для регистрации возможного появления Маньяка и/или других лиц/объектов вне периметра объекта 31.

Доклад закончил.

Приложения: упомянутое.

Гриф: особая важность!

Откуда: департамент 31

От: Иванова И. И.

Куда: отдел 31/3

Кому: Коммодору

Дата, время: 06.06.49, 22:17 UTC+3

Доклад принят.

Довожу до Вашего сведения: наблюдением со спутников с максимальной разрешающей способностью также не зарегистрировано чье-либо проникновение в объект 31, за исключением произведенного в 12:28 UTC+3.

Предписываю Вам: начиная с 08:00 UTC+3 завтрашних суток, организовать круглосуточное патрулирование периметра объекта 31 парными патрулями, экипированными соответственно необходимости по Вашему усмотрению, сменами по 8 (прописью: восемь) часов. Необходимый для патрулирования личный состав в количестве 8 (прописью: восьми) сотрудников будет придан Вам в 07:00 UTC+3 завтрашних суток.

О ходе операции сообщайте ежедневно в 22:00 UTC+3, а также незамедлительно в случае существенных событий.

Благодарю за службу.

Гриф: особая важность!

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 06.06.49, 22:22 UTC+3

Принято к исполнению.

Служу России!

Гриф: секретно

Откуда: департамент 31

От: Иванова И. И.

Куда: отдел 31/3

Кому: Коммодору

Дата, время: 06.06.49, 22:23 UTC+3

Дополнение. На Ваше от 04.06.49.

Ваше предложение о доработке квадрокоптеров охраны периметра емкостями для обработки нарушителей спецвеществами: поручается Вам принять решение самостоятельно. Об исполнении доложить.

Благодарю за службу.

Гриф: секретно

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 06.06.49, 22:24 UTC+3

Служу России!

Лезть пришлось под сцепкой между двумя вагонетками, поперек рельсов, вдоль замусоренных шпал. Было неудобно, рюкзак мешал, но — получилось.

Я тут, сказал себе Игорь, лежа на земле — требовалось отдышаться. Принялся мерно считать про себя, хотел до шестисот, вытерпел только до трехсот шестидесяти. Перекатился на левый бок, поднес к лицу правую руку. Супергаджет подтвердил то, что он и сам уже чувствовал: давление в норме, пульс в норме. А ведь на той стороне, при подходе, зашкаливало... Вытащил из кармана телефон, активировал экран. Сетей нет. Как и следовало ожидать.

Извернулся, встал сначала на четвереньки, потом на ноги — лицом к оставленному миру. Вгляделся, не увидел никого. На всякий случай все же помахал рукой. Почистился как мог. Сбросил рюкзак, присел на корточки, извлек фляжку, допил остаток «Коктебеля». Пробормотал: «Там чудеса, там леший бродит».

Никто, однако, в пределах видимости не бродил. Игорь выкурил сигарету — первая здесь! — запустил окурок в то место, через которое только что пролезал. Бычок пролетел под вагонетками, наткнулся на фантомное препятствие, сполз.

Игорь не поленился — прополз в том же направлении, ощупал пустоту. Закрыто наглухо.

— Обратный клапан, — пробормотал он. — Или вообще затянулось. Впустило и ку-ку. Угу.

Пора было осмотреться. Вернулся к рюкзаку, встал, еще раз отсалютовал — а вдруг они все же там, вдруг видят его. Да должны быть там, сто процентов, договаривались же! А видят ли — поди знай. Вот, между прочим, еще одно, сверх осязания: искажение реальности. Хотя как это использовать для индикации оболочки — тоже поди знай.

Обратил внимание: вагонетки с этой стороны выглядели почти новенькими, разве что рыжее по зеленому кое-где проступало — коррозия, не более того. Никаких следов войны, чудно.

Развернулся лицом к территории. Однако здравствуйте: метрах в четырех прямо по курсу торчало странное и нелепое сооружение — нечто вроде треноги, высотой ему, Игорю, по грудь, явно кустарного производства. На треногу нахлобучена поперечина-арматурина, на концах арматурины старинный железнодорожный семафор и допотопного вида динамик-раструб. Стоило сделать два шага вперед, как семафор заполошно замигал красным-зеленым, красным-зеленым, красным-зеленым, а динамик выдохнул: «X-x-x-a-a-a!»

Стало смешно.

— Боюсь-боюсь! — сказал Игорь.

Обошел страшилку, остановился. Сзади зажужжало, повторилось «X-x-x-a-a-a!». Игорь

посмотрел через плечо. Поперечина оказалась установленной на подшипнике, девайсы отслеживали свою цель, семафор продолжал мигать.

Ишь ты, какие достижения технологии, подумал Игорь. Ладно, не помеха. Позже может, разберемся.

Небо над головой было безрадостно серым — то ли облачность сплошная, то ли оно просто здесь такое. Там-то, в Городе, на Заливе, вообще во всей округе — ни облачка, солнце сияет, жара, зелень, лазурь, бирюза, все цветет... Здесь же и жары не было; ну, хоть на том спасибо. И отчетливо пахло железом.

Территория особо не впечатляла: фотографий и видео многократно убитого предприятия, тогда еще доступного для посещения кем положено, Игорь в свое время навидался. А вот на старательно вызубренный план территории все здесь походило лишь условно. Следы войны были в полном изобилии, но вон тому покореженному ангару справа — ему полагается стоять подальше, а вон тот, слева, корпус, у которого окна от пробоев не отличить, — он должен находиться еще левее, причем намного. Или это вообще не тот корпус.

В глазах зарябило. Одинокое закопченные стены, нагромождения руин, наискось снесенные черные трубы, распахнутая половинка градирни... да, здесь же своя ТЭЦ имелась, только ей полагается быть гораздо дальше, почти у самого Залива... по всей поверхности, сколько видно — бесформенные обломки, крупные, мелкие, всякие, да дико перекрученные обрывки ржавой арматуры, да мятое железо, то искореженными кусками, то изувеченными фрагментами труб, вентиляционных, водопроводных, не разобрать, да битое стекло, да рваный пластик...

А! Нет! Стоп же! Не по всей поверхности! Вот, вот! Тренога же стоит на очищенной от мусора круглой площадке, от которой словно тропинка вьется среди этого мертвого поля! Не тропинка, конечно, на самом деле: тропинки — они протаптываются, а тут — выметено кем-то начисто. Кем-то! Значит — есть люди...

А почему она такая зигзагообразная, дорожка эта? Ну-ка, миноискатель к бою!

Игорь быстро — не зря тренировался — собрал устройство и двинулся по дорожке, поводя прибором по сторонам. Вскоре пискнуло. Раз, другой. Ясно... Правда, интуиция вещала, что мины здесь и все прочие боеприпасы стали после... как Коммодор Сережа сказал? день «Э»?.. — после, стало быть, дня «Э» все это сделалось, грубовато выражаясь, импотентным. Давно чувствовал, что оно так, потому и огнестрела с собой не взял.

Тем не менее, будем осторожны. Интуиция интуицией, а подорваться было бы глупо. Береженого, как напомнил тот же Коммодор Сережа, известно кто бережет.

Прошел метров двадцать, остановился, развернулся лицом к вагонеткам, постарался не мигать. Нет, эффекта, наблюдавшегося снаружи, не было в помине: вагонетки мертво стояли на месте, не пытаясь иллюзорно мчаться ни в какую из сторон.

Двинулся дальше. Мысленно поблагодарил тех, кто расчистил более-менее комфортный путь. А куда этот путь ведет — узнаем: сказано же — дороги всегда ведут к тем, кто их строил.

— Куда ведешь, тропинка милая? — почти неслышно мурлыкнул Игорь.

Ну вот, ведет: мимо развалин, развалин, развалин — к приземистому, очевидно одноэтажному (хотя в поэтажках он в пять, кажется, этажей), но широко раскинувшемуся корпусу. К проему ворот в нем.

А створок у тех ворот нет. А над проемом к стене прилажен фанерный щит,

выкрашенный в синее. А по синему белой краской тщательно выведены буквы: «Г. МАРЬГРАД». Наподобие дорожного знака, постарался кто-то.

Чуть ниже — другой щит. На нем, наоборот, синим по белому: «ДОБРС ПОЖАЛОВАТЬ!»

Часть 2. Верх/низ: быстрое время. Глава 8. Малый вперед. 06.06.49, воскресенье

Здесь «тропинка милая» расщеплялась: одна ветвь приглашала в г. Марьград (чудное название, хмыкнул про себя Игорь, вроде Царьграда, но царь есть царь, а марь — кто такой?), другая, поуже, уводила куда-то в сторону Залива, вилась сколько хватало глаз, пропадала из вида за очередной грудой черных развалин.

Естественно, надо будет и туда смотаться — но позже. Сейчас, раз приглашают, раз «добро пожаловать» — так тому и быть.

Он собрал миноискатель, пристроил его на пояс — компактная штука и легкая, одно удовольствие!.. что за пустяки в голову лезут, беда с концентрацией, ну-ка, усилие над собой! — сделал это усилие и медленно вошел в здание.

Сразу стало гораздо темнее, чем снаружи, но глаза вскоре привыкли. Он стоял в небольшом тамбуре с тремя проемами, теперь нормальных дверных размеров. Заглянул в левый — о, совсем глаз выколи. Подсветил фонариком: так, корявые бетонные ступеньки вниз. Посмотрел в правый — там светлее, аналогичные ступеньки, но вверх. Поверх проема, что напротив входа, — щит со странной надписью: «Уровень нуль (0). Слободка». Сунулся туда — обширное пространство, темноватое, на вид пустое, вблизи вроде как подметенное, дальше, показалось, мусор на полу сплошным слоем.

Усмехнулся — классика же: налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — жизнь потеряешь, прямо пойдешь — жив будешь, но себя позабудешь. Нет уж, лучше другая классика: пойдет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит... Эта классика, решил Игорь, и к дате пушкинской подходит, а коня у меня и вовсе никакого нет. Так что пойдучка сперва направо, песнь заводить. То есть по ступенькам вверх. Был корпус пяти-, что ли, этажный, снаружи видится теперь одноэтажным, а изнутри — вот и полюбопытствуем, с песней, как тот кот ученый. Петь, конечно, молча, ибо нечего фанфаронить.

Настроил внутреннего певца — а получился даже целый мужской хор — на «Как ныне собирается вещей Олег». Осторожно двинулся в правый проем. Десять ступенек, поворот налево, дальше вверх еще две ступеньки, еще дальше — разрушено, стоп машина, а на верхней из тех двух ступенек — страшилка наподобие той, что около вагонеток. Но молчит. И не моргает.

Игорь сместился к просвету между маршами, запрокинул голову. Вроде бы там, выше, есть и целое, и опять же обвалившееся... не очень понятно, куда оно обвалилось; здесь, внизу, были бы горы обломков, а их нет. Однако же, что просматривается, то просматривается: лестница эта ведет — могла бы вести, кабы летать умел — не на пятый этаж, а чуть ли не на десятый, а то и более. А совсем высоко — небо, то самое, серое.

Так-так.

Он спустился, вышел из корпуса, сделал сто шагов по дорожке, развернулся, посмотрел. Да нет же, отсюда он одноэтажный... хотя этаж и высокий, но явно единственный.

«Вещий Олег» в голове смолк.

Игорь вернулся, постоял в тамбуре, поразмышлял. Пробормотал: «Милль пардон, Александр Сергеевич, налево сказку говорить — это чуть погода». Нацепил налобный фонарь, двинулся прямо, в загадочную слободку.

Тамошнее пространство показалось необъятным. Шириной, оценил Игорь, метров под

сто, а длиной — толком не понять, но намного больше. Далеко оно уходило, очень далеко. Похоже, куда дальше, чем позволяли размеры корпуса — что по старым планам предприятия, что при виде снаружи уже непосредственно здесь. Игорь решил больше туда не выскакивать: несоответствие размеров можно будет, при случае, когда-нибудь потом проверить. И обмозговать — тоже потом. А отчетливо видно вот что: потолок — метров семь высотой, гладкий, нигде не обрушенный, по крайней мере, сколько глаз хватает; пол вблизи входа, действительно, чистый, далее — мусор, все те же обломки; стены тоже гладкие; поверху, под самым потолком, слева и справа, совсем темень; луч фонаря выхватывает там маленькие квадратные окошки через каждые примерно двадцать метров; света из этих окошек не поступает.

И ясно в точности, хотя и неизвестно почему: помещение абсолютно пустое и абсолютно никому не нужное. Впрочем, поправил себя Игорь, насчет нужности черт его знает, мало ли. Здесь, должно быть, гулко, как в соборе каком-нибудь, а гулкость может кого-то привлекать... Он продвинулся к самой границе мусорного пола — с полсотни шагов, — громко крикнул: «Ау-у-у!». Звук сразу потух, не дав эха. Ошибся, стало быть, ничего не гулко. Наоборот, вязко.

Зато ощутился сквознячок. Взметнулся с пола, облетел Игоря по кругу и упал — то ли умер, то ли просто затих до следующего какого-нибудь раза.

Ладно, это тоже оставим на потом, если что. А сейчас — в левый проем и по ступенькам вниз. Чует сердце: те вывески про город Марьград не шутка. А коли так, то он, город — там, внизу.

Сказку говорить не стал — не кот ученый все же, да и не до того. Спускался аккуратно, подсвечивая себе обоими фонарями. Пролет за пролетом, по десять ступенек в каждом. Ступеньки нигде не обрушенные, лишь слегка выщербленные местами; по цвету бетона заметно, что некоторые подновлены; и не такие уж они корявые, какими вначале показались.

Шестой марш оказался последним. Внизу высветилась — тусклой, но все же лампочкой, скажи-ка! — площадка метра три на три и очередной проем. Сбоку от проема к стене приделана табличка, опять же фанерная, крашеная в белое, с черными буквами: «Уровень 1 (раз)».

Я бы сказал, минус раз, подумал Игорь. В смысле минус один, какой еще «раз»? Впрочем, если по синьору Дуранте ди Алигьеро дельи Алигьери, более известному под позывным «Данте», или там по гражданину Солженицыну А. И. (позывной неизвестен), то в любой формулировке минусов нет: круг первый, вот и все.

Вспомнилось Коммодором сказанное: вы меня литературщиной своей не давите, господин-гражданин-товарищ Лушников-Маньяк Игорь Юрьевич. И его же излюбленное: добро. Ну, добро так добро. За проемом виднелся коридор — похоже, длинный и широкий. Вошел; ощутил: что-то разом, словно бы щелчком каким-то, изменилось, только не понять что. Это называется: нечувствительно, объяснил он себе. Эх, опять литературщина... А Коммодор-то с хлопцами еще, может, до расположения не добрался, а я-то здесь, так уж кажется, давным-давно... Однако — насколько давно на самом-то деле?

Он взглянул на часы и обомлел: секундная стрелка бежала по циферблату с немислимой скоростью. Глаз различал даже движение минутной.

Посмотрел на гаджет на правом запястье — там то же самое, только без стрелок: циферки мельтешат, словно взбесились. Нажал кнопки индикации давления и пульса — и здесь бред какой-то. Давление образцовое, 116/71, а вот пульс несусветный — 16. При том, что субъективно самочувствие нормальное. Чудны дела твои...

Вернулся на площадку. Опять будто бы щелчок, не пойми где и какой. Посмотрел на левое запястье, потом на правое: обычный ход времени. Отметил про себя: 15:03 по Москве. Усмехнулся: обедать пора. И правда, не помешало бы, организм и сам уже напоминал, пока что деликатно. Но не лезть же здесь и сейчас в рюкзак за спецпайком. Эх, прощай, распорядок дня. «Коктебеля» бы глотнуть, перекурить бы, но тоже не сейчас. Ладно... В смысле добро...

Вступил в проем: снова нечувствительный (прости за литературщину, дружище-камрад Сергей Николаевич Смирнов-Коммодор) щелчок и снова гаджеты взбесились. Чертовщина... Что ж, рассуждать, версии выстраивать — это потом (ох, многовато на потом накапливается; впрочем, неудивительно), а пока — шагом марш по коридору. Только шагом не быстрым. С оглядкой, как подобает разведчику. А то и диверсанту, внутренне ухмыльнулся Игорь, ибо — кто знает, что ждет нас, кто знает, что будет... Тьфу ты пропасть, прет и прет литература, теперь вот пан Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий де Вонж Костровицкий, более известный под позывным «Аполлинер».

Все-все, память в порядке — и завязали пока с этим. Сосредоточились. Полная концентрация. Малый вперед.

Глава 9. Красавицы, чудовища. Дата: неопределенность

Коридор был почти квадратного сечения — где-то четыре на четыре метра. И по всему профилю — бетонный. Задействовать фонари не потребовалось: под потолком болтались на коротких проводочках лампочки, то через сорок шагов плюс-минус, то через шестьдесят. Слабосильные лампочки, да еще, похоже, запыленные, но более-менее подсвечивали. По идее, по потолку должен был бежать общий их провод; Игорь присмотрелся и даже присвистнул, различив следы штробы в потолке. Оценил: кто-то здесь, в этом г. Марьграде, сильно хозяйственный и довольно умелый. Homo, значит, habilis и homo... как будет поллатыни «хозяйственный»? Economic, наверное. Homo habilis economic, пусть так.

Двигаясь по коридору, считал и шаги, и сами лампочки, мысленно корректировал стародавний поэтажный план. Впрочем, даже не корректировал, а запоминал для составления нового, поскольку зубрил те планы, вероятно, зря: совсем на них тут непохоже.

Периодически поглядывал на правое запястье — запустил там шагомер и сверял показания с устным своим счетом. Любопытно, количество шагов и пройденное расстояние индицировались вроде бы корректно. В отличие от средней скорости — она получалась черепашей, меньше 1 км/ч, хотя шел Игорь вполне по-человечески. Загадки, загадки...

На двадцать третьей лампочке — около восьмисот метров пройдено — обнаружилась развилка. В обе стороны уходили чуть более узкие коридоры; на стенах — уже знакомого дизайна (если это можно так назвать) указатели: налево — «Тупик», направо — «Тупик», прямо — «К Площади Первых Встреч». В тупики, ясное дело, соваться незачем. А развилка странная, подумал Игорь; в тупиках, возможно, и коней теряют, и жизни... Так что — прямо, конечно, на эту самую площадь Первых Встреч, и жив буду, а насчет «себя позабуду» — нате выкусите, мысленно показал он кукиш неведомо кому.

Все когда-нибудь заканчивается. По большому счету, утверждение сомнительное, но этот коридор, протянувшись без развилки еще с полкилометра, и правда закончился, распахнулся в круглую площадку. Потолок был выше, чем в коридоре, а в центре красовалось замысловатое сооружение двухметровой высоты: четыре вделанных в пол деревянных столба, на них, по периметру и крест-накрест, деревянные же брусья, к внешним брусьям прищандорены таблички: «Площадь Первых Встреч». И никого; встречать было некого и некому. За площадью коридор продолжался — вероятно, считался здесь проспектом. Может быть, даже главным. Табличка есть, но далековато, отсюда не разглядеть. Ну да не горит. Вправо уходил коридорчик-улочка, ее указатель был виден хорошо: «К сектору 1-1 (раз-раз)». Влево — аналогичный коридорчик, табличка гласила: «К уровню 2 (два)». Туда рано; сначала по этому уровню, который «раз», нужно побродить как следует. А вот по проспекту продолжать движение или идти к некоему сектору — сейчас обдумаем...

Игорь решил позволить себе, наконец, перекур. Скинул со спины рюкзак, с наслаждением потянулся — немалая все-таки ноша, пусть чуть-чуть отдохнут и спина, и пресловутый плечевой пояс. На рюкзак же и присел, вытянул ноги, достал сигарету, зажигалку, вдохнул, выдохнул, закрыл глаза. Попытался обдумать дальнейшее. Ничего в голову не приходило. Проспект очень уж унылый, но он все-таки наверняка проспект. С другой стороны...

Он не знал, что с другой стороны. Подустал, что ли. Не физически, чисто ментально.

Нет, никаких сложных задач сегодня не решал, но ведь всего здесь увиденного — столько... массив информации, может быть, обрабатывается мозгом бессознательно...

Чувствуя, что вот-вот задремлет, вздрогнул. Обозвал себя Соней. И слышал справа — высокие голоса, слов не разобрать; а еще смех; а еще что-то вроде шлепков по бетону, ладонями или босыми ногами.

Быстро затушил сигарету о бетонный пол. Не найдя, куда пристроить окурок, сунул его в кармашек рюкзака. Встал, повернулся лицом к приближающимся звукам. Приклеил к лицу улыбку.

На площадь высыпала и, узрев Игоря, замерла стайка существ. Семь особей. Явные гуманоиды. Первая ассоциация — голодающие дети Африки, как из когда-то показывали по ТВ (опять: что за воспоминание? впрочем, не до того). Ростом ему по пояс или чуть ниже. Непропорционально крупная голова, густо-коричневая кожа, вся в мощных складках, как шкура у шарпея. Из макушки торчит пук волос, наподобие оселедца у запорожского казака. Но волосы того же цвета, что кожа, и пук этот расширяется вверх и опадает тюльпанообразно. Бровей не видно; да что там бровей — ушей не видно; а глазки иногда заметны — поблескивают. Нос-картошка. Безгубый рот. Одеты все семеро в серые хламидки до колен, небрежно сляпанные, похоже, из мешковины. Ноги, точно, босые. Нескладчатые, тонюсенькие и карикатурно кривые. Руки открыты от локтей и ниже, тоже палочки; сколько пальцев — не разобрать, шевелятся пальцы непрерывно.

Игорь поднял руки вверх, ладонями вперед: жест миролюбия. А подумают, что он сдается — тоже неплохо для первого контакта.

— Ай! — крикнул передний гуманоид. — Мудан! Новый! Ты какой такой мудан?

Ну, хоть частично по-русски, осторожно порадовался Игорь.

— Ты опасный мудан? — уточнил абориген.

Остальные оторопело молчали. Этот был, видимо, вожаком.

Игорь довел улыбку до возможного предела. Хотел после нее сказать, что он не опасный, что он друг, но не успел.

— Ай-ай! — взвизгнул вожак. — Ощерился! Зубья! Ай-ай! Ребзя, тикаем!

Стайка с готовностью подхватила это «ай!» и, продолжая семиголосо вопить, со страшной скоростью почесала по коридорчику в обратном направлении. До слуха Игоря донеслось: «Старшим обскажем, нехай еврейям нажалятся...»

Все стихло. Мудан еврейям, подумал Игорь. Ну и рванули же — из всех сухожилий. Осознал, что до сих пор «щерится», стер улыбку с лица.

Взвалил на спину рюкзак, двинулся вслед «ребзям».

Этот коридорчик оказался поуже и пониже: можно было, раскинув руки, коснуться обеих стен одновременно, а подняв — дотянуться до лампочек. Которые здесь, впрочем, висели реже: коридорчик петлял то в одну сторону, то в другую, в некоторых коленцах приходилось подсвечивать фонарем — Игорь выбрал налобный.

Стоило бы, подумал он, фиксировать путь на телефон — снимать на видео или хотя бы делать фото на поворотах. А с другой стороны — зачем? Чтобы обратно выбраться? А смысл туда выбираться? Или чтобы поэтажные планы сделать нынешнего состояния этих подземелий? Тот же вопрос: смысл? Или есть смысл и в том, и в другом? А потом — сядет батарейка в телефоне, и тогда что? А что «что», подумаешь, батарейка... Он напомнил себе:

цель у меня тут — не разведка, не поэтажные или какие еще планы, цель у меня — отыскать женщину и, надеюсь, ребенка, вернуть их в мир, вернуться с ними, а иначе жить-то зачем?

Мысли заволакивались туманом, думать не получалось, считать лампочки, шаги, повороты — тоже. Немного позже понял, что дышать стало трудновато. И пить очень захотелось. А курить — совсем нет.

Остановился, снял рюкзак, нашарил в нем драгоценную бутылку с водой, сделал скупой глоток, сунул обратно, сел на пол, откинулся на рюкзак спиной, задремал.

Очнулся. Сколько времени кемарил, оценить не мог. Наверное, часок, не больше.

Было душно. Встал, почувствовал, что вспотел, и вообще жарко, жарко. Не температура ли? Взглянул на чудо-гаджет. Счетчик секунд продолжал молотить в бешеном темпе. Нажав нужную кнопку, переключил на термометр. Нет, температура нормальная. Ну, в любом случае — не сидеть же здесь.

Может, вколоть стимулирующее? В аптечке уже готовые инъекторы, распаковывай да засаживай в бедро или в шею. Нет, не стоит. Поберегу, решил он. Сам шевелиться в состоянии? В состоянии. Вот и вперед.

Опять закинул рюкзак на спину, двинулся дальше. Ноги были словно чугунные. Поворот за поворотом, колено за коленом, то длиннее, то короче... С огромным трудом старался не терять, хотя бы приблизительно, внутреннего счета времени.

Когда впереди забрезжил свет поярче и послышались какие-то звуки, прикинул, что от проникновения на Завод прошло часов пять. Плюс-минус, конечно, и немаленький, но будем считать, что пять. Сейчас, стало быть, где-то половина шестого вечера. Посмотрел на часы — те и другие показывают за полночь, причем следующих суток, седьмого июня. Глянул в телефон — там то же самое. Подсчитал приблизительно — получилось где-то четыре к одному. Да, по бегу стрелок и мельканию цифр похоже на то. Ничего себе. Символичность, однако, причем слегка издевательская: на циферблате швейцарца красуется логотип — Tempo Lento, что переводится с испанского как Медленное Время, а означает такую карибскую расслабленность. Понты, само собой, но симпатичные...

Медленное время, да уж. Шпарит, как сумасшедшее. Расслабленность, ага...

Ладно. Чертовы закоулки закончились, упершись в большой коридор, почти такой же в сечении, как давешний «проспект». К стене была приделана табличка: «Сектор 1–1 (раз-раз)».

Коридор — улица? — повернул налево. Дышать стало полегче, жара тоже немного отпустила. По правой стороне тянулись ниши метров по пять шириной и по три глубиной, отгороженные низенькими деревянными оградками-перильцами, с проходами внутрь этих маленьких пространств. Дальше, в бетонной стене каждой ниши, дверь, настоящая, деревянная. А, нет, даже две двери; вторая, что ближе к углу, замызганная какая-то. Окон нет. В некоторых из ниш — высунувшиеся из-за оградок лица аборигенов. Обращенные к нему, Игорю. И негромкий, неразборчивый говор.

Он заставил себя улыбнуться — только не так широко, как давеча, — и, держа эту улыбку, двинулся по коридору. Нет, очевидно, все-таки по улице.

Гуманоиды выглядели, в принципе, так же, как «ребзи» на площади Первых Встреч, только были чуть крупнее, а в остальном почти не отличить. Разве что волосы — у кого «оселедцы» короткие, у кого подлиннее и свисают, у одних коричневые, у других с

проседью.

Казалось, все бормочут что-то, но при его приближении замолкают и только провожают взглядами, а потом возобновляют бормотание — молитвы, что ли, шепчут, предположил Игорь, или заклятия какие?

Наконец, однообразие прервалось. Существо с торчащей из макушки длиннющей полуседой прядью волос — что это она положится, подивился Игорь, ветра же никакого, — распахнуло пасть и заверещало чуть ли не на ультразвуковой частоте:

— Ах ты мудан проклятуший!!! Мальчишков наших пошто спужал, смертию пошто грозился?!! Тебя кто сюды пустил, оглоода позорного?!! А ну пошел вон отседава!!! К своим подь!!! К евреям подь!!! Там тебе пропишут по харе твоей бесстыдной!!! У-у, бабца, небось, захотемши, охальник стоеросовый?!! На отшиб подь, муданище стыдобное!!! К страхолюдинам подь гадючным!!! Тута тебе, тварь заразная, желёзками мазано али как?!!

Существо захохотало еще тоном выше, хотя казалось, выше уже некуда, оборвало хохот и продолжило изрыгать брань, бессмысленную и, оценил Игорь, вполне бездарную.

Попытался произнести что-то мирное. Увы, это было невозможно. Уши заложило, он пожал плечами, что стоило известного усилия — рюкзак мешал, — и медленно зашагал дальше. Визги понеслись ему вслед, но через несколько секунд издававшая их тварь словно захлебнулась — и стало тихо, слышалось лишь прежнее бормотание аборигенов.

Когда миновал еще с десяток ниш, сзади раздался дребезжащий тенорок:

— Мил человек мудан, а мил человек мудан?

Игорь обернулся. На него смотрел гуманоид, почти неотличимый от остальных. Разве что нос покрупнее. И волос нет совсем.

— Ты, мил человек мудан, — затараторил он, причудливо коверкая слова, — на Лавуню сердечка не держи. Лавуня хучь и первейшяя во всем Марьграде красавица, а карахтер у ей у-у каковой, огонь карахтер! А пожалуй, мил человек мудан, в отсечку в мою, посидим тама, потолкуём об чем, с тобой-то, коль ты мудан, а ты мудан и есть самой что ни на есть, уж я-то враз образличимши, так с тобой-то потолковати мене в радость, давно не толковамши по душам, а уж тебе со мной, енто ты даже сумлеваться не удумай, потому я ой много об чем дум переудумамши, а потолковати ежели с толком да с пользой так енто не с кем а с муданами я завсёгда потолковати антиресуюся бо корня мы единого а ствольчики да веточки наши разбежамшися вот и есть завсёгда об чем потолковати...

Уши опять начало закладывать, теперь от потока льющихся в них слов. Но тут абориген сделал паузу, чтобы вдохнуть, чем Игорь и воспользовался:

— Пойдем, дедушка, спасибо тебе.

— Каковой я те дедушка, — возобновил атаку гуманоид, — я и неженатый ишшо, а обжениться вот на Лавуне хочу, да ёна пока не дает, троёх мужов со свету посжимши, а четвертого выбираемши, так пушай мене выберёт, а посживет так пушай хучь посживет, а пожалуй ко мене, да, пожалуй, мил человек мудан, я рядом тута обитаюмши, отсечка у мене тута, фатерка тож, пожалуй...

Он молол языком почти безостановочно, но Игорь сумел абстрагироваться. Следовало найти где-то приют, поесть, восстановить силы, поспать недолго, но здоровым сном, и на свежую голову обдумать все.

— Красавиц у нас тута много, да Лавуня изо всех первейшяя, — вещал гостеприимный абориген. — А ёна мене кричит, мол, ты, Федюня, как есть чудовище дурное да носатое, пшел, кричит, вон от мене, язык, кричит, что помело, а каковоё ж помело, ёно ж, помело-то,

волосьяное, а язык-то во, гля.

Он на ходу повернул голову к Игорю, вывалил язык — сизый, мясистый, пупырчатый.

— Каковё ж помело, и не помело вовсе, а я смеюся, я свово завсёгда добьюся, я до фостика ёйного доберуся, а тама пушай со свету посжівает, не жалко, мене и пожалети некому, бо сирота я и нежёнатый от века. Енто мене кличут таковó: Федюня, — сообщил он неожиданно деловым тоном. — А по фицьяльному ежели, того не ведам. Должно, Федосий. Да, Федосий. И фамиль имем, токмо нам фамиль без надóбы. Федосий.

— Не Федор? — осведомился Игорь.

— Не-е, каковóй ишшо таковóй Федор. Федосий, вот как! А так-то — Федюня. А тобё каковó кличут, мил человек мудан?

Маньяк, хотел ответить Игорь, но воздержался — они тут могут знать это слово. Назвался честно — Игорем.

— Да нетути таковóго прозвания, — усомнился Федюня. — А хоша у вас, у муданóв, всяковó могёт быть. А вот и пришкрёблися, вот ёна отсечка моя. Заходь, мил человек мудан, заходь, сидай вон на лавчонку, Шушулька мене ладнó лавчонку скомстролимши, ты сидай, толкóвати учнем.

— Федюня, дорогой, — проговорил Игорь, зайдя в «отсечку», скинув рюкзак и сев на скамью, действительно добротную, в отличие от колченогого низенького столика по соседству. — Федюня, ты прости меня. Ты добрый, я вижу. У меня сейчас сил никаких. Я вот только из своих запасов подкреплюсь, водички глотну и должен поспать немного. А уж потом потолкуем.

— Э-эх да эхма! — воскликнул Федюня. — Самоё утречкó, а ты, вишь, почівати, экой путник, ну да уж что уж, гнати гостя енто хужэе нетути, почівай уж, вот на лавчонке и почівай.

— Подкреплюсь только, — повторил Игорь, извлекая из рюкзака порцию спецпайка. — Хочешь моего отведать?

— Что ты, что ты! — замахал ручонками Федюня. — Мене от харчов ваших муданóвых завсёгда пучит чуть не до погибели! Я б тебя желёзками угостил, ёни ох укусныё, да вас же, муданóв, от желёзок пучит, а нас, местных, от вашего пучит, вот и кричу тебе, единóго мы корня, а ствольчики свои у кажнóго, а ты кушай уж сам свое, а как напочівашься, так и потолкуём, забижаться не станешь!

— Спасибо, — еле ворочая языком, выдавил Игорь.

Он быстро и очень умеренно утолил голод и жажду — спецпак работал на пять с плюсом, но, похоже, следовало экономить, — спросил хозяина об отхожем месте, воспользовался, вернулся к скамейке, кое-как пристроил под голову рюкзак...

Глава 10. Позывной: Путник. Дата: неопределенность

Спят люди — по-разному. Бывает, нежишься на мягчайшей перине, без единой под ней горошинки, и одеяла теплые, но легкие, и подушки пышные, и воздух в спальне благоухает райски, и звуки непрошенные не досаждают, и комары да бабочки ночные не докучают, и сны видишь чуждые — а просыпаешься разбитый, больной, злой. А бывает, пристроишься где придется, валишься одетый в чем был на жесткий пол, под головой ничего нет, там чешется, тут свербит, воздух спертый, смрадный, то жар накатывает, то озноб колотит, и мухи противные жужжат, кусаются, и дребезжит что-то, скрежещет, и ворочаешься, и мерещится по углам вражья сила, и снится жуть всякая, а очнешься — свежий, с головой ясной, к боям-делам-свершениям готовый.

Игорь спал не пойми как и, проснувшись, не мог бы сказать, свеж он или разбит, добр или зол. Да и незачем было в этом разбираться, а было бы зачем — тоже не получилось бы, ибо разбудили его настойчивые тычки в плечо и плаксивые причитания:

— Ау, мил человек мудан путник, ты живой аль како́? Вот же мене, сироте, незадача выпалася, почи́ват да почи́ват, навроде како́ живой, а то ль коченёлый, ау, мил человек мудан, ау, ау, ау...

Игорь прохрипел что-то, открыл глаза. Федюня. Теревит его, причитает, чуть не плачет.

— Да живой я, чего ты... — просипел он.

— Ох ты ж! — обрадовался коричневолицый хозяин. — И то, живой, вот как есть живой! А я уж удумал было... ай-яй-яйюшки! Ты ж, милоч, целён день да цельну́ ночь лежамши тут, усю лавчонку мне отлежамши небось!

Игорь прислушался к своим ощущениям. Казалось, сейчас глубокая ночь; казалось, дрых он часов пять-шесть, не больше. Но — сутки?! Он посмотрел на часы. Так-так. Восьмое июня, около девяти утра. Спать больше не хотелось. Похоже было на перенастройку организма при дальних перелетах, при смене часовых поясов. Его, Игоря, организм, адаптировался всегда легко, так ему помнилось. Откуда помнилось, куда летал, зачем летал, с кем летал — это смутно...

Сейчас с адаптацией обстояло похуже. Был ведь в неплохой форме, а прошло — сколько? — да считанные часы прошли, и кажется, будто вчерашнее, не говоря уж о более раннем, откатилось на годы назад, и все эти годы протекли в бесполезных шатаниях по едва освещенным бетонным коридорам, и сил на что-то важное — не факт, что хватит.

Так. Все это никуда не годится. Прикрикнул на себя стародавним: соберись, тряпка!

Сел на скамье, откашлялся, потер руками лицо — эх, умыться бы как следует!

— Тута пришкрёблися было́ пялятся на тебе, — доложил Федюня. — Страсть скольки́ народцу! Стоятися, пялятся. Боятися тебя, а чаво тебе боятися? Вот дурни́! Аж сама́я моя Лавуня-красави́ца пожаловалася, токмо ёна не боялася и не пялилася, а поглядемши глазыньками своими, плюнумши в сердцах да ужаловалася. Потому — карахтер! А протчих я прогнавши. Неча, кричу, любопытничати, енто гость мой дорогой, а гостя́ забижати енто ни-ни, от так от!

— Федюня, — спросил Игорь, почувствовавший, что в голове вот-вот зашумит от трескотни, — а Лавуня, это что за имя такое?

— Эка́ ты вона́ экой! — удивился Федюня. — А ишшо мудан, а неугадли́в! Ну, Клаву́ня

ёна есть, а я «ке» переднее напро́чь выемши, вот ёна и вышл́ась: Лавуня. Потому как лавенто есть любовь! Запевали, бывалоча: бабай мой лав бабай, енто, стал быть, почи́вай моя любовь почи́вай, во как! А ты сего и знати не знамщи? Эх, деревня...

— Понял, — сказал Игорь. — Спросонья просто не сообразил. Погодь, мил человек... — он осекся, поймав себя на том, что начинает перенимать лексикон хозяина. Поправился: — Стоп, дружище. Дай-ка я сначала оправлюсь, перекушу, а потом можно и поговорить.

Поговорить, подумал он, очень даже можно и нужно: ничего тут пока не понимаю, а от словоохотливого аборигена, глядишь, разживусь информацией, потом проанализировать попробую, посистематизировать...

Федюня насупился — ну да, сутки ждал, теперь только-только разговорился, а тут «стоп». Но ничего не попишешь — кивнул, рукой махнул согласно. Удивительно, но все это молча.

В отхожем месте обнаружились два крана, накануне не замеченные (ага, «накануне», как же, мысленно сыронизировал Игорь). Осторожно повернул один — ничего не произошло. Из второго бодро полилось, прямо на пол, где, оказывается, зияло небольшое отверстие. Лившееся походило на воду. Игорь подставил палец, понюхал его, решился — лизнул. Да, вода, конечно. С отчетливым привкусом ржавчины, но вода! Присмотрелся к струе — точно, есть желтизна. Пить эту воду, разумеется, не стоит, нефильТРованную; разве что в самом крайнем случае. А вот ополоснуться — пойдет!

Он метнулся обратно к скамейке, извлек из рюкзака туалетные принадлежности, — Федюня рта открыть не успел, — вернулся к воде, почистил зубы, умылся. Почувствовал себя почти человеком! И аппетит разыграл, а это не то что впихивать в себя по обязанности...

Сел на скамейку, достал вторую упаковку спецпайка, вопросительно взглянул на хозяина. Тот задумчиво вертел в руках связку узких металлических полосок, взирал на стоявшую на столике щербатую керамическую миску с мутноватой жидкостью и выглядел печальным.

— Скажи-кошь, мил человек мудан, — произнес он непривычно медленно. — Скажи-кошь, чаво таковое ты у мене тута перекусывати удумамши?

— Э-э, — опешил Игорь. — Да вот, как ты называешь, харч мой. Перекушу. В смысле, подкреплюсь. Что стряслось-то?

— В смысле, в смысле... — передразнил Федюня. — Кушати, что ль, станешь? Так бы и сказывал. Тряслось ёму... Путник ты, как есть путник. Ну ладушки-оладушки, кушай тады. А перекусывати-перегрызывать мене в дому тута ничо не надоть, енто я к слову, не держи сердечка. Я тож покушаю. Ох, укусны́ желёзки! А уж опосля толкóвати учнем.

Он отделил одну полоску, обмакнул ее в мутную жидкость. Едва слышно зашипело. Федюня подержал так «желёзку» несколько секунд (каких секунд, опять спросил себя Игорь, бешеных или нормальных?), вынул, сунул в рот, откусил, принялся чавкать.

— Приятного аппетита, — пробормотал Игорь.

Федюня перестал жевать, с видимым усилием проглотил то, что было во рту, заявил возмущенно:

— А не надобно́ нам тута апатитов! От апатитов твоих не пучит, от их столбняк да карачун, а и укуса́ никакового́, и не разж́уешь толкóм! Ишь, удумамши: апатиты! Ты, путник, сказывай да не засказывайся!

— Да не апатиты! — объяснил Игорь. — Аппетит, ну! Чтобы вкусно было, чтобы...

это... кушалось с удовольствием! Слово такое: аппетит!

— Нетути таково́го слова, — сурово сказал Федюня. — Надобно сказыва́ти: «добро́го укуса́», о как. А ты дере́вня и как есть путник, хоша и мудан.

— Да что за слово такое — мудан? И почему я путник?

— Мудан потому как мудан, а то кто ж ты есть? А путник потому как путник. Опосля растолкую. А покудо́ва — коль я кушаю, никóго не слушаю, поня́л? Так-то.

Доедали молча. Игорь извлек из рюкзака саморазогревающуюся баночку с кофе, вскрыл ее, немного подождал, стал потихоньку прихлебывать. Федюня тем временем отлучился в «фатерку», вернулся с наполненной кружкой, похожей на его миску — керамической и как будто местами обкусанной по краям. Жидкость в кружке была прозрачная. Игорь любопытствовал:

— А во что ты, Федюня, желёзки свои макал? И в кружке в этой у тебя что?

— В кислóту макал, во что ж ишшо макати? — снисходительно объяснил тот. — Токмо не в люто́ую кислóту, а в разбавлённую. От люто́й... — он глотнул из кружки.

— ...пучить станет? — догадался Игорь.

— Куды тама пучити! Уж лутше́е бы пучило! Сгорит нутро от люто́й, вона как! А водицы добавити, так и чинарик чинариком!

— А где ты желёзки-то берешь?

— Знамо где... тама, — Федюня мотнул головой, указывая куда-то вниз. — Ходим туды... А то Шушулька притаранит, споднизу. Нам тама боязно́, а ему ничо, а желёзки тама укусне́е да здорове́е. Их вот ноне и укушамши. А таперя водицей чисто́й захлебывам.

— И ничего? Не пучит? Я попробовал — водица у тебя немного того... ржавчиной отдает...

— И сизно́ва ты аки робятенюк глупо́й! Самая́ укусна́я и самая́ пользительная наша тута водица! Ну, а ты чаво тако́ хлебашь?

— Кофе, — улыбнулся Игорь.

— Ко-охве, — протянул Федюня. — Ну-кось дай-кось нюхну.

Он с опаской поднес баночку к носу, шумно потянул воздух, отпрянул. Вынес вердикт:

— Вы, муданы́ — муданы́ вы и есть. Родичи твои, тама, наверьху, — он ткнул пальцем в пол, — ёни таково́е хлебают, да. А нам таково́е не любó.

Игорь насторожился: родичи? Не забрезжило ли? Задать вопрос, однако, не успел.

— А ента бочонка твоя, в какой кохве твое плещемшися, — заинтересовался Федюня, — ёна из чаво скомстромлёнши?

— Банка-то? Пластик, а сверху, снизу и внутри — алюминиевая фольга, — ответил Игорь.

— Люминь... Не желёзка, нет... — как бы про себя проговорил Федюня. — Укус не тот. Ну да на худой день сгодится... — И скомандовал: — Как дохлебашь, мене сдашь, поня́л? И други́ каки́ ежели, тож сдашь.

Что ж, заметил про себя Игорь, хоть такую малость уразумел: жрут они тут металлы всякие... Метаболизм, однако...

Допили. Федюня завладел пустой баночкой из-под кофе, закинул ее куда-то в «фатерку». Игорь собрался было начать расспросы по делу, но хозяин, как всегда, оказался проворнее.

— Учинаём толкóвати, — объявил он. — Я первой спытаю, ты мене без утайки, а уж опосля потóлкуем ох по душам об разнóм. Сказывáй, откель ты взявшися? Потому как мудан ты как есть, а мы тута муданóв-то аль не видамши? Видамши, от так от! Муданý завсёгда навёрху обитаюмши, — он опять ткнул пальцем вниз, — к нам сюды вниз редкó когда кажумшитися, а все ж бывает. Четвероё их ныне, священных, а ишшо тама, сказывають, есть которые коченёют, а мы их кого забымши, а кого и нет. А ишшо девки есть муданки, то на отшибе, и бабцы с ими. Страшнýе все — и-и! — что девки с бабцами, что священные! Как вот ты страшнýе! Однако ж вумнýе! Особливо священные вумнýе, и Шушулька с ими, ён-то к нам частó кажимшитися. А ты есть мудан глупóй. Ума наберешь, енто да, дык и ёни, священные, за тот срок ишшо наберут. Так что не угнатися тебе за ими. Потому как ёни тута муданý старýе, а ты тута мудан новóй. Вот и сказывáй: откель взявшися? Ась?

Естественно, рассказывать все с самого, условно, начала, было бы глупо. Федюня понял бы еще меньше, чем Игорь понял из его тирад. Поэтому ответил просто:

— В общем и целом — сверху я взялся.

И показал рукой на потолок.

— Ой, пу-утни-ик, — пропел абориген. — Сказыват «сверьху», а показыват на низ...

— Федюня! — взмолился Игорь. — Там, — он еще раз указал на потолок, — верх!

— Пороли тебе малó, — горестно сказал хозяин. — Ты вот сознайся, читати мóгешь? Грамотнóй?

— Есть маленько, — буркнул Игорь.

— А ты не грубиянничай, а вот слухай сюды. Тама, — Федюня тоже махнул в сторону потолка, — ровень который? Ровень тама нуль! Так, что ли?

— Логично, — согласился Игорь. И поправил: — Уровень.

— Ты мене зубьёв не заговаривай! То по-вашему, по муданскóму, у-уровень, ишь, ну да Шушулька таково и малюёт, а по-нашему, по-людскому, ровень! Потому как ровнó тута, все равно какó на столе. Во-от. А тута у нас ровень которóй? Ай не читал, кады к нам сюды захóдил? Ровень раз, так аль не так?

— Ну так...

— Вот те и ну! Раз-то, ён поболе нуля будет, ась? То-то же! Стал быть, тама низ, а тута мы! А тама, — хозяин показал на пол, — верх. Бо тама и поболе нашего ровенья... два, три... восемь... всякó... Вот ёни и вышье, токмо нам тута енто не в обиду, бо раз енто есть первейшóй изо всех. А сектóр наш, ён раз-раз, потому ён и вовсе наипервейшóй. Да. А е самóм в верху и вовсе не весть какой ровень, тама священные обитат. Прозывають тот ровень Ризидн́ца штоль, да нам тута енто без надóбы. Вышье, вышье, вышье струним мы в полет нашептиц, запевамши таково, бывалоча! Нашептицы енто которýе нашептывáють пустое всякóе. А мы их, стал быть, пристру́ним, да и в полет, чтоб подале. Тама ишшо опосля: и каждый пропилит не дышит. Потому — на страже кажнóй, такó и пилит вокруг себе, как бы взад кто не прилётел. Да. Уразумёмши?

Игорь промолчал. Он решил не спорить, не вязнуть в этом словоизвержении — время дороже. С бессмысленным — деликатно соглашаться и выводить собеседника на осмысленное. Задача, однако, та еще... А что касается времени, которое дороже... Он взглянул на часы. Летит местное время, ох летит! Уже около пяти на циферблате, а когда в прошлый раз смотрел, было без чего-то час дня, а прошло с того прошлого раза... ну хорошо, пусть час прошел... да, похоже на четыре к одному... Хорошо, что у швейцарца автоподзавод. У японца батарейка на пять лет рассчитана; значит, по тутошнему ходу

времени, год с лишним прослужит — нормально, я здесь либо не пробуду столько, либо не проживу, в буквальном ли смысле, в переносном ли... Правда, на кой черт мне здесь эти приборы... ну, как знать — мало что еще видел, не понимаю вообще ничего... А вот телефон сядет — это не есть гут. Фото делать, видео — наверное, было бы все-таки полезно... Окей, сказал он себе, возвращаемся к этому... к толковищу, чтоб его.

— Таперя ты мене спытай, — предложил Федюня. — Бо так заведёно, ежели толкóвати: я спытаю, дале ты спыташь, дале сызно́ва я, дале...

— Понял-понял, — торопливо сказал Игорь. — Только сначала, дружище, две просьбы. Вернее, первая — вопрос: у вас тут розетки электрические есть?

— Эка сказанумши! — развеселился Федюня. — Какі такі розётки?! Нам тута без надóбы! На отшибе енто, дóлжно, да, у свящённых того боле да. А нам без розёток твоих тёпло да сытно́, о так! А то Шушульку спытай, коли завстречашь!

— Ясно... А второе — как раз просьба. Федюня, ты добрая душа, я уж понял. Поэтому прошу: когда говорить... ну, толковать будем — не части ты так, пожалуйста! Помедленнее говори, хоть немножко, а то мне трудно бывает усваивать.

— Дык енто ясён красён, — важно ответил абориген. — Ежели так, запросто́, тады такó, а ежели толкóвати всурьез, тады с чуйствóм да с толкóм. С толкóм толкóвати, чуешь?

— И с расстановкой, — зачем-то добавил Игорь.

— Ой-ёй, пу-утни-ик, — в который раз сказал Федюня. — Расстановка то совсём не то.

— Слушай, Федюня, — не выдержал Игорь, — что ты заладил? Путник, путник...

— Дык потому как путашь ты все на свете, — объяснил хозяин.

— Так тогда — путаник, а не путник!

— А вот таперя ты спытал верно́! — провозгласил Федюня. — Глянь-кось, умнеешь, что ль. Об том и желамши тебе толкóвати. Ну, слухай. — Он действительно стал говорить медленнее и четче. — Не пúтаник, а путáник, енто перво́-наперво́. В небывальные былодавние времёнья, бывалоча, запевамши: путана, путана, путана, ночная бабушка, да я не виноватый... Слыхивал?

Игорь ошалело кивнул. Бред какой-то, напропалую. Похоже, ничего нужного выведать не удастся.

— Вот, — продолжил абориген. — Путана — сие есть девка, аль бабец, да, бабец. Нощной. Гулящий, о как! А путáник — сие есть отрок, сынок тоёй путаны, а от кого сынок, то неведóмо. — Он тоненько захихикал, прикрывая рот ладошкой. — А ты каковóй же путáник? Ты есть мудан, токмо путаш все как есть, потому как новóй ты мудан, а потому ты есть путник. Вот и буду тебе такó прозывать, Путником. Великой Путник, от так от. А то прозвание, каковóм ты мене прозвамши́ся, от его глотку аж пучит.

Ну и ну, подумал Игорь. Песни он откуда-то помнит столетней давности. Наведенная, что ли, память... как у меня порой случается... единого корня, да... Хм. А у меня, стало быть, новый позывной. Ха.

Других мыслей не было. Федюня же сел, похоже, на любимого конька.

— Я ить не дерёвня какая, я ученью-свет уважам. Шушулька мене, бывает, книжков притаранит, я их читаю, читаю, читаю. Много чаво вычитáмши, и-и! Вот гляди. Путáник енто одноё такоё словó. А есть ишшо титаник. Знаш, нет?

Игорь опять кивнул. Говорить не хотелось.

— Титаник енто, мил человек Путник, судно старобылодавнее, из сказки. Его, мож, и не было, бо как так по воде плавати, обо гору стукатися. Сказка и есть. А ишшо есть слово ботаник. Сие есть человек хилый, глупой-не глупой, а все одно дурень. А другое слово — британик. Сие есть... сие есть... сие есть...

Заело. Федюня явно забыл вычитанное. Игорь автоматически подсказал:

— В Древнем Риме. Наследник императора. Отравили его.

— Сам знам, что в Деревне Риму, — важно заявил собеседник. И оживился: — Гля, Путник Великой... не, буду тебе прозывать запросто Путник, а то долгонько выходит... гля, Путник, едно тута к ёдному! Потому как бымши в том Риму-Деревне ишшо такой Анибал Сильной мужчина, хоробрый, вумной, хоша и злой. А мы ныне ентакого человека как прозывам, ась? Анбал мы его прозывам, во как! Анибал — анбал, понял? А Британик твой — ботаник!

Азарт так и пер из него, но вдруг фонтан иссяк — разом, словно кто-то перекрыл. Федюня зевнул, потер ручками лицо, вяло сказал:

— Потолковавши важно, да и будет. Утомимшия я с тобой. Почивати пора. И ты почивай, коль желаш. А коль не желаш, тады погуляй, полунощник, а пожелаши, так пожалуй вот на лавчонку...

— Как почивать? А обедать? И вопросы у меня, важные вопросы на самом деле! Ты меня совсем заболтал, а теперь почивать собрался...

— Ноне день не обедной, ноне завтрашней... обедной день взавтре... ужинной опосля... гладной ишшо опосля... и сызнова завтрашней... А ты бубубу, бубубу, ажно брюхо бурчёмши... причепимшия ровно пьявка... Почивати, почивати...

— Погоди, друг! — заторопился Игорь. — Скажи только, как мне Шушульку твоего найти?

— Да кто ж знат, — пробормотал хозяин.

Он зевнул еще раз, встал, покачнулся, поплелся в «фатерку», скрылся за дверью.

Гриф: особая важность!
Откуда: департамент 31
От: Иванова И. И.
Куда: отдел 31/3
Кому: Коммодору
Дата, время: 07.06.49, 13:31 UTC+3

На Ваше от 23.05.49 UTC+3.

Направляю Вам для ознакомления «Сводку», представленную нам по нашему запросу Особым аналитическим отделом соответствующего компетентного органа (в сокращении).

«СВОДКА (в сокращении)

Фамилия, имя, отчество: Лушников Игорь Юрьевич.

Дата рождения: 16.08.1999. Место рождения: г. Москва.

Фамилию, имя, отчество не менял.

Гражданство: РФ.

Национальность: русский.

Вероисповедание: данные отсутствуют.

Партийность: данные отсутствуют.

Копия паспорта гражданина РФ прилагается.

Заграничный паспорт: не выдавался.

Отец: Лушников Юрий Викторович, 1970–2027. Мать: Лушникова (при рождении Ермолина) Галина Дмитриевна, 1974–2027. Погибли в авиакатастрофе рейса Москва — Иркутск 13.07.2027.

Прочие родственники (до 6-й степени родства включительно): оставшихся в живых не установлено.

Семейное положение: не женат. Ранее в браке не состоял.

Зарегистрирован по адресу: г. Москва, ул. Третьего Интернационала, д. 12, кв. 8.

ВНИМАНИЕ! По указанному адресу с 1996 г. расположено предприятие автосервиса Жилых помещений (квартир) по указанному адресу не имеется. Проверено оперсотрудником. Рапорт прилагается.

Дошкольное образование: данные отсутствуют.

Среднее образование: лицей 1581 при МГТУ им. Баумана, выпуск 2017 г.

Высшее образование: МГУ им. Ломоносова, механико-математический факультет, специальность «Механика сплошных сред», выпуск 2023 г. Копии аттестата и диплома прилагаются.

ВНИМАНИЕ! Проведен выборочный опрос выпускников указанных лет и педагогического (профессорско-преподавательского) состава указанных учебных заведений, в количестве 43 лиц. Из них 13 опрошенных помнят фамилию и имя «Лушников Игорь», но не помнят никаких деталей: внешности, привычек, склонностей, каких-либо нестандартных ситуаций в ходе обучения и т. д. 30 опрошенных не помнят о Лушникове Игоре Юрьевиче ничего. Протоколы опросов прилагаются.

На действительную службу в рядах Вооруженных Сил не призывался. Военское звание: лейтенант запаса. Военно-учетная специальность: 461003. Копия военного билета прилагается.

Трудовая деятельность: по 2048 г. включительно не зарегистрирована. 14.01.2049 зарегистрирован в качестве самозанятого лица. Сведений о деятельности в данном качестве не имеется.

Обращения правоохранительные органы от/в отношении Лушникова И. Ю.: не зарегистрированы.

Налоговые задолженности: отсутствуют.

Обращения в медицинские учреждения: не обнаружено.

Банковские счета, вклады, паевые взносы, страховые взносы: не обнаружено.

Копии полиса ОМС, СНИЛС, ИНН прилагаются.

Почтовые отправления на имя/от объекта данной сводки: сведения отсутствуют, как в базе Почты России, так и в других почтовых сервисах.

Аккаунты в социальных сетях, упоминания в сети Интернет: обнаружены на однофамильцев-полных тезок, в количестве 27. Связь с объектом данной сводки: отсутствует. Рапорт исследования прилагается.

SIM-карты на имя Лушникова И.Ю.: зарегистрированы на однофамильцев-полных тезок. Связь с объектом данной сводки: отсутствует. Рапорт исследования прилагается.

В собственности: автотранспортное средство Хендэ Элантра, серого цвета, выпуск 2018 г. Копии ПТС, св-ва о регистрации: прилагаются. Копия водительского удостоверения: прилагается. Копия полиса ОСАГО: прилагается.

Сведения о техническом обслуживании автотранспортного средства: отсутствуют.

Сведения о штрафах и ДТП: отсутствуют.

Приложения: упомянутое.

РЕКОМЕНДАЦИЯ. Считаю целесообразным составить и направить от Вашего имени конфиденциальные запросы по линии ведомств, осуществляющих разведывательную и контрразведывательную деятельность, как-то: ФСБ, СВР, ГРУ ГШ, спецподразделения: МВД, МЧС, тергвардии и т. п.»

Предписывается Вам:

1. Усилить круглосуточное патрулирование периметра объекта 31, а именно: увеличить состав патруля до 4 (прописью: четырех) сотрудников. Патрулирование производить двумя патрулями одновременно, сменами по 8 (прописью: восемь) часов.

2. Организовать аналогичное круглосуточное патрулирование в черте городской застройки и, по Вашему усмотрению, иных территорий (улицы, площади, торговые и прочие заведения, локации и маршруты патрулирования по Вашему усмотрению) парными патрулями в режиме, идентичном указанному в п.1, в количестве 10 (прописью: десяти) патрулей.

3. Личный состав в количестве 76 (прописью: семьдесят шесть) оперсотрудников для исполнения пп.1 и 2 будет направлен в Ваше распоряжение сегодня, 07.06.49. Прибытие завтра, 08.06.49. Поручается Вам разместить указанный личный состав в расположении отдела 31/3, а также обеспечить всем необходимым. Соответствующие денежные средства будут перечислены сегодня, 07.06.49.

4. В случае обнаружения/опознания Лушникова И. Ю. (позывной Маньяк) произвести

задержание и доставить в распоряжение вверенного Вам отдела. Указанное осуществлять по возможности скрытно. О задержании доложить лично мне незамедлительно.

5. Задержанного Лушникова И. Ю. (позывной Маньяк) содержать на территории вверенного Вам отдела до моего особого распоряжения. Режим содержания: закрытое помещение гостиничного типа, категория комфорта не ниже ***. Покидать указанное помещение задержанному категорически воспрещается.

6. Категорически воспрещается Вам и/или иным сотрудникам отдела 31/3 проводить какие-либо акции в отношении задержанного Лушникова И. Ю. (позывной Маньяк), как-то: допросы/собеседования по существу вышепредставленной Вам «Сводки», а также о пребывании на территории объекта 31.

7. Категорически воспрещаются в отношении задержанного Лушникова И. Ю. (позывной Маньяк) какие-либо акции силового (физического/фармацевтического/психологического) характера.

8. При необходимости предоставить задержанному Лушникову И. Ю. (позывной Маньяк) соответствующее медицинское обслуживание.

9. В случае обнаружения/опознания совместно с Лушниковым И. Ю. (позывной Маньяк) иных лиц, составляющих с ним группу, действие вышеизложенных пп. 4–8 распространяется на данных лиц в равной мере.

10. О ходе патрулирования докладывать подробно и ежедневно.

Также довожу до Вашего сведения:

а) В органы внутренних дел субъекта Федерации направлены ориентировки для скрытного розыска Лушникова И. Ю. (позывной Маньяк).

б) Наш запрос о студентах, проходивших преддипломную практику в медсанчасти бывшего предприятия (ныне объекта 31) в период дня «Э», находится в стадии разработки в том же Особом аналитическом отделе соответствующего компетентного органа.

Благодарю за службу.

Гриф: особая важность!

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 07.06.49, 13:46 UTC+3

Принято к исполнению.

Служу России!

Коммодор откинулся в кресле, рассеянно поиграл зубочисткой. Перечитал последнюю часть послания — руководящие, чтоб их, указания. Произнес вслух:

— И где я, мать вашу, такую ораву размещу? Семьдесят шесть рыл! Казармы у меня тут нэмаэ, звиняйте, дядьку!

А придется ведь размещать. И кормить-поить придется. Ну, предположим, это порешаю. На «соответствующие денежные средства» закажу пару армейских палаток, на сорок

гавриков каждая. Где их поставить — проблем нет, территория позволяет. Коек тоже заказать... или нет, матрасами обойдутся. Кухню полевую... продукты... бионужники, а то загадят же расположение... умывальники... не было печали... а, придумаю что-нибудь. Соню запрягу, пускай повернется хлопец.

Да, еще браслетиков наваять с чипами, чтобы дроны на периметре до патрульных не докапывались. На восемь-то, изначально объявленных, запас есть, а на целую роту — увы. Заказывать придется, в срочном порядке.

Что там еще? Ага. Вот. Задержанного содержать, как в отеле трехзвездочном. Коммодор засмеялся. Во-первых, три звезды — это подите-ка проверьте. Что есть, тем и богаты. А во-вторых... задержанный, ишь как. Неубитый медведь... Да и как-то не особо верится, что будет тот медведь убитым. В смысле — в задержание не особо верится. По крайней мере, в обозримое время.

Это ж сколько они у меня тут будут колготиться, патрули-то? — ужаснулся Коммодор. До морковкина заговенья? Знаю я наше обыкновение: поперву все аж горит, а потом на нет сходит, обыденностью делается. Так, глядишь, протянется у начальства энтузиазм, скажем, на месяц, а после-то и уйдет на задний план, а там и вовсе без малого позабудется вся история. Патрулируйте, орлы, служба такая... Эх.

Однако нечего эхать, одернул себя Коммодор. Чует сердце: главное в послании — не инструкции, а вклеенная в него «Сводка».

Внимательно перечитал ее раз, другой. Игорь-Игорь... Скажи-ка, толком не помнит о нем никто ни шиша. Одноклассники бывшие — и те не помнят. А распинался-то: типа объяснял я им про мою фамилию, что от воина с луком и стрелами она ведется, да о старомосковском варианте, да по башке бил, коли ржать не прекращали. Бил-бил, да, выходит, не вбил.

Все остальное в сводке — тоже... как бы выразиться... то стандартно до подозрительной нарочитости, а то, наоборот, нестандартно до дури. Адрес местожительства — на автосервисе, надо ж такое. Симок нету — а телефон-то у него еще как есть. Не работал нигде — а вешал мне тут лапшу про каких-то сотрудников с первой формой допуска. И тэдэ и тэпэ. Человек-призрак какой-то.

Сплошная лажа. Одно-единственное достоверно — про машину. Вон она, на стоянке тут, чехлом прикрытая.

Непонятно только, зачем врать так напропалую, когда ясно, что проверить все — раз плюнуть. Может, псих на всю голову? Да не особенно похоже. Разве что эта его память своя-не своя... ну так Маньяк — он и есть маньяк, ха. Конечно, психиатрия штука тонкая, темны воды ея...

Но нет. Не верю я, сознался себе Коммодор, что он шпион или вроде того. И что псих, тоже нет. Не верю и все тут! Я людей чую. Зря, что ли, столько лет землю топчу, а в промежутке палубу топтал. И сюда, в отдел наш 31/3, поставили меня не зря. Почему такой выбор сделали — того не объяснить, а что не зря — это, как говорится, сто пудов.

«Не зря», ввернул бы Маньяк, значит «не глядя». М-да.

Если вдуматься, невеселая история, да грустить некогда: служба.

Он быстро оценил ситуацию, связался с Соней, приказал:

— Ко мне в кабинет бегом марш!

Добавил:

— Свистать тебя наверх...

Не дожидаясь, начал составлять перечень палаток и прочего. А заканчивать, заказы по перечню этому писать, исполнение обеспечивать, размещение личного состава, кормежку и все такое — это пусть хлопец вертится. А мне — Коммодор витиевато выругался — забот-хлопот без того достанет. Патрулирование отслеживать, логистику контролировать, задачи ставить, результаты итожить, все это каждый день и как бы не круглые сутки. Наверх докладывать, оттуда новые директивы получать. Вот же ввязался.

А и не худо. Не загниешь на старости лет.

Глава 12. Чуть помедленнее, кони. Дата: неопределенность

Похоже, рассудил Игорь, у них тут как бы ночь. Продлится она часов восемь по местному счету, а по моему объективному — часа два. Значит, в течение этих двух часов бродить по секторам да по уровням, сколько их ни есть, особого смысла не имеет. И, далее значит, стоит выйти наружу, в нормальный ход времени. А там пройтись по ответвлению метеной дорожки, что ведет куда-то вглубь территории.

Он переоделся во все черное — усмехнулся: ночной призрак, — поверх банданы нацепил налобный фонарь, прихватил стропорез и, на всякий случай, виброрезак. Поколебался — и наполнил фляжку «Коктебелем», сунул ее в карман ветровки, в комплект к куреву.

Так, практически налегке, и двинулся.

В секторе «раз-раз», действительно, царила тишина. В многоколенчатом коридорчике и на «проспекте» — тем более. Проблем с дыханием на этот раз не было. Не было и мыслей — отложил их на потом. Шел быстро, на перекрестке проверил нерассмотренный ранее указатель. Даже два их там оказалось. На первом было выведено: «Проспект Раз», а второй извещал, что, повернув направо, путник (ха-ха) проследует к сектору 1–2 (раз-два).

Шутник этот Шушулька, со своими разами.

Игорь повернул налево, к выходу. Ускорил шаг — хотелось уже поскорее под небо, пусть и небо Завода... то есть, получается, Марьграда.

Перед проемом остановился, проверил часы: бегут неистово... Прошмыгнул через проем, к лестнице — различил знакомый щелчок. Еще раз проверил: так и есть, стрелки и цифры на обоих аксессуарях вернулись к стандартному ходу.

Почему-то вздохнул с облегчением. Нерационально это, сказал он себе. У меня-то лично ход времени какой был, такой и есть, что там, за проемом, что здесь. Собраться нужно, вот что. Мысли в кучку.

Они, мысли, тут же отчасти послушались: стала ясна причина фокусов с показаниями прибора — неправдоподобно низкий пульс, нереально малая скорость ходьбы. Все это надо умножать на четыре, торжествуяще сказал себе Игорь! И тогда истинный пульс будет не шестнадцать, или сколько там выдавалось, а шестьдесят с лишним! И скорость хода — не километр в час, а нормальные четыре!

Торжество, однако, тут же несколько померкло, ибо неясностей как раз прибавилось: физические приборы, что механика, что электроника, ускоряются вчетверо, аборигены живут, похоже, в том же ритме, а личный, персональный, приватный, мать вашу вдоль и поперек, организм Лушникова И. Ю., позывной Маньяк, представления об этом не имеет!

Разница-то в чем? Она, если вдуматься, в том, что он есть объект биологический, одушевленный, а часы и прочее — просто техника. Но, с другой стороны, у обитателей этого Марьграда ход времени тоже ускоренный, хотя они, вроде бы, тоже биологические. Или нет? Какое ж био станет жестью да алюминием питаться? Ну да, они, скорее всего, не полностью био. Но одушевленные же?

А, чушь все это собачья, бредятина антинаучная. Однако факт.

Ну, вроде бы, эти вопросы не очень насущны, по крайней мере, пока, успокоил себя Игорь. И, уже поднимаясь по лестнице, посетовал: сколько же по-настоящему насущных

вопросов не задал Федюне. Что за муданы такие, что за девки да бабцы на каком-то отшибе — это, может, вообще самое главное... опять же контрвопрос, типа: «а ты-то, Федюня, откель тута взялся? ну-кось сказывай»... и чего он язык ломает так... прямо карикатурно... впрочем, два последних вопроса, наверное, ненасущны... хотя как знать... Да поди спроси его! Симпатию вызывает, это да — правда ведь, добрая душа, при всем самолюбовании; но общаться — просто мучение, слова не вставишь, тарыхтит так, что не только в ушах, а и в башке звенит.

Забавно, подумал Игорь. Коммодор то и дело простецкие словечки выдает — так он под простачка и косит, у него это *поставлено*. А когда косить нет нужды — может и нормально разговаривать, гладко, грамотно. Но все равно прорывается то, *поставленное*: привычка — вторая натура. А у Федюни, похоже, эта натура — первая.

Эх, пустое... Надо Шушульку пресловутого искать. Интуиция подсказывает: с ним поговорить можно будет вполне конструктивно.

Вот и выбрался на уровень «нуль». Здесь все то же, что и тогда... а когда?.. да суток не прошло, а кажется, будто сто лет тут.

Не гони-ка лошадей, приказал себе Игорь. Вспомнилось, опять как будто и своей, и не своей памятью, запело-заиграло в голове: сначала — про ямщика, только почему-то не того, которого просили не гнать, а про качавшего буйной головой, но ямщика сразу вытеснили кони — «чуть помедленнее». В авторском исполнении. Смысл, конечно, иной... хотя, может, и тот же...

Игорь посмотрел на небо. Какое было сплошь серое, такое и есть. Подсчитал ориентировочно: сейчас около шести утра следующих суток — седьмого, то есть, июня.

В воздухе по-прежнему мертвый штиль и по-прежнему ощутимо несет железом. Похвалил себя: правильно резачок взял — глядишь, и удастся принести гостинцев радушному хозяину. Поругал себя: а про миноискатель — напрочь из головы вылетело. Оно само по себе, наверное, некритично: придется осторожно двигаться, вот и все.

Еще подумал: с пространством там, внизу, которое Федюня считает находящимся сверху, что-то, конечно, не то. То есть, вообще-то, там «не то» абсолютно тотальное. Но сейчас о конкретном — о «не то» в смысле воздействия на мозг. Расконцентрированный там мозг. А здесь все по-иному — бодрость вернулась, концентрация вернулась. Даже плотненько чуточку крепкого захотелось и перекурить.

Так и сделал, да со здоровым удовольствием. А закончив, зашагал по дорожке.

Сначала, отчасти для разминки, прошел знакомым путем к месту своего прорыва на Завод. Здесь тоже ничего не изменилось. Замысловатая и нелепая конструкция-страшилка так и стояла лицом к нему — как повернулась, когда провожала. И так и сработала опять.

Игорь миновал ее, подполз под вагонетки, убедился, что заперто.

Двинулся обратно, к корпусу, и дальше, по неизведанной тропке. Примечательное, хотя бы мало-мальски, не попадалось — все те же руины и обломки. Дорожка вилась между ними, огибала остатки разрушенных ангаров, подстанций, башен, труб. И минут через десять привела к сооружению, некогда, безусловно, высокому, а ныне — словно обрезанному наискось, да еще и неровно. На старых планах Игорь такого не помнил, но оно стояло, словно было здесь всегда — капитальная кирпичная башня квадратного сечения, метров семь на семь, и дорожка заползала внутрь через пролом в стене, вблизи угла.

Пролом начинался у самой земли; был он невысок, но если в три погибели... да, пожалуй, даже в две... с половиной... в общем, пролезть не проблема. Вот не обвалилось бы в неподходящий момент... Игорь похлопал рукой по кирпичам над проломом — вроде крепко. Нырнул, тем не менее, быстро как только мог: береженого... и тэдэ...

Было темнее, чем снаружи, но не настолько, чтобы включать фонарь. Осмотрелся. Отметил про себя: пол на удивление чистый. В противоположном углу — довольно большая куча чего-то мелкого, рассыпчатого. Приблизился, нагнулся, взял горсть в руку. В самом деле, рассыпчатое; похоже на обрывки поролона, что ли. Надо же, подумал Игорь, прямо лежбище чье-то.

Запрокинул голову и замер: в небе сверкали звезды. Известное дело, эффект колодца, но — здесь?!

Ладно, любоваться еще, может, выдастся время... когда хоть малость яснее станет в голове... а пока — отыскать железяк для Федюни, настричь полосками, шгук двадцать, пусть наслаждается... да и возвращаться. Пока то да се — пара часов истечет, с начала «прогулки» считая, а по времени «уровня раз» все восемь, условная ночь там закончится, настанет — как было сказано? обедной день, смешно, — вот дорога ложка и получится как раз к обеду, приятного аппетита. Ой, простите, доброго укуса...

Груда наваленных друг на друга тонких стальных листов обнаружилась с другой стороны квадратной башни. Слегка расчищено было и здесь. Верхний лист оказался криво покромсанным, заусенцы так и торчали. Игорь брезгливо сдвинул его в сторону и из следующего, целенького, хотя и тронутого коррозией, нарезал даже не двадцать полосок, а целых две дюжины, подходящего размера. И согнул пополам, чтобы нести было удобнее.

Довольный, двинулся обратно, к корпусу. Заглянул в изначально показавшееся необозримым пустое пространство на уровне «нуль». Необозримость никуда не делась, но у левой стены, рядом с границей чистого и мусорного, обнаружилась, причем лежащей, очередная конструкция-страшилка с семафором и динамиком-колокольчиком. Наверное, испортилась, вот ее туда и отволокли. Зачем — непонятно. Стояла бы себе...

Ну и пусть валяется, не до перформансов этих. Вниз, на уровень «раз», в сектор «раз-раз», к Федюниной «отсечке». Часы, разумеется, взбесились, но сам Игорь, как ни странно, бодрости не утратил.

Адаптируюсь, предположил он. И еще раз остерег себя: не зарывайся. Чуть помедленнее.

Глава 13. Грустный мудан. Дата: неопределенность

Вылазка на «нуль» продлилась не два часа, а, похоже, все три. В секторе, соответственно, было уже полноценное утро: жители вовсю бодрствовали. Поскрипывали и постукивали двери «фатерок», в некоторых «отсечках» копошились их хозяева. Завидев Игоря — замирали; до его слуха доносился невнятный шепот. Боятся, с неудовольствием подумал он. Чего боятся, чем я им так страшен...

Одна лишь Лавуня снова продемонстрировала «караактер»: отважно подскочила к оградке и смачно плюнула в направлении Игоря. Спасибо, не попала.

Навстречу прогулочным шагом шествовало несколько аборигенов — по-видимому, взрослых и детей. Мгновенно расступились перед ним и застыли в разных позах сюрреалистической скульптурной группой — коричневые, складчатые, в серых хламидках...

Федюня выглядел тоже неважно: понурившись, сидел на скамье, покачивал головой, жевал в такт покачиваниям. Вот прожевал, стал отплевываться. Посмотрел на Игоря, произнес:

— Носит тебе незнамó где... А тута потравитися недолгó бочонкой твоёй...

— Ты банку мою, что ли, жрешь?! Ты ее зачем целиком-то жрешь?! — изумился Игорь. — Говорил же тебе, балда, там в основном пластик, а еще там химический реагент для разогрева! С ума сошел?! Металл отличить не можешь?!

— Кушати уж больнó хотелося... — объяснил Федюня. — Тьфу, гадостя...

Он вдруг сорвался со скамьи, метнулся в отхожее место. Игорь разогнул железные полоски, положил их на столик, сел на скамью. Из нужника доносились надрывные спазмы, затяжной кашель, невнятные причитания. Длилось это, правда, недолго — пару минут. Но по их местному ходу времени — все восемь, сообразил Игорь. Не позавидуешь. Наизнанку, небось, вывернулся, бедолага.

Да и слушать эти душераздирающие звуки — тоже удовольствие то еще. Не вывернуло бы самого. За компанию. Вспомнилось бессмертное: наглotalись зубного порошку третьего дня. Коммодор оценил бы...

Все стихло. Федюня с явной опаской выдвинулся наружу, тихонько подошел, сел рядом. Понятно было, что старается не шевелиться. Прошло еще минут пять — начал оживать потихоньку. Вымолвил надтреснуто и сипловато:

— Видать, не помру ишшо... Слухай, Путник, ты другó бочонку, коли будет, все одно мене давай... Я таперя ученый каковó их кушати, а каковó не кушати...

И правда, кофейку выпить, решил Игорь.

Доставая баночку, он сказал:

— А я тебе, между прочим, гостинца принес! А ты, дурачина...

Узрев, наконец, внушительную пачку «желёзок», Федюня окончательно вернулся к жизни и при этом расчувствовался.

— Ах ты ж, мил мой человекóшко муданóшко Путник, — понес он, — ах ты ж, гостюшка ты мой дорогой! Ай, не позабымши мене, дурня! Ай, спасибочки тебе до самóго-пересамóго!

— Ладно тебе... — отреагировал Игорь, сделав первый глоток кофе. — Просто думай впредь головой, а не желудком... Запомни: пластик не жрать, кальциевую известь не жрать, только фольгу алюминиевую можно!

И решил: самое время для допроса с пристрастием. Федюня сейчас чувствует себя виноватым, самоуверенность и болтливость его поуменьшились — вот и воспользуемся. Цинично, не без того, но и вреда нет, и для дела, может, польза.

— Так, — начал Игорь нарочито строгим тоном. — Теперь, Федосий, слушай меня внимательно. Я буду тебя спрашивать, ты отвечай, но ясно и четко, понял? Это у нас с тобой не толковище. Соловьем разливаться когда-нибудь потом будешь. Понятно тебе?

— Ай... — прошептал Федюня. — Понятно... Об солóвье непонятно, а так-то понятно... Ай, зарóбемши я... Федосием кликнувши, да зубья оскаливши, да весь не таков каков-то... Зарóбемши я...

— То-то же, — кивнул Игорь. — Слушай первый вопрос. Отвечай: ты-то сам откуда здесь взялся?

— Я-то? — переспросил Федюня. — В Марьграде-то? Дык я тута отрóдся. От матки ёна уж помёрши, сирота я, а matka тож была тута отрóдся. А уж ённая matka, ёна тута была с самóго покрытья. Дóлжно, и допрёжь покрытья, да то нам неведóмо. Нам ёно без надóбы, допрёжь покрытья-то.

Покрытие, сообразил Игорь, это, в нашей терминологии, день «Э». Наверное, так.

— Таких-то, — с готовностью продолжил Федюня. — кто с покрытья, а то допрёжь, и не осталось, все помёрли. Сказывают, в ровéне три живая ишшо бабка с покрытья, а то ль дед. Да брещут, поди.

— Ясно, проехали. Второй вопрос. Отвечай: муданы — это кто такие? И взялись откуда?

— Дык... Ёни-то с самóго покрытья и есть, и допрёжь тож. Я ж тебе кричал, единóго мы с вами корня, да разошлись. Мы-то, местные, такие, а вы-то, муданы-то, вона экими заделамши. Вумные, то да. А и страшные — и-и! Сам, поди, знаш, а мене пыташ...

— Да что за слово-то такое — мудан?

— Дык то старóй Ильюшка-мудан таковó прозвавши: мудация, сказывал, а то ль муданция. С того и пошло. Мы, стал быть, как есть местные, а вы — муданы. По-ученому — страхолюды. — Федюня добавил плаксиво: — Сызновá ты знаш, а пыташ... мене проверяш, а я-то чаво...

Мутация, понял Игорь. А «мудан» — искаженное «мутант». При чем мутировали-то — они, называющие себя местными, но считают мутантами тех, кому повезло сохранить человеческий облик, человеческий метаболизм, человеческие физиологию и психику... Повезло ли? Вопрос. Только не к этому чудику.

Процитировал нежданно вспомнившееся:

— Поплыли муде да по глыбкой воде...

— Енто чаво? — насторожился Федюня. — Про вас, про муданóв, аль как?

— Не про нас. К слову пришлось. Не отвлекайся, Федосий!

Тот, однако, не отвлечься не сумел — шепотом повторил цитату, добавил: «Ай ладно-то...»

Неплохо получилось, порадовался Игорь. Гуманно получилось: я его совсем измучил, зато гостинцем побаловал — не железным, а, можно сказать, духовным. Вон ему как понравилось! А уж проинтерпретировать — за ним не заржавеет... Однако все же к делу.

— Федосий! Так что за Ильюшка? Где найти его?

— Ильюшка-мудан, свящённый ён, токмо ой давно не видати. Иные-то свящённые нет-нет да покажутся у нас тута, а ён — ни в жисть. Дóлжно, коченёлый ён таперя. А я его и не

видамши ни в жисть, бо я ишшо не старик.

— Не отвлекайся, говорю же тебе! Отвечай: что за свящённые? Что за коченёлые?

— Дык свящённые, енто я тебе надысь кричамши, енто на самой вышине, а нам туды ходу нетути. Ёни вумные, и Шушулька с ими, ён доброй, хучь и строгой навроде тебе. А коченёлые, ёни из свящённых, енто так бают — коченёлые, а какі ёни такі коченёлые, то нам неведомо. Мож, помёршие. Бают, свящённые не мрут вовсе, да то, поди, тож брешут.

Все болтливее делается, отметил Игорь. Надо строгость опять продемонстрировать. Он сдвинул брови и одновременно изобразил улыбку. Федюня отшатнулся, пробормотал:

— Ай страсть...

— Сиди спокойно, Федосий, — приказал Игорь. — Свящённые — почему так называешь их?

— Все такó кличумши, а почемусь да отчегось, знать не знам. Их ишшо яврёями кличумши, а тож отчегось да почемусь, тогось знать не знам. А и не одобрям тогось.

— Про девок и бабцов ты вчера мне упоминал, про муданок. Это кто? И где?

— Тож страшные, — зашелестел Федюня. Похоже, наигранная строгость сработала. — Мож, ишшо страшнее, у-у! С виду. Обитаюмши самі по себе, на отшибе, то далёко. Нам туды ходу тож нетути. Ежели кто захворат, дык соседушко какое аль малец бегит до ровёня, позабымши я до которого, звякает тама, а чегось тама дале, тогось я не знам... сам не бегал, не выпадало мене...

С этим пока совершенно туманно, подумал Игорь.

— Шушульку где и как разыскать? — спросил он.

— И то нам тута неведомо. Ён самой то пришкрёбется, а то ушкрёбется, нас не упредимши. На самоедке катаимшися, с фурчалкой да светилкой.

Самоедка, с усилием сообразил Игорь, это от слов «само» и «едет». В почти прямом переводе — автомобиль. Типичное для Федюни коверкание. Но тоже нет ясности — какие здесь автомобили... Может, мопед? Ладно, не отвлекаться.

— Предпоследний пока вопрос, Федосий. Подчеркиваю: пока! Потом, может, еще будут вопросы, но пока так. Отвечай: почему вы, местные, нас, муданов, так боитесь?

— Дык мы народец-то робкой да несчастной... Нам-то и наверх спускаться боязно, а куды ж деватися, тама и желёзок запасы и-и какие, и кислота тож тама. А уж за самой вкуснотой, вот как ты, доброй человек мудан Путник, мене притаранил, уж туды вниз мы и вовсе ни ножонькой. Даром что Шушулька тама пукалок нагородимши, а нам тама и без того боязно, а мне и пововсе нету надобы, мне и тута складно жилося. — Он всхлипнул. — Дык вы-то, муданы-то, нам ишшо страшнее, а отчегось таковó, то нам неведомо. Девки-муданки да бабцы, те ишшо кой-как, а вы-то, анбалы вона какі, да щеритесь, самая страсть и есть как есть. Один я, сирота, хоробрее буду, да Лавуня, а и то робёю тебе, силов уж нетути, отпустил бы ты мене, мил чело...

Язык ломает совсем запредельно, отметил Игорь. А скажешь ему: не ломай ты язык, так, небось, высунет опять, еще и пощупать предложит — ничего, мол, не ломаный.

— Последний вопрос, — прервал он изливания страдальца. — Чего это у тебя слова такие все... ну, не все — через одно... ты ж говорил — книжки читал, там разве такие слова есть? Что ж ты язык коверкаешь?

Федюня помолчал. Видимо, собирался с духом. Ответил совсем тихо и горестно:

— Книжков я прочитамши, твоя правда, целую горю. Из тех книжков, кабы вместях сложити, тебе бы... ой-ёй, мене, мене!.. мене бы аж домина бы сложилася. И друга твоя

правда: тама слова все старобылодавние, а мене доля выпамши — старбе хоронити, новбе родити. Вот хучь режь мене таперя.

Он перевел дух, распрямил спину, вскинул башку, уставился на Игоря.

— Не тревожься, Федюня, — как можно ласковее сказал тот. — Зла я тебе не сделаю. Все хорошо, ты молодец. Спасибо тебе. Кстати, скажи еще, откуда ты песни старинные знаешь?

— Шушуйка гляделку притаранивал, я и глядёмши. Дурное тама все как есть, одни песни быват ладны. Отпустил бы ты мене ужо...

— Да, закончили, извини. Как чувствуешь себя?

— Брюхо не болит, не бурчит, — ответил хозяин, покосившись на «желёзки». — Страху натерпемшися, енто да. Ну дык взаправду все, что ль? Аль как?

— Все-все, — засмеялся Игорь. — Угощайся, друг! Будет случай — еще принесу. Да, вот и баночку из-под кофе возьми пустую. Только помни, что в ней съедобно, а что нет.

— Ужо-тко не позабуду, — отозвался абориген. — Ни в жисть.

— Молодец! — еще раз похвалил его Игорь. — Так держать! Вот и обедай, а я пойду еще прогуляюсь.

Эту жуть о мутациях следовало переварить в одиночестве. Ну, и разведать еще что-нибудь по ходу дела.

Устал. Что ж, немудрено: прочесал весь уровень «раз» — в нем оказалось семь секторов, по шестьдесят отсеков в каждом, планировки отсеков одинаковые. Прошел уровни «два» и «три». Там изменились только номера — проспекты Два и Три, площади Вторых Встреч и Третьих Встреч; видно, истощилась у Шушуйки фантазия, или это юмор такой. Как бы то ни было, все три сектора — близнецы.

Согласно показаниям приборов, обход занял около шестнадцати часов — значит, нормального времени часа четыре. Выходит, реально только-только начались его вторые сутки в Марьграде как таковом. На часах же — третьи сутки идут, а в секторах ночь заканчивается.

Трудно приноровиться к этому их быстрому времени. Вот и получилось, что уровни «два» и «три» обследовал в местную ночь. Так что не встретил абсолютно никого. Оно, может, и к лучшему: на уровне «раз» от него шарахались, либо застывали статуями. И бормотали, бормотали...

В общем, к концу сектора «три-семь», последнего из пройденных, устал, хотя нагрузок, по существу, не было никаких, всего-то ходьбы несколько часов. Вероятно, адаптация еще не завершилась.

Требовалось отдохнуть. Может быть, даже подремать, хоть немного.

Игорь сел на пол, привалился к стене. Подумал, повычислял в уме — с усилием, для него непривычным, всегда считал легко, — и перевел стрелки швейцарских часов на то время, которое счел более-менее верным. Шесть утра местного времени.

Эх, что бы такого сделать, чтобы и московское время отслеживать? Увы, это здесь никак. Размечтался... Да и зачем его отслеживать? А затем, ответил он себе, чтобы не отрываться... от коллектива.

Несмешная, однако, шутка.

Так. Можно бы, да и неплохо бы, полчаса вздремнуть — здесь к тому времени будет

восемь, повыползают из «фатерок», а он двинется обратным ходом, к Федюне-храбрецу. Перекусить, себя малость в порядок привести... ополоснуться, щетину соскоблить с лица и с головы... правильно сделал, что в комплект укладки безопасную бритву включил, а то с электрической проблем бы не обобрамшился... тьфу ты, не обобрался... привет, Федюня-лингвист...

Закемарил.

Проснулся от тоненького-претоненького:

— Дядя мудан! Дядя мудан! А дядя мудан?

Тыльной стороной ладони стер набежавшую на подбородок струйку слюны. Открыл глаза. Перед ним нетерпеливо приплясывало на месте создание, неотличимое от остальных обитателей Марьграда, только очень миниатюрное — росточком с него, Игоря, сидящего. То ли карлик, то ли ребенок...

— Дядя мудан, — пропищало существо, — ты грустный? Ты почему такой грустный?

— Да я ничего... — ответил он.

Собрался было улыбнуться, но спохватился — примет за угрозу, как все здесь. Улыбнулся только глазами. Спросил:

— Ты меня не боишься? Я не опасный?

Существо засмеялось — словно птичка зачирикала. Сообщило:

— Кто грустный, тот не опасный. А потом, зачем же мне тебя бояться? Вот подрасту, тогда и стану бояться. А вырасту в совсем взрослую, тогда буду бояться у-жас-но! А пока я еще маленькая девочка, мне тебя бояться нечего.

Надо же, как чисто говорит, оценил Игорь. Шепелявость легкая присутствует, это даже умиляет. Все-таки ребенок... «Опашный», «ужашно»...

— Что, — не понял Игорь, — такие, как я, только для взрослых опасны?

— Да они совсем ни для кого не опасны! Просто взрослые — глупые.

Последнее было произнесено очень тихо.

— А как тебя зовут, дядя мудан?

— Игорь.

— А по-маленькому как? Ну, по-ласковому?

Теперь засмеялся он.

— Видишь ли, храбрая маленькая девочка, имя у меня такое, что уменьшительного — ну, ласкового, как ты говоришь, — у него просто нет.

— Так не бывает, — решительно заявила девочка. — Ига, вот как! Дядя Ига!

— Договорились, — кивнул он. — А тебя как зовут?

— Манюня. Мне не нравится, но ничего не поделаешь.

— А вот и поделаешь, — Игорь рискнул улыбнуться. Ничего, сошло. — Манечка. Так лучше?

— Ой! Дядя Саша так же однажды сказал! А я и забыла, голова моя дырявая! Так намного лучше! Только мамочка не разрешит... Дядя Ига, ты все равно грустный! Почему?

Почему-почему, подумал он. Не знаю почему! Потому что. А вот дядя Саша — произнесено было как «дядя Шаша» — не Шушулька ли? С Федюни станется переиначить...

— Давай я тебя развеселю? — предложила Манюня.

— Попробуй...

Она присела на корточки, подняла ручонки над головой наподобие рожек, зашевелила пальчиками, стала скакать и припевать: «Зайчик серенький сидит и ушами си-ни-ни, зайке холодно сидеть, надо лапочки погреть». (Потерла ручку об ручку, встала). «Зайке холодно стоять, надо зайке поскакать». (Продолжила скакать то на одной ножке, то на другой). «Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой». (Упала навзничь, раскинула ручки и ножки, замерла).

Игорь опять засмеялся, поаплодировал.

— Ты умничка! Ну, вставай, вставай, артистка!

— Я тебя правда развеселила? — спросила Манюня, садясь на полу.

— Правда-правда, — заверил он. — Концовка вообще искрометная!

— Какая-какая?

— Искрометная. Как будто искры летят, красиво так. А почему «си-ни-ни»?

— Это чтобы смешнее было. Так совсем маленькие говорят, а я уже подрастаю. Я правильно говорю. Вот совсем вырасту, тогда стану снова неправильно говорить. А потом помру... — заключила она задумчиво.

— Ну вот, приехали, — сказал Игорь. — Теперь сама загрустила. А не надо! Ты лучше мне вот что скажи...

Он поколебался. Понимание ох как требуется, а то ведь словно слепой, даже хуже... но использовать эту кроху, ее открытость — этично ли? Да ну, не будет же девочке никакого вреда.

— А вот скажи, Манечка, ты про дядю Сашу вспомнила — а не знаешь, как бы мне его найти? Очень нужно, понимаешь?

— Понимать-то понимаю, — заверила Манюня, — а как найти, жалко, конечно, но не знаю. Он тут был недавно, приезжал лампочку новую вставить, видишь — светло у нас, — а потом уехал, а когда приедет — наверное, когда опять лампочки перегорят. Это он так говорит: перегорели. Смешно, правда? Они же не горят, они светят! А ты, дядя Ига, откуда к нам пришел?

— Оттуда, — Игорь показал на потолок.

— А теперь куда пойдешь? Или посидишь еще?

— Туда пойду, на уровень «четыре».

— Ой! А зачем тебе на «четыре»? Там же нет ничего!

— Как нет?

— И на «пять» ничего нет! И на «шесть»! А дальше склады какие-то, я точно не знаю, — огорченно призналась девочка. Она вдруг насупилась: — Мне мамочка ходить одной вообще никуда не разрешает... У-у! Как будто и правда где-то опасно... У-у! А ты опять стал грустный. Почему?

— Да нет, Манечка, все в порядке, — солгал он. — Спасибо тебе, я теперь веселый мудан. А мамочку надо слушаться!

Из ближайшего отсека — последнего в секторе «три-семь» — раздалось:

— Манюня! Ну-ка домой! Не умылись даже, а уж поскакаемши! Сейчас же домой!

— Вот видишь, — сказал Игорь. — Тебе пора.

— Да, — согласилась девочка. — Ты правильно сказал, мамочку надо слушаться и не огорчать. И тебе тоже спасибо, еще какое! За Манечку! Ну, я побегу, а ты потом еще приходи, хорошо? Придешь?

— Приду, — пообещал он. — Вкусных железочек тебе принесу.

— Ой, что ты! — Манечка-Манюня всплеснула ручками. — Я же еще маленькая! Вот подрасту, тогда можно будет желёзки кушать, а пока нельзя, что ты! Но ты все равно приходи!

Сделала книксен — это было неожиданно — и убежала. Упаковочкой спецпайка угостить, что ли, подумал Игорь. Тоже неясно... вдруг ее пучить будет... Да и пересечемся ли, на самом-то деле?..

Поднялся, ощутил себя опять грустным муданом и пустился в обратный путь — в сектор «раз-раз».

Глава 14...И нечего ныть. Дата: неопределенность

— ...И последнее на сегодня. Запомните, девчонки: в этот период неизбежны всяческие побочные явления, те или иные отклонения в вашей физиологии и психике. Сонливость, непереносимость запахов, токсикоз — тошнить вас будет, вероятны рвоты. Грудь набухнет. Станет хотеться соленья, остренького — не поддавайтесь! Беспричинные страхи могут возникать, раздражительность, поубивать бы всех — тоже не поддавайтесь! Напоминайте себе: это все естественное, это гормоны играют, да и не одни вы уже в своем теле, там уже новое существо, а ваше тело учится приходить с ним, с новеньким, к миру и согласию, жить единой жизнью. Все это требует от вас сил. Расход энергии — огромный! Так что утомляемость будет повышенная, хотя, вроде бы, и не напрягаетесь особо. Потом живот начнет расти, тут уж неприятные ощущения сгладятся. А начнет малыш шевелиться — так и вовсе! Главное — старайтесь относиться к себе сознательно и ответственно. О личной гигиене и говорить нечего, о здоровом питании тоже... И в оранжереях бывайте почаще, там у нас воздух самый лучший... Ну, о движении, питании и дыхании — в следующий раз, а на сегодня все. Спасибо, девчонки.

Марина встала из-за стола. Поднялись и слушательницы. Минутка традиционных подтруниваний — хи-хи, девчонками называет, а рассказывает-то, будто сама все это пережила, нет, ну молодчинка ты, Маришка, мы же по-доброму, спасибо тебе, все записали, видишь, запомнили, зарубили на носу, на ус намотали, хи-хи.

Марина кивала, улыбалась. Конечно, по-доброму, понятно же. И нервозность некоторая тоже понятна: у них, у четырех этих сестриц-подружек, близится время зачатия, как тут не нервничать... А ей самой еще нескоро — частые походы на уровень «нуль» притормозили взросление, она по своему счету почти на четыре года моложе сверстниц. Потому что ей мама завещала: ждать.

Она прислушалась к внутренним ощущениям, словами непередаваемым. Почему-то всегда казалось, что появившись тот, завещанный, поблизости — почувствует, не может не почувствовать. Вот, вот! Шевельнулось что-то, и сердце перебой дало, словно замерло на один удар!

Но нет, все восстановилось. Должно быть, нервы шалят. У девчонок свои для мандража основания, понятные; у нее свои, труднообъяснимые; а проявления схожи. С нервами побережнее бы... я постараюсь, пообещала себе Марина. И не одной себе пообещала — маме тоже. И тому, кого ждет.

Решила побыть немного в дальней оранжерее. Там, действительно, воздух хорош, сладостью веет, и притом пряным чем-то, и порой легкий ветерок проплывает. И планировка — как нигде больше: стены отделаны чем-то пористым, и плавно изгибаются, что по горизонтали, что по вертикали, и сначала отдаляются друг от друга, потом сближаются, а под конец резко поворачивают, стремясь сомкнуться. Остается до их встречи пара шагов, и тут-то и беда: в этом промежутке ничего, кажется, нет, а на самом деле — тоже стена. Невидимая, даже для Свящённых непреодолимая, а за ней беззвучно манят, дразнятся недоступностью то аллея парка, то лесная опушка, всегда все осеннее, и небо светлое, облачка на нем, а то дождик моросит, и птички порхают и, наверное, щебечут, только не слышно же ничего... Вот отсюда нужно держаться подальше, потому что кого-то эта красота волшебная завораживает и умиротворяет, а ее, Марину, выводит из душевного

равновесия, до буйного помешательства: близок локоть, да не укусишь, что ж за издевательство такое!

Правильно: успокоить нервы в оранжерее, только не у той стенки. А потом — наверх, в Бывшую Башню. Тянет туда в последние дни и, особенно, часы почему-то сильнее обычного. И, вроде бы, предчувствий никаких нет, но сама эта тяга и, собственно, сама эта нервозность повышенная, чуть ли не патологическая, — не признаки ли чего-то близящегося?

Марина попыталась профессионально оценить свое состояние — не сумела. И то верно: сказано же — *medice, cura te ipsum!* — да ведь разве возможно такое, чтобы врачу самому себя исцелить?

Подойдя к Бывшей Башне, решила вначале обогнуть ее — вспомнила, что намечала накромять угощения для Веруни. Не забыть бы попросить дядю Сашу-На-Всё-Про-Всё чтобы к следующему разу подточил ножницы по металлу, а то трудно стало резать... Приблизилась к стопке листового железа, посмотрела, застыла в изумлении. Верхний лист, который давеча полосовала, небрежно свисал на левую сторону, а из следующего, прежде целехонького, был вырезан немаленький прямоугольник. Да как аккуратно — точно по линеечке!

Кто-то здесь побывал, умелый и старательный. Дядя Саша? Он такой, да. Но на него не похоже, отрезает он всегда половину листа, а тут по-другому сделано. Или... Сердце опять пропустило один удар, затем дало два сокращения ускоренно. И успокоилось.

Возиться с железяками не стала — когда-нибудь потом, сейчас настроение не то. Вернулась ко входу, чуть пригнулась, вошла. Внимательнейшим образом осмотрела все, только что не обнюхала. Ничего нового, ничего подозрительного не обнаружила. Приказала себе не вибрировать, а при случае спросить у дяди Саши. Отметила: самочувствие нормальное. Абсолютно. Даже волнения никакого нет. И прекрасно.

Но вдоволь полюбоваться звездами на этот раз не довелось. Минуточек пять, не больше — и опять вызов, опять сестрица-подружка Ольга-Олюшка:

— Маришка! Да что ж такое, как ты позарез нужна, так тебя нет! Снова на нулевой унесло? Снимайся, дуй в сектор «раз-раз», там Местная в обмороке, если не хуже! Клавуней звать ее. Мальчонка-гонiec тебя встретит у входа в сектор, проводит к отсеку. Хотя там, наверняка, уже толпа собралась, глазают. Но все равно встретит.

— Стоп, Олык! — крикнула Марина в связную коробочку. — Мне помощь может понадобиться, так что давай-ка тоже дуй, с мальчонкой вместе. Тебе и полезно, поассистируешь, опыта прибавится. И не у входа встретимся, там любопытных не оберешься, а на площади, на то она и Первых Встреч. Все, отбой.

— Раскомандовалась... — успела проворчать Ольга.

Ничего. Когда такое дело, врачей и командует. А кто ж еще?

До площади Марина добралась первой. Ждала, впрочем, недолго. Вот, прибыли эти двое. Ольга запыхалась, а мальчонка весь в ажиотаже, страха не проявляет, хотя по возрасту уже должен бы побаиваться муданок. «Вперед», — сказала ему Марина. А Ольге махнула — мол, замыкай процессию.

Втроем поспешили по коленчатому коридору-переулку; мальчишка норовил полететь во всю прыть, мельтешил своими кривульками так, что они едва не сливались в кажущуюся сплошную пелену. Приходилось прикрикивать, чтобы притормаживал, — здешние

пацанчики в этом возрасте быстроногие, не утонишься.

Все равно двигались быстро, Ольга сзади даже побряхтывала-постанывала. Ничего-ничего.

Вот и сектор, вот и отсек нужный — его, и впрямь, разыскивать не пришлось бы: Местные, конечно же, толпились у оградки, глазели упоенно, толкались, не забывали переругиваться — кому-то обзор застили, кому-то ногу отдавили. Завидев прибывших, умолкли, расступились, потупились.

Марина вошла в отсек, Ольга следом. Так. В отключке, ясное дело, вот эта — лежит навзничь, руки-ноги раскинуты, глаз не видно, но, скорее всего, закрыты, растущая из макушки длиннющая пегая прядь лежит на груди. Как Ольга ее назвала? А, да, Клавуня. Рядом с ней стоит на коленях нечто смутно знакомое, без каких-либо прядей. Руки подsunул Клавуне под голову, поддерживает. Это молодец. И причитает, совершенно неразборчиво. Припомнилось: дядя Саша что-то рассказывал про забавного здешнего персонажа. Однако вдаваться в подробности недосуг. Мужского оно пола, вот и достаточно.

— Дедуля, — сказала Марина, присев на корточки и перехватив голову страдалицы, — вы бы дали мне осмотреть. Вы ей кто, муж? Отойдите пока, не мешайте. А что голову ей держали, это правильно.

Безволосый издал рыдание, поднялся, побрел прочь, заметно прихрамывая.

— Ольчик, — попросила Марина, — быстренько, найди-ка мне подушку какую-нибудь или еще что, под голову ей подложить, чтобы не запрокидывалась.

Сразу раздалось Ольгино: «Слыхали? Ну-ка, соседи, тащите подушки!»

Топот, гомон, опять Ольгино: «Ага, вот, этой хватит! Все, больше не надо! Да не суетитесь вы!»

Тишина.

— Подкладывай, — скомандовала Марина. — Отлично, спасибо.

Вслушалась. Дыхание есть, но редкое и поверхностное. Положила руку на Клавунину шею, пальцем проникла между складками, поискала, нашла жилку, прижала — ой, наполнение совсем еле-еле. Стала считать. Низкий пульс, очень низкий. Давление бы померить, но это с Местными целая история, а сейчас время дорого. Ясно, что давление намного ниже нормы, этой ясности пока и достаточно.

— Оль, — позвала Марина, — открой дверь, подопрй чем-нибудь. Потом иди сюда, берись за ноги, я под плечи, занесем, на койку положим или что там у нее, глянь.

Скрип двери, шорох, Ольгин голос: «Нормальная кровать. С подушкой, кстати. Можно было соседей не гонять».

— Ага, — возразила Марина, — и подушку ее туда-сюда таскать. Там-то, на кровати, тоже под голову нужно что-то. А эту подушку — взбить покруче и под ноги положить.

— Поняла, — отозвалась Ольга.

Раз-два, взяли! Ишь, маленькая, а увесистая. Ну, понесли. Уложили на кровать. Марина снова прислушалась. Дышит, дышит... А пахнет это чем? Ну да, обмочилась. Спасибо, не обгадилась... Однако, по всему судя, состояние, близкое к коллапсу.

Что ж, пора возвращать к жизни. Попытка не пытка, помощи Господи.

Похлопать по щекам. Сделано. Ничего не дало.

Извлекла флакон с ядреным цветочным одеколоном — нашатырный спирт Местным

что мертвому припарка, а эта гадость им, наоборот, что нам нашатырь. Щедро брызнула гадости на ватный диск, поднесла к Клавуниным ноздрям.

Упс! Есть эффект! Клавуня повела носом из стороны в сторону, глубоко втянула в него воздух — вместе с парами одеколона, естественно, — и чихнула.

Однако в сознание не пришла.

Значит, инъекция. Была не была.

Готового шприца с препаратом адреналина Марина в сумке не держала, но ампулы имелись. Поехали! Вдвоем повернули тушку чуть набок, Ольга осталась придерживать, Марина приподняла хламидку, выбрала точку, промокнула спиртовой салфеткой, всадила шприц, выдавила, выдернула, еще вкатила обезболивающего — на всякий случай, — жестом показала Ольге: «Отпускай».

Клавуня перекатилась обратно на спину и тут же резко села на кровати. Издавала ртом свистящий звук, закашлялась. Ольга деликатно постучала по ее спине. Кашель прекратился. Клавуня ошалело посмотрела на девушек, выдавила дрожащим голосом:

— Вы кто?

— Я врача, — сказала Марина, — вы должны бы меня знать. А это Ольга, помогает мне.

— А... — больная явно возвращалась. — Да, вспомнила, тебя знаю. Эту, — она кивнула на Ольгу, — знать не знаю, оно мне надо? А что это со мной?

— Минутку... — Марина проверила ее пульс. Наполнение приличное, частота почти нормальная. — С вами уже ничего. Но сегодня еще не вставайте, полежите до утра, выспитесь. А завтра я зайду, посмотрю вас.

— Нечего на меня смотреть, — заявила Клавуня. — А и лежать мне как? Кушать я как буду?

Ну и особа, подумала Марина.

— Ольчик, пошли. А кушать, Клавуня, — муж вам на что?

— Мужа кушать? Сама свою мужа кушай! А еще, говорит, врача!

— Сейчас пришлю его, — сквозь зубы закончила Марина. — Поможет вам... покушать... До свидания.

Вслед неслось что-то сварливое, но вслушиваться не имело смысла.

Перед отсеком по-прежнему толпились. Безволосый, приоткрыв рот, неподвижно стоял у самого прохода в оградке.

— Успокойтесь, — сказала Марина, — жить будет. Идите, покормите ее, она голодная. И помыть не забудьте, переодеть. Справитесь? Соседки, вы ему помогите, хорошо?

Местные, как всегда, уступили дорогу. Не пойду сейчас наверх, решила Марина. Не хочу. К себе пойду, дело найдется. А нет — опять в оранжерее побуду.

— Что с ней было-то? — спросила Ольга, когда девушки вышли из сектора.

— Сердце едва не остановилось, — ответила Марина. — Отчего — не знаю. Бессильна я в их физиологии разбираться, диагнозы ставить и все прочее. В чувство привести удалось, вот и славно. Адреналин я ей колола, запомни на всякий случай. И кетанов, это противовоспалительное и обезболивающее. Вернемся к себе — все занесу в журнал. Тоже имей в виду, в журналах всегда посмотреть можно, в маминых, а теперь в моих. За все годы.

Дальше молчали — устали обе эмоционально. И не думалось ни о чем. Марина только спросила себя: и вот ради этого я здесь? Ответила: ну да, выходит, так. И нечего ныть, хотя бы даже и тайком от всех.

Глава 15. Стрелять так стрелять. Дата: неопределенность

Вернусь сейчас, предвкушал Игорь, приближаясь к сектору «раз-раз», и первым делом — ополоснуться, побриться, после чего сразу кофейку. Бодрость поддержать, хотя бы остаточную. Есть совершенно не хочется, так что кофейку, да под сигаретку. Надо надеяться, воздух в секторе не ухудшится. Он и без того спертый, как только они им дышат всю жизнь. Еще и детишки же дышат... В общем, малая доля табачного дыма атмосферу существенно не ухудшит. Любопытно, кстати, как местные отнесутся к этому дыму? А, ну их... может, и любопытно, но уж никак не первостепенно сейчас.

Да. Кофеек, сигаретка, а под этот аккомпанемент — блокнот вытащить, наконец, и набросать эскизно планы поэтажные. Не столько для вечности — он ухмыльнулся, — и не для отчета какого-нибудь, вот еще, а для усвоения, что называется, пройденного материала. По мере усвоения, не исключено, ясности прибавится, каковая ясность потребна для планирования дальнейших действий, направленных на выполнение главной моей тут задачи. Моей, можно сказать, миссии, сформулировал он. Улыбнулся: экая канцелярщина поперла, да с высокопарностью вперемишку. Ну-ну. Не терять настрой!

Вспомнил: Федюня же еще... С ним вот как: сначала держаться не то чтобы строго, но вид иметь деловой, неприступный. Впечатления от «допроса с пристрастием», скорее всего, пока не улеглись, так что мешать краснобай не будет. Потом, как планы начирикаются, кофе допьется, сигарета докурится, — можно немножко «потолковать». Человеку, или кто он есть, не суть, это и удовольствие, и потребность, вот и пусть расслабится и понаслаждается. Жалко ведь его, когда такой он пришибленный. Хорошая же душа, в полном смысле. Ну, важничает непомерно; ну, окоlesiцу несет немислимую; ну и что же? Ну и пусть, ибо — кто без слабостей? Главное, как говорится, был бы человек хороший... А что мания величия у него — «доля выпамши, старое хоронити, новое родити»... ишь тоже, избранник, преобразователь языка, прямо как Пушкин... — так у меня тоже мания, только другая. Два Маньяка, угу.

Значит, потолкуем. Только не очень долго. Потому что надо будет сменить тон на чуть более строгий и постараться выпытать из Федюни про Шушульку, который, почти наверняка, одно лицо с дядей Сашей из рассказа девочки, — где чаще бывает, когда бывает... и тэдэ, как говаривал Коммодор. Правда, что собой представляет это «тэдэ» в данной ситуации — пока не высвечивалось. Но по ходу дела, глядишь, что-нибудь появится.

А потом смягчиться, дать Федюне дотолковать — после чего действовать по обстоятельствам. В принципе, надо бы еще прошерстить уходящий в даль неведомую уровень «нуль» внутри корпуса... в смысле, внутри града Марьграда. И еще — извлечь из рюкзака старые планы территории, проверить, что на них на месте квадратной башни... Но это как раз не горит, это как-нибудь позже.

У меня не сто рук! — скандальным тоном процитировал Игорь из какой-то почти совсем забытой прошлой жизни. То ли своей, то ли не совсем своей.

Вот и «раз-раз». Надо же, воспринимается уже как дом родной.

Здесь — без перемен. Редкие прохожие, заметив Игоря, шарахаются в стороны; кто в

отсеках, те замирают, лишь бормочут что-то; а кто и вовсе в «фатерки» шмыгает. Обычная местная жизнь, с малой поправкой на непрошеное присутствие «муданá». Жизнь, да... Верно Федюня изрек: мол, народец мы робкóй да несчастнóй.

Около Лавуниного отсека зачем-то толклись пятеро — топтались, между собой переговаривались. При виде Игоря прыгнули по сторонам.

Сейчас сама хозяйка выскочит. Эта-то не «робкáя» — по обыкновению провонит в его адрес что-нибудь дурацкое и злобное. И плюнет, наверное.

А нет, не выскочила. Должно быть, жрет увлеченно. Как там Федюня перефразировал классику? Коль я кушаю, никóго не слушаю, ага...

Подходя к Федюниной «отсечке», Игорь убрал с лица пугающую бедолаг улыбку, но брови немножко сдвинул. Оказалось, однако, что ничего этого не требуется: Федюня сидел на скамье, уперев локти в колени и обхватив башку. На появление Игоря он отреагировал, только когда тот озадаченно хмыкнул. Уронил руки, поднял голову, вяло проговорил:

— А, Путник...

— Ты чего, Федюня? — обеспокоенно спросил Игорь.

Хозяин не ответил — принял прежнее положение, да еще стал мерно раскачиваться вперед-назад.

Игорь пожал плечами, достал из рюкзака все необходимое для «ополоснуться-побриться», отправился в нужник. Машинально поправил себя: теперь правильнее называть это помещение туалетом — в нужниках-то кто же бреется...

Вышел посвежевшим, вытащил на свет Божий баночку с кофе, сигареты, зажигалку, блокнот, карандаши. Приступил к задуманному. Федюня продолжал молча раскачиваться.

Дочертив-допив-докурив, Игорь позвал, сначала поостроже:

— Федосий, ну!

Затем помягче:

— Федюня, да что с тобой, дружище?

Сработало. Абориген выпрямился, безвольно опустил руки, сказал:

— Лавунюшка моя... Захворамши... А мене прогнамши...

— Так, ну-ка рассказывай! — потребовал Игорь.

Федюню прорвало — заговорил все быстрее, едва не захлебывался.

— С поутрé пошканды́бался я к ёй, свататься, я по ужинн́ым дням завсёгда сватаюся, а то и по гладн́ым тож, пришканды́бал, дай, думаю, оградку ёйную перескóчу, эким, думаю, добр́ым молóдцем покажуся, и перескóчимши, да ножкой зачепимшися, да упамши, колешко расшибимши...

Он судорожно набрал воздуха, продолжил:

— Лёжу на брюхé, болявé мене — и-и! Слышнó — дверка отворимшися, ноженьки топчут Лавунюшкины, голосишко ёйный милóй: ай расшибимшися, Федюнюшко? Взыграло мене, подвскочимши я, да к ёй, красави́це моёй, кинумшися, колешку не чуюмши, да Лавунюшку обнямши, а ёна мене тож обнямши, плачем обоё. А я ёй тихохонько: Лавунюшка... А ёна мене тихохонько: Федюнюшко... Я ёй: Лавунюшка... Ёна мене: Федюнюшко...

Рассказчик задохнулся, всхлипнул, стал икать. А Игорь подумал: ну в чистом виде кино. Санюшка — Митюнюшка — Санюшка — Митюнюшка... Мелькнуло: опять советская классика; этот-то чудик, положим, по «гляделке» смотрел, а вот у меня — не пойми откуда. Но как мелькнуло, так и погасло. Федюня справился с икотой, возобновил повествование.

— Ну, думаю, добившись я свою, таперя обженюся. Тут-то беда и постряслася. Обмякши невёстушка моя, ручки от мене отпустимши, да и сползамши по мене на мать сьру зёмлю, ни жьва ни мёртва. Лежит, сердечко мое, то ль дышит, то ль коченёет, не пойму. Я уж рядком на колешки памши, головушку ёйную обнямши, слезы такóся и капаюмши. Тута народцу набёгло страсть, слышу — погнали мальчика-гонца за лекáркóй. Я бы и то побёг, да куды мене за мальцом-то угнатися, да с колешком болявём, да пальтешку порвамши, гля... — Он показал на дырку в своей хламидке. — Прибёгла Мерюлька-лекáрка, с ей ишло другá, такú не знам.

Мерюлька-лекáрка... Странное имя... Но — врач! И созвучие имеется, пусть отдаленное. С Федюни что взять, он любое слово перековеркает... Эх, разминулись с этой Мерюлькой... Ненамного же опоздал! На час раньше вернуться бы! Дальше давай, Федюня, дальше! Тот, впрочем, и не собирался останавливаться,

— Мерюлька кричит, подь, мол, вон, дедуля, мешаш нам! Ишь какó, дедуля ёй... Учáли ёнё Лавуню мою пользовáти, дале в фатерку понёсши. Долгó ли, короткó ли, выпёрлися из фатерки, злые, страшнёе. Мерюлька мене рыкаёт: живая твоя жонка, кушать хотит, подь, мол, к ёй, корми ёя. И убёгли. А я-то в фатерку Лавунюшкину побёг, а ёна мене с порога кричит, подь, мол, вон отседова! Ты, кричит, как есть виноватый! Заплакамши я, да и ушкандыбамшися, таперя тута маюся. Колешко аж свёрбится, сердечко колотётся...

Умолк обессиленно.

— Так позвать сюда снова ту Мерюльку, колено твое полечить! — предложил Игорь.

Федюня помотал головой, ответил решительно:

— Ни в жисть! Злые ёнё... Лутше сдохнуся! Тем боле, жисть не мила...

От него сейчас ничего не добьешься, понял Игорь. Стресс, шок, депрессия... Все же сделал попытку:

— И потолковать нет желания?

— Какое там толкóвати...

— Ладно, — сказал Игорь. — Не горюй, все уладится. Жива твоя ненаглядная, это главное. Успеешь еще на ней жениться, все к тому идет. А колено твое — покажи-ка мне.

Оба колена выглядели жутковато — просто потому, что нечеловеческими были... Но правое, действительно, заметно распухло. Игорь деликатно ощупал ушибленное место. Болевого синдрома не добился. Достал аптечку, нанес мазь противовоспалительную-обезболивающую, усмехнулся — вот же чудное какое первое применение современных медсредств большого мира здесь, в мире выморочном. Подумал: сердечное что-нибудь ему дать? Решил не рисковать: мазь — одна история, да и неизвестно, впитается ли через эти складки кожи, а впихивать что-то людское вовнутрь нелюдского организма... железо жрущего... нет, лучше воздержаться.

Тихо проговорил:

— Федюня, дорогой, очень важно, еще раз тебя спрашиваю: где мне ту Мерюльку-лекáрку разыскать?

— Баямши тебе надясь, — безучастно откликнулся тот. — На отшибе, бо муданка ёна. А где есть тот отшиб, тогось не знам. Мож, кто знат, а я не знам.

— А Шушульку?

— Тож баямши. Тож не знам.

Ступор, понял Игорь. Ну, пусть приходит в себя. Бедняга...

— Отдыхай, друг, — сказал он. — Колено скоро успокоится. Ты полежи пока, не

нагружай его.

Федюня тяжело поднялся, прохромал к двери, скрылся в «фатерке».

А мне, решил Игорь, сначала на «нуль», потом на прочие уровни, потом территорию обследовать. Если удача выпадет — натолкнусь, хотя бы на Сашу-Шушульку. А должна выпасть! До сих пор все было мимо да мимо, но вот, кажется, становится покучнее, а там, глядишь, и не промахнусь.

Стрелять так стрелять.

Глава 16. На-Всё-Про-Всё. Дата: неопределенность

В старых-престарых фильмах про войну бывают такие эпизоды: перед началом какой-нибудь важной операции — боевой ли, разведывательной, или, например, перед тем, как крикнуть: «От винта!» и улететь на решающее задание, — командир говорит: «Сверим часы, товарищи!»

Игорь вспомнил это — чисто схематично, — собираясь на уровень «нуль». Сверять часы ему было не с кем, но он все же сверил — с самим собой. Швейцарская механика показывала относительно точное марьградское время — половина седьмого (очевидно, вечера) с несколькими минутами. Решил оставить эти часы у Федюни: там, наверху, они опять пошли бы нормальным темпом, рассинхронизировались бы со здешним быстрым временем, высчитывай потом... Снял их — на запястье ощутилась непривычная пустота, — сунул в кармашек рюкзака.

На японском приборе было 12:38 десятого уже июня. Десятого! А по Москве, согласно подсчетам Игоря, только начинался вечер седьмого числа... Сплю тут какими-то урывками, подумал он, ем-пью когда попало... образ жизни веду нездоровый, поизносился за сутки с небольшим, ха-ха. Шутка, заверил он неведомого слушателя. Опять несмешная? Ну, чем богаты...

Переоделся в камуфляж, на пояс добавил миноискатель и второй фонарь. Вперед.

Зафиксировав знакомый щелчок, остановился на площадке перед ведущими наверх ступенями. Еще раз сверил часы — засек показания на правом запястье. Дисплей сообщил: десятое июня, 14:06. Секундочки сменяли одна другую степенно и правильно. Во всех отношениях по-московски, улыбнулся Игорь.

Поднялся на уровень «нуль». Ручной фонарь закрепил на поясе в боевом положении — лучом вперед. Включил его. Включил и налобник. Развернул миноискатель. Двинулся в непонятное пространство, шутовски названное кем-то слободкой. Кем-то... да наверняка все тот же Шушулька балуется...

На усеянном неопознаваемым хламом полу выбрал траекторию типа «волна»: к правой стене, потом по плавной дуге к левой, опять к правой, опять к левой... Казалось, так меньше шансов пропустить что-нибудь существенное. Оно, существенное, таки встретилось: минут через сорок пути пискнул миноискатель, и Игорь увидел слабо блеснувшую среди обломков тонюсенькую проволочку. Еще через полтора часа обнаружилась вторая, она оказалась надорванной. Никаких следов разрушительного взрыва не было — похоже, подтверждалась гипотеза об «импотенции» боеприпасов внутри периметра Завода. Но Игорь все равно похвалил себя за бдительность, а растяжки аккуратно обошел.

Время от времени он оборачивался; преодоленное пространство неумолимо окутывалось густым молочно-белым туманом. А то, что ждало впереди, вполне просматривалось, хотя и в полутьме. Только смотреть было до поры не на что: гладкие стены, гладкий потолок, не дающие света квадратные окошки — может, этот корпус находится внутри другого, более крупного? — вот же бред, — заваленный черт знает чем пол. И все это — сколько глаз хватало.

Пора смотреть настала на исходе четвертого часа пути, когда Игорь уже подумывал поворачивать обратно. Казалось, края этому убожеству не будет, и все сильнее раздражало ощущение бессмысленной ирреальности — за четыре часа он преодолел больше восьми

километров по своей «волне», а по прямой, ну хорошо, пусть шесть; да не бывает таких заводских корпусов! И граница Завода, проклятая оболочка объекта 31, должна бы остаться уже далеко позади, а никаких признаков! Но впереди, наконец, появился свет.

Игорь пошел к нему, теперь по прямой, хотя по-прежнему предельно осторожно, контролируя каждый шаг. Утомительное занятие, а ничего не поделаешь.

Идти до цели пришлось еще минут сорок. Унылое пространство закончилось такой же унылой бетонной стеной, но в ней, посередине, красовалась мощная дверь, явно бронированная, почему-то зеленая, а в двери, на уровне глаз — маленькое, сантиметров тридцать на тридцать, окно, забранное частой решеткой из толстой арматуры. Вид из окна был что надо: знакомая цепь вагонеток. Стояли они не на рельсах, а прямо на земле — значит, понял Игорь, это те вагонетки, которых быть не должно, да их и нет, они морок, на второй сторона периметра, и если пойти направо вдоль их ряда, придешь почти к Заливу. И казались эти вагонетки целыми и невредимыми, так же, как там, где он накануне — что, правда накануне? да правда, правда! — проникал на Завод. Снаружи — насквозь изрешечены, а изнутри — лишь немного коррозией приголублены.

Он внимательно осмотрел дверь. Ни ручек, ни замочных скважин; но все-таки это дверь, потому что петли есть, три штуки, только потайные, не добраться до них. Саму дверь резачок не возьмет, мало каши ел... Оконную решетку? Ее, может, и возьмет, да только в это окно разве что кошке пролезть...

Вагонетки заслоняли вид на внешний мир. Ну и нечего сейчас на него пялиться. Тем более — обманку показывают, скорее всего. Иллюзию. Фуфло гонят. Кто гонит, зачем гонит — неизвестно, но факт, что гонит.

Так. До упора здесь добрался? Добрался. Вот и будь доволен. Этот пункт программы вычеркиваем: выполнено.

Игорь тронулся обратно. Двигался немного быстрее, причем по прямой, по оси этой идиотской «слободки». Действовал в режиме автомата, был собран, зафиксировал еще три растяжки, из них две надорванные. У выхода из корпуса снял показания: пройденный путь — семнадцать с чем-то километров, затраченное время — около восьми с половиной часов.

Вышел наружу, все так же осторожно прошагал направо, до угла здания и еще немного дальше, остановился, повернулся, посмотрел — да нет ничего похожего на километры и километры! Ну, метров триста, может, этот корпус в длину... Собственно, того и ожидал.

Вернулся внутрь, спустился к входу на уровень «раз-раз». Еще раз проверил время — на дисплее одиннадцатый час вечера. Подсчитал, поздравил себя: по Москве уже следующее число, восьмое, где-то четыре утра. А в секторах и «ужинные» сутки закончились, и «гладные», и новые «завтрашние» начались, там подъем скоро.

Привел инвентарь из боевого положения в походное, скупно плотнул из фляжки, выкурил сигарету. Дойти до Федюни, поесть, поспать немного. И потом — системно обшаривать уровень за уровнем вниз.

На столике валялись три нетронутые «желёзки», стояли кружка с водой на доньшке и плошка с кислотой. Бр-р-р. Игорь сбросил амуницию, заглянул в отхожее место. Федюни там не было. Пришлось посетить «фатерку». Тоже пусто.

Осмотрелся. Прежде он здесь не бывал, а сейчас, в отсутствие хозяина, чувствовал себя и правда шпионом. Ничего-ничего, не замышляючи же худого... Поймал себя на заразности

Федюниной манеры изъясняться, тряхнул головой, сосредоточился.

Обстановка была спартанской. Пыльная лампочка под потолком; узкая койка, кое-как застеленная одеялом типа армейского; низкий столик и табуретка; по стенам несколько полочек: две баночки из-под кофе, скудная стопочка «желёзок», явно не из тех, что Игорь приносил, баклажка зеленого стекла — вероятно, кислота; на полочке в ногах койки — две старательно сложенные и на вид относительно чистые хламидки из серой мешковины; на полочке в головах койки — журнал «Работница», августовский номер 1956 года.

На полу, в углу — еще одна хламидка, вполне грязная.

Что ж... похоже, совет да любовь все же состоялись. Судя по всему, сидел Федюня, горевал, железяки жевал, потом встрепенулся, переделся в чистое, сгреб «укусное», да и ходу к зазнобе своей. А она, значит, его приняла. Теперь милуются...

Интересно, она его со свету сживет или он ее словоблудием доконает?

Ну и мысли, устыдился Игорь. Никому такого не желаю! Просто шучу... опять по-дурацки...

Ладно. Дальше — как планировал: перекусить, поспать, все это — понемногу. И — в разведку, она же поиск наобум, по нижним уровням, которые у аборигенов числятся верхними.

Подкрепился следующей порцией спецпайка; мельком отметил, что запасы почти уполовинились, этак скоро придется направленно искать нормальное человеческое пропитание; поставил в супергаджете побудку на четыре часа вперед — своего времени, стало быть, час себе отвел, ну и хватит. Авось, Федюня раньше срока не потревожит — не до того ему: счастливые — они, известное дело, чего не наблюдают.

Вернул на руку механику, глянул вскользь — все верно, в Марьграде десятый час утра. Переоблачатся не стал — прилег в чем был.

Отправляться на «поиск наобум», однако, не пришлось. Игорь очнулся не от сигнала с правого запястья, а от еще не слышанного здесь стрекота — впрочем, очень даже знакомого по прошлой жизни. Мотор! Двигатель внутреннего сгорания! Не особенно мощный, но зато, похоже, без глушителя! Приближается! Вспыхнуло в мозгу: «самоедка с фурчалкой да светилкой». С противоположной стороны сектора отдаленно, но отчетливо донеслось знакомое: «Ребзя, тикаем!»

Он рывком сел на скамье, вскочил с нее, кинулся к выходу. Не успел: мимо него довольно быстро проехало нечто двухколесное, похожее на мотороллер, с чуть пригнувшимся человеком на сиденье. Пускаться вдогонку было бессмысленно; ничего, ничего, возбужденно сказал себе Игорь, он укатил-то туда, к концу сектора, там тупик, вернется рано или поздно. Стоять, ждать!

Всмотрелся в ту сторону, вслушался. Легкое облачко выхлопа оседало, звук удалялся, потом вовсе затих. Человека и его транспортное средство было толком не различить: еще и ракурс — прямо в спину. Ждать, ждать! И спокойнее!

Мазнул взглядом часы, пересчитал на нормальный ход времени. Получилось — минут сорок ухо давил. Нормально. Не до сна.

Закурил. Подумал: реквизируют у Федюни одну мою баночку, приспособить под пепельницу... Цыкнул на себя: стой-жди!

В коридоре — ни души. Попрятались местные: известное дело, боязно им — один

мудан стоит столбом посреди, другой мотается туда-сюда, да на моторе, жуть... Сюда? Ничего-ничего, раз туда мотнулся, значит, и сюда мотнется!

Опять застрекотало. Е-еду-ут! — непрошенно вспомнилось из еще какого-то старого фильма.

Игорь отступил чуть в сторону, поднял руку — будто такси ловит. Ездок стал хорошо виден. Потертый синий комбинезон, на ногах короткие боты, на голове обычная кепка. Притормозил, совсем остановился, спрыгнул со своего — точно, мотороллера, допотопного какого-то, но, вроде, заботливо ухоженного. Спереди фара, она же, ясное дело, «светилка»; перед ней и чуть ниже хитроумно закреплена проволочная корзина, вроде тех, какими в супермаркетах пользуются; в корзине сумка из черного кожзама, плотно набитая, явно инструментальная.

Человек ростом с Игоря, а возрастом, такое впечатление, постарше лет на пятнадцать. На вид — типичный квалифицированный рабочий. Глазки маленькие, умные, с хитринкой; нос смешной уточкой; седина, морщины; руки в меру заскорузлые, но наверняка умелые; худощав; даже, можно сказать, тощ.

Реликт, оценил Игорь. Осколок прошлого, очень даже стыкуется с древним номером «Работницы» в Федюниной «фатерке». Однако чувствует себя здесь этот осколок более чем на своем месте. Как было бы в том мире, что остался за периметром, — сказать трудно, а здесь — нормально.

— Здрасьте, — произнес реликт.

Было неясно — то ли это приветствие, то ли удивленный возглас.

— Здравствуйте, — вежливо отозвался Игорь.

Ездок протянул руку, Игорь отреагировал как водится между людьми, не имеющими причин не уважать друг друга. Рукопожатие оказалось взаимно крепким.

— Какими судьбами? — спросил ездок. — Вы кто и откуда?

Потянуло было схулиганить — назваться Маньяком Путником. Сдержал дурацкий порыв, сообщил полные свои фамилию, имя, отчество. Добавил:

— А насчет «откуда» — верьте-не верьте, но оттуда, — он неопределенно махнул рукой и пояснил: — Из-за периметра.

Его собеседник присвистнул.

— Ну и ну... И давно? Да, я — Речицын Александр Васильевич, будем знакомы. Так давно ли? И вообще... не шутите?

— Давно ли? Как посмотреть... По-настоящему, наверное, с позавчерашнего дня... Да никаких шуток, что вы! И тайн никаких! Все расскажу, как на духу. Может, присядем? — Игорь сделал приглашающий жест в сторону Федюниного отсека.

— Нет, — сказал Речицын после короткой паузы. — Давайте, Игорь Юрьевич...

— Давайте лучше просто Игорь, а?

— Ага. А я просто Александр. Так я что предлагаю: давайте по-другому сделаем. Я же не один, там же еще мужики, — он посмотрел на пол. — А вам зачем два раза повторять? Мне-то любопытно, аж чешется, но потерплю. Потому давайте так: я сейчас вроде как на обходе... лампочки поменять, то да се... управлюсь быстро, потом спущусь... Вот где вам дорога есть, а где нет, это ж мы не знаем... Вы-то спускались?

— До уровня «три», — ответил Игорь.

— На третий-то и здешние свободно... Конечно, если вы из-за самого периметра, так, верно, всюду пройдете... Ну да что гадать? Часы у вас, вижу, есть. Бегут, небось, как

угорелые?

— Не то слово, — подтвердил Игорь. — Вчетверо быстрее, чем положено.

— Ага. Три девяносто восемь коэффициент, умники вычислили. Короче, мне нужно минут сорок пять моих личных, быстрых это будет три часа. Только я-то на колесах, а вам-то — ножками... — Александр пошевелил губами. — Через семь часов быстрых я вас ждать буду на седьмом уровне, у спуска на восьмой. Схемы спуска — все однотипные, что с первого на второй, что дальше. Договорились?

— Конечно! — сказал Игорь. — Я пока тут хозяину моему записку, что ли, напишу: мол, отлучился по-английски, но вернусь обязательно. А то неудобно как-то... он странный, но хороший.

— Федюня-то? — Речицын засмеялся. — Он тут, пожалуй что, один такой. А куда ж он запропастился?

— Брачные игры у него, — скупо объяснил Игорь. И спросил: — Кстати, то и дело упоминает Шушульку. Это, простите, Александр, не о вас?

— А то о ком же... А вот девчата мне другое погоняло прилепили, повеселее: На-Всё-Про-Всё. Ну, Игорь, погнал я. До встречи.

Самое главное выяснять — про «Мерюльку-лекарку» — потом, потом, решил Игорь. На десять тыщ, как на пятьсот, — ни к чему это.

Часть 3. На Отшибе: ускоренное время. Глава 17. От круга первого до круга девятого. Дата: неопределенность

«Федюня, дорогой!

Во-первых: если ты и правда сошелся с Лавуней, то я ОЧЕНЬ рад за тебя и сердечно поздравляю! Береги ее и береги себя!

Во-вторых: я на некоторое время отлучусь. Но ОБЯЗАТЕЛЬНО вернусь! И принесу вам Лавуней вкусных желёзок! И потолкуем!

Путник»

Игорь выдрал страничку с этим текстом из блокнота, положил на столик, прижал миской с кислотой. Ветра здесь нет и, по-видимому, не бывает, но так оно вернее. Блокнот, карандаш — в специальный карман уложенного уже рюкзака.

Допил кофе, сунул окурочок в баночку; предыдущие, что здесь наплодил, — туда же... надо будет выбросить где-нибудь, не оставлять же с вонючими бычками внутри... придется пока с собой носить, и оболочки пайка тоже... Интересно, есть у них тут мусорка? Или в отверстия нужников отходы сплавляют? Похоже, что так — мусорок не видать, а при том в граде Марьграде, в принципе, чисто. Не то что на уровне «нуль»... В секторах даже пыли совсем немного. Ну, это как раз понятно: почвы нет, вот и эродировать нечему.

Однако пора. Сверим часы, ха-ха. Местное время... нормально... местная дата, местный год даже — как выразился бы Федюня, тогось мы не знаем, ёно нам без надобы...

Пакет с мусором — за пояс, рюкзак — на спину, кепку — на голову, руки — в ноги.

Площадка два на два. Пять пролетов вниз, по десять ступенек каждый. Поворот налево, скорым шагом по длинному неширокому коридору. Еще раз налево, здесь табличка «Уровень такой-то» и выход на проспект с тем же номером. Опять налево, как бы в обратном направлении, но теперь по проспекту, до площади таких-то Встреч. В четвертый раз налево, под указатель «К уровню такому-то». Все это повторить шесть раз, вот и доберешься до места встречи... на площади Седьмых, соответственно, Встреч, даже табличка висит. С четвертого уровня по шестой табличек нет, а на площадях страшилки стоят, по-Федюнину — Шушулькины пукалки. Может, пугалки? Да, наверное. В рабочем состоянии те пукалки, между прочим.

Любопытно, как этот умелец Речицын лестницы преодолевает на колесах? Странно, лифтов здесь вроде как нет, в такой-то машине! И что, он на себе, что ли, роллер таскает? Роллер — это не рюкзак за спиной, рюкзак-то — пустяки. А с роллером умаешься, особенно если вверх; еще и с грузом каким-нибудь, сто пудов... не вес сто пудов, а в смысле «как пить дать». Вот опять же идиома... пить давать пока некому — ни чтобы я давал, ни чтобы мне. Да пить и не хочется.

Просились в голову другие мысли, но Игорь гасил их всякой такой чепухой — решил, что о серьезном будет размышлять основательно, не впопыхах. От впопыхов, хмыкнул он, только суета в мозгах и вред делу.

Прибыл немного раньше срока — ну и нормально, есть время перекурить. Не зря баночку с окурками прихватил, послужит еще пепельницей.

Закурил, обошел площадь. Страшилок здесь не было, а указатели — были. Тот, что в начале коридора направо, гласил: «К складу 7-1 (семь-раз)». Те два, что на проспекте, сообщали: «Проспект 7 (семь)» и «К складу 7-2 (семь-два)».

Присел на корточки, сразу потянуло в дрему. Решил: раз уж почал аптечку, когда Федюнино «колешко» пользовал, так не грех и о себе позаботиться. Тем более, дела предстоят ответственные. Сонливость, заторможенность, рассеянность категорически ни к чему.

Сделал, как научили в отделе 31/3: мощный стимулятор, иньектор-пистолет, прижать к шее, огонь!

— Это чего это у вас? — раздался голос Речицына.

Игорь поднялся. Отметил, что теперь его провожатый — без колес, на своих двоих. И без кепки.

Улыбнулся:

— Стимулятор это. Антидопинговыми агентствами прóклятый и запрещенный. А то меня, чуть присяду, сразу в сон клонит. Никак не обвыкнусь здесь... в Марьграде вашем.

— Теперь и вашем. А что за пистолет-то, которым... это... стимулировались?

— А, это? Да обычный шприц, просто без иглы. Давление высокое создает...

— ...на малой площади, — подхватил собеседник. — Круто. Можно посмотреть?

Повертев в руках иньектор, вернул его Игорю, заметил:

— Пневматика вместо механики... Прогресс... Люблю такие штуки! А касательно допингов, так у нас агентств никаких нету. Ну, вы готовы?

— Момент, уложу все обратно... Между прочим, такие пистолеты еще в Советском Союзе выпускались, так что прогресс относительный.

— В нашей медчасти, должно быть, тоже есть, только я уж и не помню, — вздохнул Александр.

Вот, опять про здешнюю медицину! Спокойно, спокойно, осадил себя Игорь. Вспомнилось: терпение, только терпение...

— Прошу! — последовал шутливый приглашающий жест Речицына. — Хотя нет, я впереди, вы следом.

Двинулись вниз.

— А вот вы... это... допинговались в шею. Не опасно так-то? В жилку если угодить... — поинтересовался Александр.

— Места знать надо, — притворно-наставительно изрек Игорь. — А потом — раздеваться не нужно, и к мозгу ближе, скорее действовать начинает.

— И как, уже действует?

— Поживем-увидим...

На-Всё-Про-Всё хмыкнул. Симпатичный мужик, подумал Игорь. И, похоже, в одной мы с ним тональности. Ну-ка, проверим...

— Александр, — спросил он, — вывески эти всякие и названия, это ваша работа? Ну там, «раз-раз», площади разных Встреч, Слободка опять же...

— Моя работа, а чья же!

— А зачем так?

— Для живости. А то повеситься можно... А что, вам не по нраву?

Точно, свой мужик, порадовался Игорь. Ответил:

— Да вы что, наоборот! А само название города, оно тоже ваша придумка?

— Это нет. Это... ну, короче, это такая история... все расскажем...

— А вот это вот, я слышал — свящённые, еще явреи...

— Ага... Местные дуркуют...

Преодолели пять маршей, остановились.

— Смотрите, Игорь, — серьезно сказал Речицын. — Обычная, вроде как, загогулина на следующий уровень. На восьмой. В нем самом ничего нет. Он как бы буферный. И проходной, дальше вниз, к нам, куда мы с вами и держим путь. Но! Тем, которые Местные с большой буквы «мэ», сюда ходу нету. Перепонка здесь для них, типа той, что для всех нас вокруг нашего Марьграда с окрестностями. Той перепонки не видать, а она есть. И эта такая же, только послабже. Тем, — он показал вверх, — сюда никак, я спокойно прохожу, мои там, — показал вниз, — тоже, само собой. И девчата тоже. Про вас пока не знаю. Наверное, тоже, раз уж из самого *оттудова* явились. Но вот именно что: поживем-увидим. Я впереди, вы за мной. Готовы?

— Поехали, — откликнулся Игорь.

Преодолели «перепонку» без проблем.

Выныривая из коротенького поперечного коридорчика на проспект — очевидно, номер Восемь, — Игорь ощутил знакомый щелчок, как при выходе с уровня «раз» к ведущей на поверхность лестнице. Звук-не звук, удар-не удар... словно где-то — неизвестно где, и вне восприятия реальности, но все равно реально, — тихо лопнула струна... или даже пузырек воздуха лопнул на поверхности воды.

Стоило взглянуть на часы. Что Игорь и сделал, предварительно попросив своего Вергилия о секундной паузе. Взглянул и увидел то, чего ожидал — и вместе с тем не ожидал. На обоих аксессуарах отсчет времени резко замедлился — но все же оставался заметно быстрее нормального.

— Ага, — прокомментировал Александр с явным удовольствием. — С первого уровня по седьмой время быстрое, четыре к одному. На нулевом и выше и с одиннадцатого и ниже — обычное, нормальное. Ну, там есть еще один уровень, о нем не сейчас. А с восьмого по десятый — ни то ни се. Умники мои его называли — ускоренное. И высчитали: две целых ноль четыре сотых. Короче, можно считать два к одному.

Двинулись дальше. Игорь вдруг почувствовал себя значительно лучше. То ли действие стимулятора дошло до максимума, то ли притормозившее время благотворно влияет. При выходах на уровень «нуль» тоже ведь нормализовывалось самочувствие.

Очередной спуск, теперь на девятый уровень. И — нечто новое. От неизменной площадочки здесь отходил не один коридор — налево, как на всех предыдущих, — а два. Второй вел направо. На стене рядом с проемом висела вызывная панель с единственной кнопкой.

— Ух ты, — сказал Игорь. — Прямо как в офис какой-нибудь. Куда это?

— Это называется, — ответил Александр, — на Отшиб, так уж повелось. На том Отшибе у нас женский пол проживает. Они все нормальные, как вот мы с вами, только им ниже десятого ходу нет. Мы-то на пятнадцатом обитаем, в Резиденции, умники мои так окрестили. А женский пол на девятом. У Местных если что стряется, заболит кто или,

скажем, рожает, они гонца посылают, тот прибегает, кнопку жмет, на помощь зовет. Сам-то пройти не может, тут тоже перепонка.

— То есть, — медленно произнес Игорь, — и медсанчасть у вас здесь, на девятом?

— Ага, здесь. Коридор туда длинный-предлинный, потому и назвали Отшибом. Ну, пошли дальше?

Игорь, постоял, собираясь с мыслями и с духом. Проговорил, все так же медленно:

— Нет. Нет. Там, в медсанчасти, на Отшибе вашем, может быть... должен быть человек, ради которого я и предпринял это безумие, прорвался в ваш Марьград. Женщина. Моя женщина. Она врач... или не врач, диплома получить не успела... Была здесь на практике, когда вас тут... изолировало... Так что мне — туда. К ней. Без звонка, ха.

Состояние аффекта, подумал он о себе, словно со стороны. Плевать. Двинулся было в заветный коридор, но был удержан за пояс цепкой рукой своего спутника. Обернулся. Очень тихо, но очень четко, с расстановкой, предупредил:

— Не нужно. Меня. Останавливать.

— Постойте, — медленно, в тон ему, сказал Речицын. — Я понял... я понимаю. У меня там, — он разжал руку, повел ею, — по ту сторону, семья осталась. Жена, сын. Родители. Они все там, а я тут. Понимаете? Я первые месяцы тут каждый день обходил периметр, место искал для выхода. Чего только не делал! Кувалдой бил, буром бурил, кислотами травил, огнем жег. Копал, конечно. Где вагонетки на рельсах стоят, там нет, а с трех сторон других, где на земле, там ого-го — что твой экскаватор! Стрелять пробовал, взрывать. Правда, ничего тут не стреляет и не взрывается, протухло все. Я этой перепонки, куда только достать мог, не скажу, что каждый сантиметр обшарил, но близко к тому. И без толку. Смирился. Еще и глянул, как там, на первых уровнях, все посыпалось, без присмотра-то моего. Совсем разруха! Они ж беспомощные, сами ничего не могут. Дураки, а тоже ведь пожалеть можно. Детишки их опять же...

Игорь вспомнил девочку Манечку-Манюню. Да, Александр прав. Не пожалеть — значит, совесть атрофировалась. Стало стыдно. Быть Маньяком — палка о двух концах...

— А после случай был — почти прорвало! Да только «почти» не считается... Я тогда в том месте уж точно каждый не то что сантиметр, я там каждый миллиметр... чего только не делал с миллиметрами этими! И снова без толку. И снова смирился. Нет, не так. Не смирился, а ждать стал, чтобы с той стороны ее, перепонку проклятую, прорвали. Да мы все этого ждем! У всех же, кому в обличье человеческом остаться повезло, у всех, как у меня: мы тут, родные там. А если не ждать, тогда и жить ни к чему. Из нас вон тоже некоторые... того...

Игорю глухо спросил:

— С собой покончили?

— Не то чтобы... Это потом. Все вам расскажем. И про тот случай, когда «почти», и про все. Но сейчас — вы подумайте. Головой, а не одним сердцем. Вы пока тут все равно что младенец. Ничегошеньки не понимаете, все для вас... как это говорится по-умному? Белый свет?

— Чистый лист, — мрачно поправил Игорь.

— Ага. Чистый лист. Дров можете наломать, мало не покажется. А если вы с этим даже и не согласны, так еще проще подумайте: здесь, на девятом, в смысле на Отшибе, про вас пока никто не знает и никто вас не ждет. А на пятнадцатом умники мои ждут, в Резиденции. Ну, не вас лично, а большого сюрприза от меня. Так хоть покажитесь там, хоть меня не

подведите! А дальше — уж как решите. Ну?

Он главного не говорит, понял Игорь. Из гордости не говорит, что само мое появление здесь — пусть локальный, но все же прорыв, — дает ему и даст им всем надежду.

— Убедили. Извините за вспышку. Пошли, я готов.

— Да и вы извините, — сказал Александр.

Когда уже приближались к выходу на проспект Девять, он вдруг добавил:

— Да и не впустили бы вас девчата. Я что-то сразу не сообразил, а там ведь у них на входе дверь. Настоящая. С глазком. И с замком. Я ту дверь им и ставил, и звонок при ней тоже я... Ага-ага, заявили бы вы, а они ж вас не видали никогда. Этаким облом в гости пожаловал.

— Анбал... — пробормотал Игорь.

— Чего? — не понял Александр.

— Облом. Амбал. Анбал. Федюнино словечко, от амбала произведенное и от Ганнибала... — Он уточнил на всякий случай: — Не Лектор Ганнибал, и не арап Петра Великого, а полководец карфагенский.

— Хе-хе. Ага. Вот-вот. Что за амбал-анбал? Кто такой? Зачем ломится? Не-ет, не впустили бы! Заместо того дверь бы шкафом каким подперли, да нам тревогу просигналили — есть такая возможность, а как же...

— Тоже ваша работа? — осведомился Игорь. Впрочем, в ответе он был уверен.

— Возможность-то? А то чья ж...

Глава 18. Было нас пятеро, стало нас шестеро.

08.06.49, вторник

Десятый уровень оказался таким же пустым, как восьмой. Но, в отличие от последнего, ход времени на десятом оставался тем же — два к одному.

Что изменилось, так это сами лестничные марши. К ступенькам, на некотором расстоянии от стены, были приделаны металлические желоба — для нормального спуска и подъема на колесах. Речицын пояснил, что на верхних уровнях металлоконструкции — головная боль: Местные возбуждаются, пытаются скрести чем придется, кислотами поливают, грызть норуют.

— Как же вы те пролеты одолеваете? — спросил Игорь.

— Как в цирке, — засмеялся Александр. — Наблатыкался за столько лет, на заднем колесе скачу. Вверх — на полной мощности. Бензина уходит, конечно, много. Зато вниз — на холостом ходу. А запасов топлива у нас на века.

Игорь попытался вообразить картину. Не получилось.

— Не верите? — хохотнул его спутник. — И правильно, что не верите. Куда там... Пошутил я. Секретки у меня есть на тех маршах. Досточки захованные. — Он так и произнес: досточки. — Вытащил такую, поставил, заехал, слез, обратно заховал... Маотно, конечно, а что делать? Возраст не тот, сноровка не та... Мощность у движка тоже не та. А вот вниз — это я и правда вскачь. Научился.

— Странно, что лифтов нет, — заметил Игорь.

— Были, как же. Да сразу сплыли неизвестно куда.

— А кстати: вы по сектору так гнали... Не опасаетесь наехать на кого-нибудь?

— Не... Местные как слышат — шарахаются по сторонам, чистый путь у меня. Притом я из всех из нас — один, к кому они привыкли. Остальных боятся, и девчат тоже опасаются, разве что при родах опасаться забывают или там при лечении каком. А ко мне привыкли, ага. Да вот к мотору не привыкнут никак.

Подшли к выходу с десятого. Спустились на стандартные пять маршей по десять ступенек каждый. Здесь Речицын остановился.

— Так, — сказал он. — Тут снова дело серьезное.

— Опять перепонка? — предположил Игорь.

— Угадали. Она только нас пропускает — меня и мужиков, что нынче внизу ждут. Вместе нас, выходит, пятеро осталось. Девчатам, и то не пройти. Вот и поглядим на вас. Я-то в вас верю. Ну, прежним порядком: сперва я, вы за мной.

На этот раз даже и щелчка не почувствовалось. Игорь просто проследовал за своим проводником. Тот сделал десяток шагов, застыл на месте, медленно повернулся. Выдохнул:

— Уф. А что, так и знал. Но все равно поздравляю! Теперь вы наш! Было нас пятеро стало шестеро! — Спросил не без лукавства в голосе: — Часы проверять будете?

Игорь уже догадывался о результатах проверки. Точно: оба гаджета работали в абсолютно нормальном ритме.

— Один к одному? — улыбнулся он.

Александр кивнул:

— Без сотых. Один ноль-ноль ровнехонько. Захотите правильные время-дату выставить — это внизу, там у нас все в ажуре. Мужики говорят, в пространстве мы незнамо где, так

хоть во времени не путаться.

— Очень правильно! — искренне одобрил Игорь. И предложил: — Знаете, коллега, поскольку вас, то есть уже *нас*, стало шестеро, может, перейдем на «ты»? Мне, например, так гора-аздо комфортнее. А вам?

— Ага, — с готовностью согласился Речицын. — Я, стало быть, Саша. На-Всё-Про-Всё опять же.

Он протянул руку, Игорь пожал ее, ответил с усмешкой:

— А я, как был Игорем, так им и остаюсь. Нет у моего имени адекватного уменьшительного, а всяких Игорьков, Игоряш, Игорёш — не переношу. Разве что дядя Ига — так меня одна кроха тут нарекла. Кстати, о тебе она упоминала, с симпатией. Манечка-Манюня с третьего уровня, в самом конце.

— Знаю, а как же. Ага, симпатяга... пока не выросла, а там... Эх. Детишек жальче всех.

— Да, — кивнул Игорь. — Саш, а еще есть предложение: по такому случаю сделать по глотку. — Он потрогал задний карман с втиснутой в него фляжкой. — Типа на брудершафт. Хотя и из горла. И перекурить заодно.

— Эх... — огорчился Речицын. — Я вообще-то не пью. Потому как дурею сразу, а сдурю и покалечить могу... а то сам покалечусь. Организм такой, — пояснил он и подмигнул: — А, давай! По грамульке! Авось обойдется! Ага... Ну, будь здоров, Игорь!

— Твое здоровье, Саша! — провозгласил Игорь, приняв фляжку и поднеся ее к губам. — А погонял у меня аж два: одно — Маньяк, это из... ну, можно сказать, из дома... другое — Путник, так меня Федюня обозвал. Он-то имел в виду «путаник», все я ему якобы путал... Ну что, теперь короткий перекур, и можно двигаться дальше. Ты, небось, и не куришь?

— Ага. Не курю, уж лет не помню сколько. Наши там, внизу, те — кто дымящий, а кто нет. Вот и я нет. Ты кури, кури, это ж недолго. А я пока нашим брякну.

Он вытащил из нагрудного кармана выдавшие виды очки, нацепил их, извлек откуда-то из недр комбинезона девайс, явно самодельный, размером со стандартную записную книжку. Игорь пригляделся: корпус из серого пластика; на лицевой панели две кнопки слева, две лампочки справа, шесть горизонтальных прорезей — три сверху и три снизу, оцифрованное рифленое колесико по центру. Саша повертел-пощелкал этим колесиком, нажал одну из кнопок. Запульсировала верхняя лампочка. Раздался неразборчивый хрип.

— Петя! Ты? — закричал Саша.

Хрип повторился. Саша коротко выругался вполголоса и опять закричал:

— Слышь? Петя? Или Мотя? Алло! Через сорок минут буду! С сюрпризом, какой сулил! Встречайте в холле! Что? Не различу ни хрена! Через сорок минут в холле, говорю! Алло! Если понял, отбей «Спартак чемпион»! А не понял, так «Хасбулат удалой» отбей! Да от микрофона мало-мало отодвинься!

Из диковины опять что-то проскрежетало, затем прозвякало. Лампочка погасла. На-Всё-Про-Всё перевел дух, вернул по местам очки и устройство, сказал:

— Ага. Спартак чемпион. Будут нас ждать. — Покачал головой, посетовал: — Помехи сегодня сильные. Бывает, все четко работает, а в другой раз замучаешься. — И, по-деловому: — Ты как, докурил? Батюшки, куда ж ты чинарик-то ховаешь? Лады, придем — в мусоропровод все... Двинули, что ли?

— Это что за чудо техники? — обалдело спросил Игорь.

— Да рация обыкновенная, многоканальная, — объяснил Саша. — Ты, поди, к мобильникам привык, так они тут не падут. Сетей-то — голяк на базе. Пришлось вот рации

делать. Наружу сигнал не проходит, мы проверяли. Оттуда к нам, видать, тоже не проходит. Спасибо хоть внутри какая-никакая, а есть связь.

— Рации?! Сам делал?! — изумился Игорь.

— А то... — проворчал На-Всё-Про-Всё. — Ну, в путь-дорогу. Уже немного осталось. Игорь кивнул. Гулять так гулять.

Выбрались на проспект Одиннадцать. Саша вдруг спросил:

— Ты сам откуда? Я вот с Брянской области. Сюда по контракту нанялся — инфраструктуру восстанавливали, производство, оборудование перезапускали, налаживали.

— Москвич я, — сообщил Игорь.

— А по специальности кто был?

— Механик.

Ему нравился этот ответ. Особенно нравилось объяснять потом суть.

— Меха-аник? — протянул Саша. — Скажи-ка... Я вот тоже механик, а гляди, руки у меня и руки у тебя. Черная кость, белая кость. Что ж ты за механик, по какому направлению?

Игорь засмеялся.

— По науке. В дипломе у меня так написано — механик по специальности «Механика сплошных сред». Это, например, аэродинамика, гидродинамика, газодинамика... МГУ, мехмат.

Реакция порадовала — собеседник, похоже, оценил коллизию. Хмыкнул:

— А, ну другой коленкор... Два, значит, мы с тобой механика. — Резюмировал фразой из старинного анекдота: — Похоже, да не одно и то же.

Подожли к выходу с уровня.

— Вон там, — сказал Саша, — где у Местных жилые сектора, а на седьмом склады ихние, у нас тут тоже склады. Только мы без указателей обходимся. А я тебе не соврал, запасов — на века. Всего на свете запасов. Еда-питье, табак даже, выпивка. ГСМ всякие расходники, электрика-электроника. Материалы разные, бытовая техника. Инструменты, приборы, компьютеры, комплектующие, запчасти... чего только нет, аж библиотека есть с видеотекой. Конь мой о двух колесах опять же оттуда, там и еще есть, да мужики отказались, и девчата тоже... Откуда все взялось — непонятно, но оно реально рабочее. А которое съедобное, то в кондиции... Чудеса, ага. Зато жить можно...

Дальше спускались в основном молча. Лишь изредка Саша комментировал: «Двенадцатый, силовой — генераторы, насосы, всякое такое»; «Тринадцатый: мастерские, лаборатории»; «Четырнадцатый: еще одна лаборатория, и еще склады, ну и всякого помаленьку, спортзал тоже, с тренажерами, не разжиреть чтобы».

Спустились с четырнадцатого уровня к пятнадцатому. Налево уводил неизменный полукилометровый коридорчик, в его начале стоял, притулившись к стене, «конь о двух колесах», а вот справа... Справа была дверь. Обычная межкомнатная, белая. Распахнутая настежь.

Саша приложил палец к губам, затем сделал знак: стой, не показывайся. Сам шагнул к порогу двери, провозгласил:

— А вот он и я! Все в сборе? Красавцы!

Изнутри донеслось баском, с оттенком недовольства:

— Когда ж ты шило из задницы своей вытащишь? Всю ночь туда-сюда, спать не дал...

Другой голос, чуть выше тоном и веселее:

— Здорово, Саня! Ну, где твой сюрприз? Давай, не томи уже!

— То, пожалуй, даже и не сюрприз, — нарочито медленно проговорил На-Всё-Про-Всё. — То, пожалуй, целая сенсация... — Едва заметная пауза и финальное: — Было нас пятеро, стало нас шестеро! Гость *оттуда!* Игорь! Заходи!

Глава 19. Отпустите меня. 08.06.49, вторник

Просторный холл. Светло-кремовые стены, на стенах разновысоко висят монохромные картинки в тонких серых рамочках— абстрактная геометрия. Под высоким потолком лампы дневного света, на полу серый низковорсовый ковролин. У стены справа зачем-то стойка типа гостиничных ресепшн, орехового дерева или под него. Над стойкой большие настенные часы, показывают десять с минутами. Чуть ниже часов панелька, вроде той, по которой Речицын «звонил» сюда, только стационарно закрепленная. За стойкой, на высоком, по-видимому, табурете, упитанный брюнет лет сорока, в черном. Глаза полуприкрыты. Левее — четыре кожаных кресла в тон стенам. Три заняты, в четвертое усаживается Саша, откровенно сияющий. Чей-то, не разобрать, возглас: «Ну, Сашок, ты дал!»

— Здравствуйте, господа! — громко сказал Игорь.

Реакция господ — у каждого своя.

У «портъе» — внешне нулевая.

Человек в самом левом кресле выпрямился, подался вперед. На вид — за семьдесят. Умное лицо в глубоких морщинах, густые черные брови, пронзительный взгляд. Лысина. Мешковатый свитер, джинсы, черные пляжные шлепанцы на босу ногу.

Мужчина по соседству с ним немного моложе. Лицо с очень мелкими чертами, абсолютно невзрачное. Светлые волосы тщательно причесаны, выбрит до синевы, рот слегка приоткрыт. Одет тоже невзрачно: серая рубашка с длинным рукавом, застегнутая до последней пуговицы, серые брюки, из-под них виднеются серые носки, слегка приспущенные. Разношенные серые же полуботинки.

Рядом — тощий тип неопределенного возраста. Шатен, волосы довольно длинные и при том растрепаны, длинный нос, на лице то ли еще небритость, то ли уже бородка-эспаньолка. Мятая голубая рубашка поло, мятые же черные шорты ниже колен — кажется, их бермудами называют; бермудан, мелькнуло у Игоря... Обильно волосатые ноги. Незашнурованные грязно-белые кроссовки. Сидит, откинувшись в кресле, взирает на пришельца почему-то неодобрительно.

Все четверо выжидательно молчали, лишь Саша продолжал сиять. Молчание прервал пожилой.

— В самом деле *оттуда*? — резко спросил он.

— Одно из трех, — сказал Игорь. — Либо я двадцать лет болтался где-то на территории, под ней, над ней, ни с кем из вас не соприкасаясь. Либо меня кто-то — Бог, черт, подземные духи, не знаю, — сотворил буквально позавчера. Либо в самом деле *оттуда*. Выбирайте.

Опять тишина, лишь Саша хрюкнул.

— И с какого же вы к нам направления, как бы сказать, проникли? — осведомился пожилой после паузы.

— На выходе из корпуса, — устало ответил Игорь, — две тропки. Из них одна ведет к периметру. Там еще страшилка стоит смешная. Александр говорит — его работа.

Пожилой взглянул на Сашу.

— Ага, — отреагировал тот. — Все проверил, а как же. Там и чинарик валяется, где Слабина. У самой перепонки. Его чинарик, он как раз такое курит. А Слабина в целостности и сохранности.

Слабина, уловил Игорь, явно с большой буквы у них. Вспомнил: Коммодор тоже так назвал то место, только, вроде, с буквы малой.

— Я и по сторонам обшарил, — продолжал Саша. — Все в целостности и сохранности. Мое мнение, Максимыч, — Игорь дело говорит. Он мне как встретился — на первом уровне это было, — я сразу и подумал, почти вот как он сейчас доказывал, про одно из трех.

— Подумал... — проворчал пожилой.

— Да уж, — сказал На-Всё-Про-Всё со смешком. — Думать — это вам тут. Мне все больше руками орудовать. Хе-хе.

— Ладно тебе... — пожилой как бы смутился, но, показалось Игорю, скорее для виду. — Ну, извини, что ли...

Опять замолчали.

Ступор. Цугцванг. Нужно представиться.

Игорь отрекомендовался полным ФИО, сопроводив это энергичным кивком. Внутренне усмехнулся: по-белогвардейски получилось; остается только каблуками щелкнуть. Каблуками берцев, да уж.

Трое поднялись, приблизились. Речицын остался в кресле. Четвертый вылез из-за стойки, присоединился к вставшим. К его поясу оказалась пристегнутой резиновая дубинка. Не портые, поправил себя Игорь — скорее, секьюрити. Странная компания, ну да что здесь, в Марьграде, не странное, сверху донизу...

— Анциферов Иван Максимович, — проговорил пожилой и протянул руку. — Да вы бы рюкзак скинули, тяжело же.

— Очень приятно, — ответил Игорь, отвечая на рукопожатие. — Спасибо.

Действительно, подумал он, что я, как бедный родственник, с машиной этой на спине — будто жду, пригласят остаться или прогонят. Снял машину, поставил рядом.

— Павел Алексеевич, — назвался невзрачный. — Елохов моя фамилия.

Пожали друг другу руки. Крепко, оценил Игорь.

«Секьюрити», до сих пор казавшийся сонным, уставился на боевой пояс Игоря.

— Красота... — восхищенно произнес он полупшепотом. Несмело дотронулся до пакета с мусором: — А это что?

— Это, Петро, — подал голос Саша, — отходы жизнедеятельности Игоря Юрьевича. Их пристроить бы по назначению.

— Давайте, давайте, конечно, — смутился тот. — А, да, Вялкин я, Петр. Можно без отчества. Можно просто Петя.

— А все-таки? — спросил Игорь, пожимая пухлую потную ладонь.

— Васильевич он, как и я, — сообщил из своего кресла Саша. — Только мы ни разу не братья, ага.

Петя перехватил мусорный пакет, метнулся к своей стойке, швырнул под нее, мигом вернулся на прежнее место, принял было уставную позу «смирно», сменил на «вольно» по команде все того же Саши — похоже, потешавшегося.

Обменялись рукопожатием и с тощим. Вялым оказалось это рукопожатие, а в голосе послышалась — или почудилась? — брюзгливость.

— Смолёв, — представился тощий как бы нехотя. — Не Смóлев, а Смолёв. Матвей. Константинович.

Чем он недоволен? — удивился Игорь. Неприятный какой-то. Ну, может, зуб болит... мало ли причин для плохого настроения? Заставил себя улыбнуться и произнести

ритуальное «очень приятно» как можно теплее.

— Мотя, возьми себя в руки, будь поприветливее, — сказал Анциферов. — Вы, Игорь Юрьевич, не обращайтесь внимания, просто Матвей у нас — неизлечимый ипохондрик и отъявленный мизантроп. А сегодня еще и не выспался.

Смолёв зыркнул на него исподлобья, но промолчал.

— Ага, — подтвердил Саша, выбираясь из кресла и посмеиваясь. — Ипо это самое, всю дорогу бу-бу-бу, бу-бу-бу. А так-то он ценный кадр, ты, Игорь, не сомневайся!

— Я и не сомневаюсь, — заверил Игорь, держа улыбку.

— Вы есть хотите? — осведомился Анциферов. — Мы-то уже позавтракали.

— Спасибо, нет, — отказался Игорь. — Вот кофе бы... если это сложно, то у меня с собой...

— Ничего сложного, — возразил Анциферов. — Давайте все перейдем в переговорную. — Пояснил Игорю: — Так мы скуки ради зовем нашу кухню, она же столовая, она же конференц-зал...

— А я бы заморил червя, — вставил Саша.

— Вот там и заморишь, Алехандро, — сказал Анциферов. — А новоприбывшего кофе напоим. И сами тоже испьем.

— Момент, — попросил Игорь. — Я только часы поставлю по вашим. Они же правильно идут? И время московское?

— Гринвич плюс три, — с неожиданным энтузиазмом объявил Смолёв. — И точные! Точнее почти некуда! Плюс-минус двадцать четыре секунды в год!

— Прекрасно, — сказал Анциферов. — Готовы? Пойдемте. Покофейничаем, да и потолкуем.

И здесь «потолкуем», непроизвольно содрогнулся Игорь. Мало мне Федюни... Впрочем, что это я? Здесь у этого слова наверняка совершенно другой смысл.

Кофе был хорош. Игорь микроглотками цедил эспрессо, которого не пил, казалось, вечность. Да ладно, вечность... позавчера утром пил, в отделе 31/3... всего позавчера?! не может быть! может-может...

Кофейную компанию ему составил один лишь Петя Вялкин, с детским наслаждением причмокивавший капучино. Смолёв отказался от чего бы то ни было — он сосредоточенно сворачивал самокрутку и делался при этом все мрачнее. Остальные прихлебывали чай из разномастных кружек.

Полный фьюжн, усмехнулся Игорь. Под стать помещению. Кухонный уголок со всем, что требуется, включая кофе-машину; здесь же столик с ноутбуком и проектором; рядом с ним почему-то машина стиральная; на противоположной стене, ровно напротив проектора, экран, а по обеим его сторонам туго набитые книжные полки; посреди «переговорной» длинный стол а-ля «для совещаний»; стулья с высокими спинками, пепельницы, чашки, карандаши, ручки, шахматная доска с едва начатой партией, разбросанные листы бумаги, исчерканные и чистые... Под потолком — галогенки, на полу — ковер, на этот раз с длинным ворсом. Для кухни-столовой не очень, зато — вспомнилась классика — можно при случае уронить непогашенную сигару. Как Рэдрик Шухарт. Ну, конечно, здесь нам не там, в позитивном смысле. Здесь таких случаев — независимость демонстрировать и презрение выказывать — представиться не должно.

А кофе — да, хорош, хотя и не бодрит, ибо после стимулятора бодрить уже некуда.

— Игорь Юрьевич, — заговорил Анциферов, но Игорь перебил его:

— Иван Максимович, извините, могу я попросить вас? Пожалуйста, называйте меня просто Игорем, а? Оно и короче, и не так официально.

— Не вопрос, — кивнул Анциферов. — Ну и я тогда просто Иван. Товарищи, а вы как? Согласны?

Не возражал никто. Даже Смолёв буркнул: «Окей». Саша не преминул похвастаться, что он-то с Игорем на «ты», причем давно, уже больше часа как брудершафтнули по грамулке крепкого.

— Сандро! — возмутился Иван. — Тебе же не показано! И вообще, спозаранку...

— За дружбу же! — азартно парировал На-Всё-Про-Всё.

Иван покачал головой, а Игорь признался:

— Моя вина. И крепкое было мое. И еще имеется. Хотите?

— Нет-нет, — Анциферов опять покачал головой. — Все еще утро, это раз, угощать теперь наша очередь, только позже, это два, у нас в наличии всякое, а в-третьих — нам обсуждение предстоит серьезное. Хотелось бы полной ясности в мозгах. Что ж, приступим? У нас к вам, Игорь, естественно, бесконечный ряд вопросов. Безусловно, и у вас к нам. Давайте прежде всего договоримся о регламенте.

Стало тоскливо. И почувствовался озноб, только не реальный, а внутренний — в душе.

— Я смотрю, у вас тут курить можно, — глухо проговорил Игорь.

Он медленно вытащил из кармана пачку Akhtamar и зажигалку, медленно, словно придиричиво выбирая, извлек сигарету, медленно зажег ее; справился с собой, собрался с мыслями, заговорил.

Он говорил, а они слушали.

Он говорил, казалось ему, обдуманно и логично, и как по писаному, и лишь иногда — сбивчиво, потому что запинался, подыскивая самое точное слово, и эти сбои, наверное, укрепляли доверие слушателей к нему, потому что сбивается значит волнуется, а волнуется значит не врет.

Он говорил, что понимает: у них к нему бесчисленное множество вопросов, и не из любопытства, хотя и из него тоже, любопытство это свойство человека живого и на что-то способного, но главное, центральное, глубинное все-таки не любопытство, а надежда, потому что они двадцать лет заперты здесь, полная изоляция, а чье-то, вот его, появление здесь *оттуда* возрождает надежду.

Он говорил, что понимает: надежда на освобождение сопряжена с опасениями, со страхом даже, потому что двадцать лет взаперти не шутка, живы ли *там* родные и любимые, да и вообще вписаться заново в ушедший далеко вперед мир, в мир, который, может быть, стал совсем чужим, в котором их, может быть, похоронили и стали забывать, а то и вовсе забыли, по датам только вспоминают, поминают и забывают до следующей даты...

Он говорил, что понимает: раз они, пятеро, нашли в себе силы продолжать жить *здесь*, то, значит, надежда для них все-таки главнее страхов, и, наверное, надежда эта не только для себя, но даже и для тех, наверху, кто перестает или уже перестал быть людьми, иначе разве клали бы они, оставшиеся людьми, столько себя для выживания тех...

Он говорил, что должны и они понять: да, он проник сюда *оттуда*, прорвался в это

неизвестно как назвать, у вас это град Марьград со слободками и окрестностями, у нас это Завод, а в официальной, максимально секретной документации это объект 31, да и плевать на секретность, но хотелось понимания, что у него тоже бесчисленные вопросы, и тоже не из одного лишь любопытства, но пробыв здесь, сколько, о, меньше трех суток, а кажется, полжизни, пробыв здесь, он кое-что все-таки уразумел, и этого почти достаточно для выполнения главной его задачи.

Он говорил, что эта его задача зеркальна их задачам, потому что у них остались любимые и родные *там*, а у него осталась единственная любимая *здесь*, да, двадцать лет назад ее накрыло вместе с вами, и вместе с нерожденным еще ребенком, и главная задача, ради которой он, единственный во всем мире, прорвался, в том, чтобы найти их и, может быть, вернуть в большой мир, и при этом у него те же страхи, он ведь не знает, жива ли любимая, не знает, осталась ли она человеком, не знает, родилось ли дитя.

Он говорил, что не просит у них ответа на эти вопросы, даже если такие ответы и есть, но он не хочет знать их заранее, он хочет прийти ко всему сам, и пока ему нужна только помощь для того, чтобы прийти, но не к ответам, а просто прийти в то место, которое здесь называют Отшибом, потому что просто так его туда тупо не пустят, спасибо доброму человеку Саше, объяснил.

Он говорил, что только милосердие, единственно милосердие отличает человека от нелюди, даже если эта нелюдь в человеческом обличье и даже если этот человек в обличье нелюди, и он не может объяснить, зачем говорит это, но верит, что они здесь думают так же.

Он говорил, что обещает, нет, клянется: вернусь к вам, обязательно вернусь, один или не один, и сделаю все что смогу, и уж точно отвечу на все ваши вопросы, сколько бы их ни было, если сумею ответить, конечно, и, наверное, сам задам столько вопросов, что...

Догоревшая сигарета обожгла его пальцы. Посмотрел на длинный столбик пепла, стряхнул в пепельницу. Сказал:

— Отпустите меня.

Вспомнил, как теми же словами взмолился Федюня, усмехнулся. Люди, нелюди... где грань, поди пойми... милосердие, да... тоже поди пойми — оно это, не оно ли...

— Отпустите меня. Поймите, не смогу я сейчас вести долгую, обстоятельную беседу. Я вернусь, непременно вернусь, а сейчас — отпустите меня. Только помогите с этим... визитом... ну и словечко, тьфу... помогите попасть в этот Отшиб. Все остальное — потом.

Молчали долго. Потом Анциферов — не приходилось сомневаться в том, что он неформальный лидер этой микрообщины — проговорил:

— Что ж, понятно. Отпустим, конечно. Верно, товарищи? И с посещением... гм... не люблю я этого названия... в общем, посетить дамские угодья — поможем, отчего ж не помочь. Вот опять же Александра попросим, он у дам самая что ни на есть персона-грата. А, Сань? Ты как?

— Я-то? — Саша откашлялся, кивнул. — Я не против. Только есть соображение. Даже два. Первое: попросим все же Игоря хоть парой слов обозначить нам — что вообще в мире-то делается? А то мы туда смотрим... как бишь, хе-хе, докладчик сказал?.. с надеждой, но и с опаской — а ну как там, к примеру, ядерная зима? Или, тоже к примеру, фашизм лютей? И второе: у тебя, Игорь, дело впереди — серьезнее некуда. А ты невыспавшийся, на нервяке весь... да и того... помыться бы да побриться тебе, ты на себя глянь... А по правде говоря, и

мне бы тоже прикорнуть часиков несколько — оно бы не помешало. Мотя верно говорит — шило в заднице, вот и колобродил всю ночь, и употел тоже, а к девочкам являться в таком виде — оно не того...

Смолёв вдруг фыркнул. Игорю непрошено пришло на ум очередное: не фыркай, сопля вылетит. Вслух цитировать, конечно, не стал.

— Да и, — несколько смущенно добавил На-Всё-Про-Всё, — упустил я: на Отшибе-тс сейчас дело к ночи, а как доберемся, так и вовсе будет... это если прямо сейчас отправляться...

— Разумно, — высказался вдруг Елохов, доселе словно воды в рот набравший. — Дело Саня говорит. Рационально предлагает.

Возразить было нечего. Игорь кивнул, сжато поведал об основных событиях в мире за последние двадцать лет, не упустил и про «объекты» в Китае и Штатах, успокоил — ни ядерной зимы, ни фашизма, ничего такого, годы нестабильности позади, тьфу-тьфу... Совсем пунктирно получилось, но на первый раз хватило и этого.

Прозвучало пятикратное «спасибо».

— Петюня, — попросил Анциферов. — Разместишь товарища, ладненько? А дальше... сколько вам времени понадобится, путники, на сборы?

— Двое нас теперь, путников... И механиков двое, хе-хе, — сообщил Саша.

— Что-что?

— Ага... Игорю чудик Местный кликуху придумал: Путник.

— Адекватно, — одобрил Анциферов.

— Да он в смысле «путаник». Тот чудик сам-то путаник и есть великий... А что механиков двое, так у Игоря в дипломе написано: механик, мол. По этим... по сплошным средам.

Елохов поднял брови:

— О!

Смолёв, и тот взглянул на Игоря не без уважения. Ну, так показалось...

Анциферов же протянул:

— Любопытно... — И, решительно: — Но это все, как договорились, отложим на потом. Так сколько времени вам требуется, механики-путники?

— Дело серьезное, — повторил Саша. — Потому — горячку пороть не след. Сейчас у нас сколько, полдвенадцатого? У девчат, стало быть, полночь без пятнадцати... — Он зашевелил губами, подсчитывая. Пояснил: — Надо ж так, чтобы не к спящим к ним нагряться. Значит, в семь двинемся. Никак не раньше. Игорь, ты как?

— Что ж поделаешь....

— Ходу нам туда, — пояснил Саша, — часа полтора. Это будет по нашему счету полдевятого. А у девчат начало вечера. Так что да, в семь выйти — в самый раз. А перед тем все ж червя заморить. Легонько, чисто подкрепиться. Значит что? Значит, в полседьмого снова здесь. Ага.

— Вот и мы вместе с вами того червя заморим, — сказал Анциферов.

— Хорошо, — кивнул Игорь. Принужденно улыбнулся: — К тому же... вдруг у меня все-таки вопрос какой-нибудь родится... животрепещущий...

А сам подумал: отпустили. Вникли. Хорошие люди.

Ну, будь что будет. Вернее, будь хоть что-нибудь.

Глава 20. Многия печали. 08.06.49, вторник

Гриф: совершенно секретно

Откуда: департамент 31

От: Иванова И. И.

Куда: отдел 31/3

Кому: Коммодору

Дата, время: 08.06.49, 14:14 UTC+3

На Ваше от 24.05.49 UTC+3 довожу до Вашего сведения.

05.06.29 в медико-санитарную часть интересующего Вас предприятия поступили для прохождения преддипломной практики студенты Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова (Институт клинической медицины им. Н. В. Склифосовского, кафедра травматологии, ортопедии и хирургии катастроф) в количестве 3 (прописью: трех) человек. А именно:

1) Гольцман Анатолий Борисович, 2006 г.р.

2) Осокина Марина Станиславовна, 2004 г.р.

3) Шилова Маргарита Георгиевна, 2005 г.р.

Подробные биографические справки по упомянутым лицам: см. приложения 1, 2, 3.

Согласно данным предшествующих медицинских осмотров, состояние беременности ни у кого из вышеупомянутых лиц не отмечено. Протоколы упомянутых медицинских осмотров: см. приложение 4.

Согласно имеющимся данным, течение дня «Э» все вышеупомянутые лица находились на территории интересующего Вас предприятия. Данных о вышеупомянутых лицах после дня «Э» не имеется.

Общие места жительства, работы, учебы, равно как и любые иные контакты между грном Лушниковым И. Ю. и/или его родственниками, с одной стороны, и вышеупомянутыми лицами и/или их родственниками, с другой стороны: не установлены.

Приложения 1–4: упомянутое.

Замечание. Надлежало Вам в период нахождения Маньяка в распоряжении отдела 31/3 произвести детальный досмотр его личного имущества, а также контента его смартфона, с целью выявления данных о возможных ранних контактах упомянутого Маньяка с лицами, находившимися на территории объекта 31 в день «Э».

Благодарю за службу.

Коммодор усмехнулся: пустышка... как говаривал давний-предавний его командир — портянка. На том спасибо, что даже у Гольцмана Анатолия Борисовича состояние беременности не отмечено.

Набрал и отправил ответ:

Гриф: совершенно секретно

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 08.06.49, 14:22 UTC+3

Разрешите доложить. Полный досмотр личного имущества и контента смартфона Маньяка был скрытно произведен 22.05.49, о чем было Вам доложено 23.05.49, равно как и о том, что данных о каких-либо ранних контактах Маньяка с кем бы то ни было при упомянутом досмотре не обнаружено.

Служу России!

Однако время поджигает, орава вот-вот прибудет. Коммодор прибрал все в кабинете, вышел из него, запер, опломбировал — требования режима просты, но строги, в виду прибытия посторонних трэба выполнять неукоснительно, — двинулся к автостоянке. Надо бы Соне приказать, чтоб таратайку Маньяка вообще с глаз убрал. Или Упырю, что ли, — у Сони сейчас и так хлопот будет выше крыши. Где он, кстати? Начальник на месте, как штык, Борзый с Упырем тоже, а его где носит?! Угу, вон, бежит, верста коломенская, тощая, аж спотыкается. Молодец.

Эх, вздохнул Коммодор, ввязался же я в историю. Хотя, как было не ввязаться — все одно ввязали бы. Маньяк мой и без подмоги совершил бы проникновение, коптер записал бы, а мне, что ж, скрывать? Служба есть служба, а годен значит годен.

— Хлопцы, — сказал он. — Работаем под резервными позывными. Ибо нефиг. Соня, тебе тоже резервный, ибо служивых потешать тоже нефиг, тем более ты над ними какое-никакое, а начальство. Будешь Арсений. Ко мне обращаться... э, да собьетесь же, как пить дать... по нормальному имени-отчеству обращаться. Усекли?

Усекли. Заулыбались. Ну-ну, лыбьтесь пока лыбится. Скоро света белого невзвидим.

Так, прибыли командированные. Начинается. Белка в колесе курортницей покажется.

Два здоровенных электробуса с логотипами «Электротранс» по бортам опустели. Их пассажиры выстроились в две шеренги, замерли по стойке «смирно». В крапчатом, с неудовольствием отметил Коммодор. На том спасибо, что хоть без знаков различия.

С левого фланга передней шеренги к нему строевым шагом прошествовал некто сухощавый и невысокий, остановился, вскинул руку к виску:

— Товарищ начальник подразделения! Сводная группа тергвардии, в составе семидесяти восьми служащих, согласно полученного приказа в ваше распоряжение прибыла! Докладывает старший группы старший лейтенант Шульга!

— Вольно, — бросил Коммодор.

Шульга ретранслировал команду.

— Товарищи гвардейцы! — зычно заговорил Коммодор. — Во-первых, добро пожаловать. — Он рассчитанно улыбнулся, в ответ тоже заулыбались. Повысил голос: — Во-вторых! Я начальник данного подразделения. Обращаться ко мне, если что, по имени и отчеству: Сергей Николаевич.

В строю, там и сям, послышались смешки.

— Р-разговорчики! — рявкнул Коммодор. — Смир-рно!

Вытянулись, застыли.

— Вольно... Значит, повторяю: Сергей Николаевич. Фамилия, звание, послужной

список вам без надобности. Меньше знаешь — крепче спишь, так? Так. То же самое про ваших инструкторов. Это Алексей. Покажись-ка. Это Георгий. Тоже обозначься. А за обеспечение вашего пребывания в расположении отвечает помощник коменданта. Арсений, выдвинься. Сейчас он покажет, где можно оправиться. А то некоторым, небось, уже невтерпеж.

Смешки возобновились.

— Перекурить тоже можно. И не сорить мне! Потом он вас к делу пристроит. Арсений, действуй.

Обратился к старшему:

— Отойдем-ка чуток в сторонку. Скажи на милость, старлей, вы чего этак вырядились?

— Согласно Устава, това...

Коммодор прервал:

— Говори по-человечески. Ты не на смотре. Насчет «согласно Устава» мне понятно. А другого обмундирования у вас с собой нет? Гражданки нет?

— Виноват, Сергей Николаевич. А гражданка есть. Приказано было гражданку иметь при себе.

— Слава те Господи... Ты прикинь, старлей, патрулировать-то будем — как? Скрытно будем патрулировать! Особенно Город и окрестности. Ну, по возможности, конечно, скрытно. Не привлекая внимания. Так что пока о форме забыли. Вопросы есть?

— Никак нет, Сергей Николаевич.

— Добро. Теперь дальше. Чего это вас семьдесят восемь? Мне семьдесят шесть сулили.

— Так это... плюс два водителя еще... приказано их в группу зачислить, к выполнению задач не привлекать, использовать по специальности.

Коммодор вздохнул. Что ж поделаешь... Электробусам тоже здесь стоять, выходит... Отогнать подальше, прикрыть чем-нибудь опять же — нечего их зря светить. Может, супостат какой из космоса зрит... Паранойя, да, так ведь и служба соответствующая.

— Откуда ж, старшой, твою сводную группе набрали?

— Южный округ, Сергей Николаевич. Каждого по тревоге поднимали. А люди испытанные, дело знают.

— Добро-добро... Значит, так, Шульга... как тебя по имени-то?

— Сергей, — смущенно ответил старлей.

— Тезка, стало быть. Хорошо.

— И Николаевич я тоже...

— Вона что... То-то орлы твои зашебуршились... Выходит, полный тезка. Что ж, молодец! Хвалю! Ну, значит, так, Сергей Николаевич. Подняли вас, говоришь, по тревоге. Это да. И прислали, как на пожар. Меня вчера только озадачили. Посему палатки для вашего размещения, нужники и все прочее необходимое доставят только к вечеру. У меня-то тут, сам понимаешь, казарм нет. Не того мы профиля подразделение. Но доставят. Твоя сейчас первая задача: согласовать с Арсением и выделить людей для разгрузки, установки и тэдэ.

— Есть.

— Вторая задача: патрулирование начинаем в ноль часов. Выделить два экипажа по четыре бойца. Первый инструктаж проведу лично, при участии Алексея и Георгия. С одним экипажем пойдет в патруль Алексей, с другим Георгий. Ты, старлей, тоже к одной четверке присоединись, пятым. Лучше вникнешь в ситуацию.

— Есть.

— Выделить еще две четверки. Они в восемь нуль-нуль вас сменят. При смене буду присутствовать лично. Инструктора и со вторыми экипажами пойдут. Так и будете меняться каждые восемь часов. В третьи четверки дашь в сопровождение старших из первых двух. И тэдэ. Понял?

— Так точно.

— И третья задача: патрулирование Города и окрестностей парными патрулями. Это я тебя завтра с утра проинструктирую. Вопросы есть?

— Никак нет, Сергей Николаевич.

— Добро. Тоже, небось, оправиться мечтаешь? Ступай, Сережа, потом найди Арсения, передай ему, что пока ты в его распоряжении. Заняться есть чем. Площадку разровнять под палатки... ну да Арсений скажет. А к двадцати трем — сюда, с первой сменой патрулей.

— Есть.

Пару секунд спустя Коммодор скомандовал:

— Старшой! Стоять! А доложи-ка мне, что у вас с мобильниками? Натащили, поди, вот и массовая цель готова при виде со спутников.

Тьфу, добавил он про себя.

— Никак нет, това... Сергей Николаевич! — отрапортовал Шульга. — Согласно инструкции, по прибытии в зону операции...

— Стоп! Слово «зона» запрещаю! В полосу спецоперации!

— Виноват! Согласно инструкции, по прибытии в полосу операции все сим-карты из смартфонов личного состава извлечены, упакованы в заблаговременно подготовленные и подписанные упаковки и переданы мне на ответственное хранение!

— Добро, добро... По твою ответственность тезка! Все, действуй.

— Есть.

Коммодор вернулся в кабинет, а мысли его вернулись к «портянке»: как это «беременности не отмечено»? И это, выходит, Маньяк, скажем мягко, нафантазировал? Или принял желаемое — а может, и нежелаемое — за действительное? Или просто схалтурили, реальные медосмотры перед отправкой на практику провести поленились, хотя и положено, сто пудов, а взяли да поставили нужную дату на старых данных? Это проверять долго, муторно, да и ни к чему. Виновных разве что наказать за халатность, только ведь уйма лет минула. Их, виновных, одних, как говорится, уж нет, а те далече. Срок давности опять же.

Так, это ни о чем, это отставить. Попросить Иванова И. И., чтобы поприспальнее поработали с окружением Осокиной М. С. и Шиловой М. Г.? Чтобы аккуратно, этак по душам, побеседовали на предмет личной жизни пропавших девушек? Навели чтобы на откровения об их бойфрендах?

Тоже отставить, скомандовал себе Коммодор. Излишнее рвение — ну его. Сыском они там, в центре, пускай сами озадачиваются, а мне тут во многия знания — известно что.

Глава 21. Лечить так лечить Дата: неопределенность

Федюня трудился что было сил.

— Ах ты ж гуля моя гулюшка... — приговаривал он сдавленно. — Ах ты ж каковó под фостиком у тебе тёпло... ровнó какó у матки в утробé... а я вот такóвó ишшо... ах ты ж... ах ты ж...

Лавуня то и дело подвзвизгивала, все тоньше и тоньше, но при этом не упускала критиковать да руководить:

— Шибче, шибче, шибче... экий лентяй... старайся, ну... вот так муженек... шибче, шибче... на совесть старайся...

Федюня и старался на совесть. Что лентяем прозывает — это, он понимал, от «карахтера». А старался, по всему выходило, не зря: вот Лавуня перестала командовать, визги участились, сделались совсем тонюсенькими, почти что до неслышимости, а вот она замолкла, окостенела, будто в судороге, скрутилась вся, выдернулась из-под Федюни, пихнула его ножкой, откатилась на кровати, глазки закрыла, задышала тяжело.

Тоже и он: ухнул, рыкнул, в другую сторону откатился, тоже задышал.

Полежали так. Он и засыпать начал было, да Лавуня не позволила:

— Эй, муженек, — она хихикнула, — спать в ночь будешь, а то и в ночь не будешь. Ай не пондравилось тебе, ась?

— Что ты, что ты, Лавунюшка-голубушка! — встрепенулся Федюня. — Как же ж не пондравилось! — Добавил мечтательно: — Ишшо и рóдишь таперя... двоёх — мальчика да девицу...

— Чего удумал, — презрительно протянула она. — Нет. Выкуси. Рóдить не стану. Выкину.

— Ай! Пошто ж такóвó-то?

— Пошто-пошто... А вот по то! Потому — как рóдишь, так и баловаться уж не придется. Старухи так сказывали. А мне не баловаться нельзя. Давай-ка, помело дырявое, не спи, захрапел уже, ишь! Ты давай сызнава старайся, да на совесть!

Она опять хихикнула, перевернулась, привелась в готовность.

— Сердечíшко мое, — забормотал Федюня, — дык я ведь... каковó ёно, голубушка... отдышатися бы мене... такóвó ведь и взаправдóчки со свету сжívуся...

— Старый ты, — вынесла вердикт Лавуня. — Сживу со свету, не сумлевайся, а себе молодого подыщу. Я вот, ты гляди, больная да слабая, намедни чуть не помёрла, а все одно баловаться желаю! А ты, гляди, вона какой...

— Колешко свёрбится... — невпопад пожаловался он.

Лавуня вдруг сменила гнев на милость, заворковала пронзительно:

— Ай! Колешко? Ой да ты ж болявый мой, да несчастный ты мой... Дай-ка приголублю колешко-то...

Протянула ручку, потербила больное место. Заньло еще сильнее, но почему-то Федюня воспрял, почувствовал себя в силе и возобновил старания. На совесть.

Потом задремали оба. Потом Лавуня пробормотала:

— Эй, муженек, кушать желаю... Вкусенького желаю...

Безжалостно толкнула Федюню в бок, приказала:

— Неча дрыхнуть, мымрюк ты ленивый! Беги, желёзок мне вкусеньких добудь, не то не подпущу боле! Пшел, пшел!

И правда, вспомнил он — весь Путников гостинец, что приносил суженой, уже съеден. Как тот Путник баял? Апатит? Спору нетути, апатит у женушки отмённый.

Делать нечего. Сполз с кровати, кое-как оделся, отправился к себе. Может, там что осталось?

Дохромал. На столе — три желёзки, впопыхах позабыл их тута. Укусные желёзки, да мало троёх-то. Прогонит Лавуня с троймя-то. Надобно сыскати поболе. На «нуль» иттити — енто нет, енто пушай лутшее прогонит, хучь насовсем. Стал быть — он посмотрел вниз, на пол, — стал быть, надобно наверх спущатися. Тож, конечно, прогнати может — тама желёзки-то обнаковенные, не сказати особó укусные. Какó быти?..

Федюня обратил, наконец, внимание на листок, прижатый миской и исписанный. Прочитал. Вздохнул горестно: э, мил человек мудан Путник, енто ж когда ж ты посулённое притаранишь?.. Жди-пожди тебе... Вздохнул еще тяжелее: наверх-то спущатися, а ишшо боле того опосля сюды вниз подниматися — а колешко-то?

Решил: отлежуся мало-мало. Глядишь, и поотпустит, и силов прибавится.

В фатерку не пошел. Прилег на лавчонку, начал было мечтать сладко: а уж Лавуне перепритараню, так с ей и побалу... Не домечтал — уснул.

Пациент всегда прав.

Так когда-то учила Марину мама. И поясняла: на самом деле говорилось — не в этом нашем времени и не в этих наших местах, — клиент всегда прав, или покупатель всегда прав. Читай книжки, дочка, там о тех местах и тех временах, которые забывать негоже.

Марина размышляла об этом и еще о другом разном, поднимаясь со своего уровня «девять» на нулевой. Четыреста шестьдесят ступенек, да по проспектам, да по параллельным узким коридорам... хватает на поразмышлять-повспоминать. Правда, уровни с седьмого по первый хотелось преодолеть побыстрее, там время быстрое, Мариной нелюбимое, но все равно — проскочишь, а уже сколько передумано...

...Книжки, да. Марина к ним пристрастилась, мама радовалась. Но воспринимались эти книжки как сказки. Веселые или грустные, со счастливым концом или с трагическим, яркие или «в пастельных тонах»... очень Марине нравилось это словосочетание — «в пастельных тонах»... Все они — сказки, что про Дюймовочку, что про даму с собачкой. Марина читала, ясно воображала себя то порхающей от цветка к цветку, то прогуливающейся по набережной Ялты, но, отложив книжку, еще яснее осознавала: настоящее — вот оно. Град Марьград, его уровни, его обитатели. Другого ничего нет.

Еще были учебники. Мама занималась с ней и со всеми ее сестрицами-подружками по разным предметам. Чудно, удивлялась тогда Марина: предмет — его можно руками потрогать, а, например, арифметику или химию разве потрогаешь? Или еще слово: дисциплина. Это вообще-то — вести себя правильно. А, например, физика или русский язык — при чем тут поведение?

Но осваивала все охотно — было интересно. Когда мамы не стало, продолжила заниматься, сестриц-подружек уговорила. Те послушались. Они Марину-старшую всегда слушались, вот и Марину-младшую — почти так же. Конечно, форс держали: дескать, ты, Маришка, мала еще нам указывать... но, в общем, слушались. Разве что книжками не

увлекались, но это и при маме так было. Предпочитали сказки в виде фильмов, концертов, шоу развлекательных, записанных не пойми где и не пойми когда... Ну, еще склонность проявили кто к чему: Иришка и Аньчик — к оранжереям; дядя Саша им понатаскал семян, удобрений, грунтов таких-сяких мешками, книжек опять-таки, но специальных, с руководствами как что выращивать. Олюшка с Томочкой рукодельничали по-всякому — шили да вышивали, рисовали да лепили... Кто что. А сама Марина — книжки читала и, главное, медициной занималась. По маминым стопам. И, отчасти, по ее памяти.

Мама, помнится, все изумлялась: как это так у нас здесь — не у Местных, а у нас — одни только девочки рождаются? Да не просто девочки, а точные копии своих мам! Кто папы — то неизвестно, так строго-настрого заведено... если только сердце тебе подскажет, говорила мама... но сердце молчало. И ни единой черточки ни от кого из Свящённых не было в девочках! И от дяди Саши, само собой, тоже... Партеогенез, удрученно говорила мама, абсолютная аномалия; как будто мужской биоматериал всего лишь подает сигнал к инициации плода. Анализ ДНК сделать бы. Увы, именно для такого анализа в Марьграде не нашлось ровным счетом ничего. Все, казалось бы, есть, а этого нет.

Аномалия... А что у нас здесь не аномалия, заключала, бывало, мама.

...Между тем Марина выскочила из уровня «раз». И сразу почувствовала прилив сил: время здесь катилось неспешно и дышалось здесь спокойнее. К Бывшей Башне пошла уже не торопясь.

...Пациент всегда прав, учила мама. Неприятный он, даже противный, даже злоющий — а прав. Потому что он болен. А если даже и здоров, то все равно он несчастный, и потому опять прав. Мы врачи, наше дело — лечить. Да, мы можем, а то и должны быть строги. Но не ради того, чтобы поставить противного пациента на место! Нет! Просто чтобы не мешал! А дальше, говорила мама, лечить так лечить!

Мы врачи... В какой-то книжке Марина вычитала слово, которое ей очень понравилось: врачей. Женщина-врач — ну не врачиха же, фу! Так себя и называла: врачей. Как в умных книжках пишут — позиционировала.

Сама же и придумала мысль в развитие маминой: врачей обязана быть гуманной. Пусть даже ее пациенты не совсем homo или даже уже совсем не homo. Тут-то как раз нужна особенная гуманность! Сестрицы-подружки, и мамы, которых осталось две — тетя Галя и тетя Мила, и их же ровесница, но ничья не мама — тетя Эля, и единственная здесь бабушка, хотя и тоже ничья — бабушка Таня, и тем более дядя Саша и Свящённые — они-то, если болеют или просто обследуются, все понимают. А Местные не понимают ничего, потому их и жальче.

...Вот и Бывшая Башня. Собиралась же настрогать для Веруни лакомого? Собиралась, и для Клавуни тоже. Ну так вперед!

Пришлось помучиться. Ножницы то и дело заминали металл (попросить дядю Сашу наточить, напомнила она себе!). Однако справилась. Две хорошие связки получились, тяжеленькие, а что полоски не очень ровные — это ерунда!

Решила сегодня звездами не любоваться. Что-то неясное словно поторапливало, звало к себе, на Отшиб. Психосоматика, наверное, какая-то.

Почувствовала опять перебои. Подождала. Прошли, сердце нормально работает. А это, скорее всего, не психосоматика. Это, скорее всего, гормональное что-то, с созреванием связанное. Нужно будет общее обследование провести, для девочек-мам-бабушек-мужчин, а заодно самой обследоваться.

Ну, связки — в припасенные холщовые сумки, сумки — в руки, пошла назад.

Перед Клавуниным отсеком опять собрались зеваки. Правда, не толпа, как в прошлый раз, а всего пятеро. Смотреть было не на что, зато слушать — очень даже. Из-за двери доносился неопиcуемый храп, настоящее многоголосье. Присутствовали и басы, и дисканты, и даже, казалось, ударные.

Завидев Марину, слушатели подались по сторонам. Она приоткрыла дверь, заглянула внутрь. Клавуня, абсолютно голая, раскинулась на сильно смятой постели и издавала феерические звуки.

Зрелище было неприглядным, аудиосопровождение ему под стать. Еще и пахло ужасно — то ли нечистотами, то ли какой-то мерзкой секрецией.

Ничего-ничего, напомнила себе Марина. Врачей обязана быть не только гуманной, но и небрезгливой.

Освободила одну из сумок, искала, куда бы положить полоски, заметила в углу табурет, валяющийся на боку, поставила его на ноги, положила связку, тихо вышла.

Веруня, напротив, не спала — кормила.

— Все в порядке, Веруня? — приветливо спросила Марина.

— Какое в порядке, — угрюмо отозвалась мамаша. — Высосал меня всю, проглот обжорливый.

— Хватает корма-то? — уточнила Марина.

Веруня отодрала ребенка от левой верхней груди, поднесла к левой нижней. Пожаловалась:

— Грудя болят, мочи нет. Жрать охота, а этому хоть бы что, убить его мало! Вот попрем обое, то-то порадуетя!

Марина заметила забившегося в самую тень Местного. По-видимому, счастливый папаша... Стоит понурившись, молчит.

— Ты что же? — обратилась к нему Марина.

— Дык это... есть же... вон же...

На полке, в самом деле, лежал пакет с сухофруктами — молодец какой, мысленно одобрила Марина, — к нему в придачу с десятков металлических полосок, стояла банка с кислотой.

— Дык да дык... — горько передразнила Веруня. — Это несвежѳе, сам жри.

— Дык тады пойду я свежѳго приволоку, — робко сказал папаша и двинулся было на выход.

— Куды? Куды намылился, ирод? Чуть что, сразу за дверь норовит! У-у, образина...

Когнитивный диссонанс и послеродовая депрессия, определила Марина. Медицина в моем лице бессильна.

Выложила «желѳзки», благодарностей ожидаемо не услышала, направилась к себе.

Спускаясь, подумала, в который уже раз: и вот ради чего это все?

И себе же ответила: а не ради чего-то. Сейчас вот вернусь и объявлю на завтра всеобщее обследование. Потому что: лечить так лечить.

Глава 22. Я вас не знаю. 08.06.49, вторник / неопределенность

Стимулятор — штука мощная и непреклонная. Поэтому сна у Игоря не было ни в одном глазу. Зато желание привести себя в порядок было еще какое! Саша прав: потным, вонючим, колючим — и показываться дамам? Совершенно некомильфо! Так что это даже не желание, а насущная необходимость. Ну и желание, конечно, тоже...

Он с наслаждением принял душ. Нормальная водичка, ничуть не ржавая! Сопровождая Игоря в его «апартамент», Петя пояснил, что Местные без этой «ржави» жить не могут, а здесь и на Отшибе вода качественно фильтруется. Пояснил и отчего-то застеснялся. «Что это вы, Петр Васильевич, робеете? Меня не надо робеть, я свой», — сказал Игорь. Тот ответил, что не робеет, а просто очень сильно уважает старших, а вот если кто чего, то он, Петя, ого-го! — сдвинул брови, выпятил губы, взялся за рукоять дубинки. Но Игоря Юрьевича очень просит говорить ему «ты» и «Петя». Кстати, если чего простирнуть, давайте мне, Игорь Юрьевич, прямо сейчас, я все по стиралкам раскидаю... правда, через три часа еще не высохнет, но, может, у вас на смену что есть... и приборы ваши подзаряжу, они ж, наверное, подсели...

Опять стушевался, даже немного жалко его стало.

Игорь решил, что на Отшиб отправится в «гражданке», и с легким сердцем вручил Пете «милитари». Тот заметно приободрился, пожелал приятного отдыха и отбыл.

Душ... готово... голову и лицо отскоблить до полной девственности... готово... в зеркало на себя глянуть попристальнее... ну и рожа! Распотрошил рюкзак, вытащил свое «цивильное» — эх, все черное... с той стороны было уместно, здесь мрачновато... ну да выбирать не из чего... Оделся, нацепил бандану, опять посмотрелся в зеркало... так, пожалуй, ничего, сойдет. Впрочем, опять же выбирать не из чего. И не из кого.

Энергия так и клокотала — вероятно, стимулятор вышел на максимум. Показалось даже избыточным; присел в кресло, закрыл глаза, попытался пригасить напряжение. Без особого успеха; почти неудержимо тянуло куда-то нестись, что-то преодолевать, ставить какие-то рекорды. Забеспокоился: в таком состоянии появляться на Отшибе тоже не здорово. Перекурил; странно, но этот процесс немного успокоил. Подумал: перед самым выходом, если тонус не войдет в приемлемые рамки, глотнуть чуточку «Коктебеля». Наполнил фляжку. Все, готов.

Оставшееся время пролежал с открытыми глазами. Пробовал медитировать — не вышло.

Половина седьмого, кухня-столовая-«итэдэ». Все в сборе. На столе легкий ланч на шестерых — конечно, Петя расстарался. Видать, он тоже своего рода На-Всё-Про-Всё.

Подкрепились молча. Когда все закончили, Анциферов пристально взглянул на Игоря. — Да, — кивнул тот. — Вопрос все-таки назрел. Он вообще-то давно назрел, только я откладывал. Теперь решил — пора. Самое время. Собственно, вопросов два, но первый как бы вспомогательный. Предварительный. Он вот какой: скажите, уважаемые, а вот помните ли вы то, что было с вами до так называемого Покрытия? Что было с вами вообще, но главное — что было здесь? И если помните, то четко ли?

— Между прочим, это уже два вопроса, — придиричиво заметил Смолёв. И смягчился: — Хотя оба формально законные.

— Законные, но странные, — сказал Анциферов. — Отчего же не помнить? Местные, те да, не помнят. Для них до, как вы выразились, Покрытия, все равно, что до Сотворения мира. Или до Большого Взрыва.

— Это одно и то же... — пробормотал Игорь.

— Простите?

— Большой Взрыв и Сотворение мира — одно и то же.

Елохов и Смолёв ободрительно хмыкнули в унисон, Петя открыл рот, Анциферов пожал плечами:

— Спорно... Однако на ваш предварительный вопрос отвечаю: помним, конечно. Как все нормальные люди помнят прошлое. Кто-то лучше помнит, кто-то хуже; опять-таки что-то помнится отчетливее, а что-то — смутно. Игорь, мы здесь, по крайней мере, в этом смысле, нормальные люди! Если вы к этому клоните.

— Да нет, совершенно не к этому! И вообще ни к чему я не клоню! Короче, вот мой основной вопрос: помнит ли кто-нибудь из вас девушку, москвичку, студентку, поступившую на практику в медсанчасть предприятия? По имени — Марина. Очень прошу: только «да» или «нет». Помните или нет, и больше ни слова!

Долгое молчание. Казалось, не решаются ответить.

Наконец, Смолёв — удивительно, не Анциферов, а желчный Смолёв, — хрипло выдал:

— Еще бы не помнить...

Игорь встал, поднял обе руки, призывая не продолжать. Спросил, тоже хрипло:

— Саш, у нас пять минут есть?

— Семь есть. С половиной, хе-хе.

— Тогда предлагаю по пятьдесят граммов. — Он извлек фляжку из кармана. — У меня перевозбуждение, еле справляюсь. И не столько от обстоятельств — от них, наверное, без «пере». А «пере» — это от допинга, вот Саша знает, я впрыснулся, чтобы силы поддержать, а теперь через край. Чуток крепкого, может, смягчит. Надеюсь. А во-вторых — все-таки на удачу... по обычаю... И потом, с «Коктебелем» мне пока что не то чтобы везет, но по крайней мере жив.

Сделал маленький глоток, протянул фляжку не глядя.

— Ну что ж... — проговорил Анциферов, тоже вставая.

Провели фляжку по кругу.

— Переговорник, может, возьмешь? — предложил Саша. — А то есть у меня в запасе.

— Ну его... Ты рядом будешь, вот и ладно. Нож — да, его возьму. На всякий случай.

— Тоже правильно, — одобрил На-Всё-Про-Всё. И скомандовал: — Двинули!

— Рюкзак я здесь оставил, ничего? — сказал Игорь. Натянуто улыбнулся: — Как бы в залог, что не обману — вернусь. Еще потолкуем!

— Двинули, — повторил Саша.

Поднимались в спокойном темпе. Молчали. Достигли выхода на десятый уровень.

— Поскакало время потихонечку, — прокомментировал Саша. — Два к одному.

Игорь не отреагировал; и смотреть на часы не стал. Не отвлекался ни на что, кроме вот

этого — шаг за шагом, шаг за шагом. Правда, назойливо требовало внимания некое воспоминание, каким-то образом связанное со стимулятором — действительно, несколько утихомиренным. Оно, воспоминание, твердило о себе как об очень важном, но Игорь эти инсинуации игнорировал. Не отвлекаться: левой-правой, левой-правой.

— Спросить ничего не хочешь? — подал голос Саша.

Игорь помотал головой. Шаг за шагом, шаг за шагом.

Проспект Девять. По нему направо до упора, еще раз направо, и еще раз. Длинный коридор, площадка. С нее если наверх — это на восьмой уровень, но нам туда не надо. Нам — прямо. На Отшиб.

— Постой, — сказал Саша. — Предупредить же нужно. А то как снег на голову... Невежливо это. Хе-хе.

Нажал на кнопку. Отозвался низкий женский голос:

— Кто там?

— Это я, — заговорил На-Всё-Про-Всё неожиданно гнусаво, — почтальон Печкин, в смысле Речицын, принес посылку-не посылку...

— Сашенька! — обрадованно воскликнул голос.

— И не один, — сообщил он обычным тоном. — Встречайте. Вот удивитесь-то!

— Открываем, открываем!

— А не спешите, мы до вас пока дойдем, еще устанем!

— Все равно открываем! Соскучились! А кто с тобой, Сашенька?

— Увидите... — он подмигнул Игорю и не преминул отметить: — Во, без помех, считай!

Коридор — длиннющий, конца не видно. Профиль почему-то волнообразный: то вверх на полметра — так Игорь оценил перепады высот, — то вниз на столько же. Зачем так, подумал он? Ответил себе: пустой вопрос, ненужный. Здесь сплошные «зачем так», еще одно просто тонет в общей массе. Как и, например, многокилометровость этого коридора. Хорошо, пусть не «много» — наверное, все же короче, чем Слободка, — но уже пара верст пройдена. Что ж, на то и Отшиб.

Пол сделался строго горизонтальным, завиднелось окончание коридора. Как Речицын и рассказывал, дверь, звонок с ней рядом. Дверь — настезь.

— По графику дошли, — вполголоса сообщил Саша. И громко провозгласил: — А вот они и мы! А вы чего распахнулись? Не страшно вам?

Послышалось:

— Сашенька, да с тобой разве что страшно? Ну, кого привел?

Вслед за своим провожатым Игорь вступил в прихожую. Да, это была обычная прихожая, со шкафчиками, вешалками, галошницами. Дальше — еще одна дверь, из нее выскочила средних лет женщина, обняла смеющегося Сашу, смачно расцеловала. Посмотрела на Игоря.

В дверях стояли еще несколько женщин — того же возраста и помоложе.

— Я Игорь. Лушников Игорь Юрьевич. Здравствуйте. Я *стой* стороны. Из большого мира. Не знаю, как сказать, чтобы вы поняли.

— А они все понимают, ты не думай, — сказал Саша, — Верно, девчата?

Женщины молчали.

— Мне нужна Марина Осокина, — проговорил Игорь.

После торопливого ланча Марина обосновалась в своем — когда-то мамином — кабинетике. Пролистывала медкарты, просматривала протоколы предыдущих обследований, готовилась к следующим, начало которых назначила на завтра. Антропометрия, давление артериальное и внутриглазное, флюорография, ЭКГ, эхо, кровь — непременно биохимия! — плюс тщательный осмотр, пальпация и прочее и прочее... Для сестриц-подружек, для мам — еще и гинекология. Для бабушки Тани, Татьяны Леонидовны то есть... для нее, может, этого не нужно... ну, видно будет.

Очередность следующая: обитательницы Отшиба (набросала списочек, кто за кем), далее Свящённые с дядей Сашей вместе, а в самом конце она сама. Тут потребуется помощь. И хорошо — для той же Ольги практика. И вообще, пусть ассистирует с самого начала! Даже вдвоем пусть ассистируют. Ольга и Ирина. Правильно.

Эх, Местных бы хоть пару обследовать, по одному каждого пола. Страшновато, но интересно же! И, главное, полезно: лечение могло бы стать лечением, а не профанацией. А еще хорошо бы, как мама мечтала, хоть двух разнополых свежеумерших Местных вскрыть, попробовать в анатомии их разобраться. Но это уже слишком страшно, запредельно, хотя и должна была мама стать хирургом, и в наследственной памяти Марины многое по хирургии сохранилось... Нет, об анатомировании лучше забыть.

А, что зря рассуждать! Местных и на примитивный медосмотр не уговорить ни под каким видом.

Не отвлекайся, приказала себе Марина. Штудируй методики, благо пособий полно: раскопал дядя Саша в библиотеке, доставил, с избытком даже. Давно еще раскопал, по маминему заданию...

Мужчин обследовать... А ведь каждый из них может быть ее отцом. Но кто — тайна, так Свящённые постановили. Даже для них самих тайна.

Хорошо бы дядя Саша-На-Всё-Про-Всё. Он добрый, веселый, заботливый. Правда, он с всеми такой, а ей, Марине, разве что на самую чуточку больше внимания уделяет. Всего лишь потому, что она единственная врача, важная персона. Но и не в важности дело, вот еще. Просто ей то одно требуется по медицинским надобностям, то другое.

Иван Максимович... Едва ли. Петя — и подумать-то смешно. Павел Алексеевич... Не верится. Матвей Константинович... Этот, по правде говоря, тоже внимание проявляет... Помнится, и к маме проявлял, только та его сторонилась. И к ней, Марине-младшей, проявляет. Станным образом: придет иногда, сядет в уголке. Смотрит, молчит. Посидит так — и на выход. Еще запах от него бывает... не противный, нет, но чужой какой-то... машинный, что ли...

Грустно. Наверное, так надо, но грустно. Мама была Марина Станиславовна, а она — Марина Батьковна. И все девчонки ее поколения — Батьковны. Безотцовщина.

В кабинет заполюшно сунулась черноглазая сестрица-подружка Томочка.

— Маришка, все бросай, бегом давай! Там На-Всё-Про-Всё пришел, а с собой привел ты не поверишь, дядечку! Говорит, с *той* стороны! И тебя требует! По Марины, говорит, по Осокиной душу пришел!

Марина рывком вскочила, опрокинув кресло. Вдруг ее качнуло, в глазах помутилось. Но это сразу прошло, только во рту пересохло. Шепнула:

— Бегу...

Сначала шагом, потом бегом. Томочка сзади частила:

— Видный мужчина, представительный, хотя и в годах! И в черном весь, с ног до головы! А я сначала не сообразила, откуда это с *той* стороны, а он говорит, из большого мира, ну я и поняла, только не поверила, а На-Всё-Про-Всё стоит кивает, а он-то врать не станет, а тот в прихожей как встал, так там и стоит ждет, тебя ждет, ой, Маришка...

Марина отстраненно и холодно отметила, что никаких предчувствий у нее не было. Разве что, изредка, незначительная сердечная аритмия, но это ни при чем, это точно ни при чем.

Влетела в прихожую, все расступились.

Да, мужчина. Да, средних лет. Да, весь в черном. Да, видный, можно так сказать. Нет. Чужой, незнакомый. В унаследованной от мамы памяти, в той ее части, что всегда была в плотном тумане, приоткрылось окошко. Нет. Совершенно другое лицо. Весь облик другой.

Не он.

Жить расхотелось.

— Марина, — произнес пришелец. Как-то растерянно произнес.

— Я вас не знаю, — твердо сказала она.

Развернулась, пошла прочь.

— Марина! — крикнул он. — Я Игорь!

Вот. А мама завещала ждать Андрея.

Марина бездумно поплутала по Отшибу, обнаружила себя в дальней оранжерее, у нелюбимой стены-невидимки-обманки. За ней сиял яркий день, коварно звала к себе лесная опушка, но не осенняя, как бывало всегда, а безусловно весенняя.

Марина подтянула к себе плетеное креслице, села, уставилась на несуществующий лес, ни о чем не думая.

Игорь оторопел. Да ведь это же она! Необъяснимо юная, моложе даже, чем была тогда, двадцать лет назад, — но она, она, она! Вспомнилось, словно свет зажегся в темной комнате: почти одно лицо с любимой актрисой детства — чьего детства, моего? отца? деда? — да пропади оно все! — одно лицо с Анастасией Вертинской, только глаза не синие, а серые, одно лицо с его Гуттиэре, а он, любивший и умевший плавать, был ее Человеком-амфибией!

Он выкрикнул: «Марина!», кинулся вслед.

В дверном проеме внезапно выросла тучная фигура. Очень старая женщина строго спросила:

— Вы в своем уме, молодой человек?

— Пустите! — прохрипел он.

— А вы меня силой отшвырните, — предложила та.

Раздался Сашин голос:

— Леонидовна, он ей вреда не сделает.

— Почему я знаю? Он не в себе, я не вижу, что ли?

Точно, мелькнуло у Игоря в голове, не в себе.

— Леонидовна, — это снова Саша, — я с ним пойду. Прослежу, чтобы все тихомирно...

— Ох, Сашка... Ну, смотри мне...

— Спасибо, — пробормотал Игорь.

— В кабинете гляньте, — донеслось сзади.

Вдвоем они наведались в какой-то, и впрямь, кабинетик. Никого. В спальне, должно быть, предположил Саша. Тоже пусто.

— А тогда в оранжереях, больше негде ей быть, ага.

Прошерстили несколько — Игорь не считал — оранжерей. В самой дальней противоположная от входа сторона была с прорехой, а за ней манил к себе фантазмагорический лес. Бред, бред, сказал себе Игорь. И увидел у той прорехи плетеное садовое кресло, а в нем фигурку женщины... девушки.

Она услышала шаги, повернула голову, и тут свет в глазах Игоря начал быстро меркнуть. Сил не стало.

Успел впустить в мозг надоедливое воспоминание, добившееся, наконец, своего. Оно, это воспоминание, сообщило: в отделе 31/3 тебе, Маньяк, втолковывали, что стимулятор действует от двенадцати до пятнадцати часов. Гарантировано — двенадцать, дальше на ваш страх и риск, если вы ишак. А двенадцать часов будете как Геракл в Стране чудес. Но потом опадете, как жухлый лист. И прожухаете еще столько же. Если при опадании шею не сломаете. Имейте в виду.

Успел также обозвать себя дятлом: не поимел в виду, вылетело напрочь.

Последним, что воспринял, оседая на какой-то куст, был голос девушки: «Ой! Дядя Саша!»

Ее голос, узнал он. Ее.

И отключу...

Глава 23. Оттепель. Дата: неопределенность

...чился.

Нет, теперь включился. Осознал это, приоткрыл глаза. Под потолком пара ламп дневного света. Не горят. Лежать мягко. Укрыт чем-то легким, но теплым. Пощупал. Да, одеяло. Подушка под головой. Слегка нагрелась. Потер ногу о ногу. Похоже, раздет.

Услышал тихое:

— С добрым утром.

Повернул голову. Она. На стуле рядом с его койкой. Коротко остриженные каштановые волосы. Серые глаза сейчас почти черны. Взгляд напряженный. Просторная светло-салатовая куртка, на шее стетоскоп.

Откашлялся, ответил:

— С добрым утром.

Сел на койке. Так и есть, раздет. Осмотрелся. Типичная одноместная больничная палата. У противоположной стены столик на колесиках, на нем склянки, резиновые трубки, тонометр, какие-то нехитрые приборы. Над столиком неяркая лампа на гибком держателе. В дальнем углу инвалидное кресло. Рядом то ли скамья, то ли короткая кушетка, накрытая простынкой.

— Как вы чувствуете себя? — спросила Марина, пряча глаза.

— Да нормально...

Чертовщина какая-то.

— Тогда, пожалуйста, пересядьте вот сюда, — Марина показала на кушетку.

— Я не одет, — пробормотал он.

— А я врач! Врачей, точнее, но это все равно... Необходимо прослушать вас. И давление измерить. Хотя бы это. Не капризничайте!

— Да я ничего...

Решился, приподнял одеяло. Слава Богу, трусы на месте.

...Через несколько минут Марина подвела итог:

— Ничего патологического не прослушивается, давление в норме, визуально тоже норма. Но, полагаю, необходимы еще сутки покоя. Так что с вами было? У вас есть соображения? Перепугали нас до смерти...

Снова вспыхнуло воспоминание об инструктаже. И дополнилось: низенький пухлый малый, позывной Бурят, заканчивает тем, что после двенадцатичасовой отключки целесообразны двенадцать часов без подвигов. Без суперменства. Постельный режим не обязателен, но подвиги категорически не показаны. Опять же, говорит, на ваш страх и риск, но учитывайте: организм потребует восстановления, а вам может приспичить повторить инъекцию, так вот это чревато форсированным привыканием, наподобие наркозависимости в крайне тяжелой форме, и, в дальнейшем, при неразумном вашем поведении, нарастающим отказом всех систем с практически неизбежным летальным исходом. Три-четыре таких сеанса — и ку-ку, заключил тогда Бурят.

Спасибо, подумал Игорь, что стимулятор хотя бы не такой свирепый, каким кололи бойцов в недоброй памяти годы нестабильности: те продолжали переть в атаку с чуть ли не оторванными руками... Вслух он проговорил:

— Есть соображения. Сутки не сутки, а половина суток нужна. Черт побери...

— Александр Васильевич сказал, вы принимали что-то стимулирующее. Предположил, что причина в этом.

Игорь кивнул. Смущенно признался:

— Азарт зашкалил... Нужно было поддержать силы, а о последствиях совершенно забыл... Ишак... — Добавил: — Можно я уже оденусь?

Марина улыбнулась, но как-то невесело:

— Мужчины... как мальчишки... Одевайтесь, конечно. Приводите себя в порядок, санузел вон там. Потом завтракать. И попробуйте объяснить мне хоть что-нибудь, хорошо? Я вообще ничего не понимаю... И простите за вчерашнее. Нервный срыв, наверное.

— Женщины — как девочки, — перефразировал Игорь. — Между прочим, я тоже мало что понимаю. А, кстати, Саша... в смысле Александр Васильевич... он где?

— Помог мне доставить вас сюда, раздеть, уложить. Побыл немного, ушел к себе, в Резиденцию. Просил известить, когда в себя придете. Вот, пока вы будете собираться, я и извещу. Не переживайте, я подглядывать не буду, — опять улыбнулась, — я выйду, оттуда и позвоню. И переоденусь заодно, не в хирургическом же оставаться. У меня кабинет — соседняя дверь.

Завтракали вдвоем, в маленькой, довольно скромной кухоньке. Игорю досталось место спиной к двери. Пришлось немного сдвинуться — чтобы хоть краем глаза видеть вход. Давняя привычка, откуда взялась — не вспомнить.

Дверь приоткрылась, показалось женское лицо, Марина махнула рукой, сверкнула глазами. Дверь тихонько закрылась.

Девушка, похоже, собиралась с мыслями. Молчание затягивалось. Прервал его Игорь.

— Марина, — заговорил он, — во-первых, спасибо. За завтрак, конечно, и, еще более конечно, за заботу. Я там, в оранжерее, наверное, сломал что-нибудь, когда валился... Прости... те...

— Нет, обошлось без жертв... Пожалуйста, обращайтесь ко мне на «ты». А вот как мне к вам обращаться — не знаю.

— Если «тыкать» неловко, то не вопрос — «выкай».

— Естественно.

— Я понимаю. Я же теперь старше намного. Хотя и не понимаю... Ладно, на «вы» так на «вы». Но только по имени, без отчеств!

— Имя как раз и есть первый вопрос, — очень тихо сказала Марина. — Но прежде вот что: вы, наверное, принимаете меня за Осокину Марину Станиславовну? Каким-то чудом помолодевшую? Может, думаете, время, раз уж взбесилось, то где-то, для кого-то вспять двинулось? Думаете, этак я скоро в девочку превращусь, потом гукать стану, потом... не знаю что потом...

Игорь напряженно смотрел на нее.

— Ну так ошибаетесь. Да, я тоже Марина и тоже Осокина. И следую, как все, от рождения к смерти. Только отчества у меня нет. Понимаете?

— Все меньше и меньше.

Она засмеялась — нервно, почти истерически.

— Не надо волноваться... — начал Игорь. Тут же осознал, что ляпнул глупость. И рискнул. — Не надо, Гуттиэре.

Марина резко оборвала смех.

— Точно! Гуттиэре! Мама упоминала, да я и сама немножко помню! Но вы-то, Игорь, никакой не Ихтиандр! Ну? Дошло до вас? Дочь я Марины вашей Станиславовны! То есть не вашей, конечно, ее Ихтиандра звали Андреем, иногда Ихти-Андрюшей, а я ее дочь, а она завещала ждать его, а не вас, никакого не Игоря, ну, Игорь, Игорь, Игорь, поняли?! Откуда же вы...

Она внезапно успокоилась. Сказала:

— Мамы нет в живых. Уже больше года как нет, если по медленному времени. А по моему времени — почти два с половиной. О подробностях сейчас не хочу и не могу. Ее нет, а во мне сохранилась часть ее памяти. Кое-что — наверное, то, что считала главным, — она мне рассказывала, а кое-что я помню этой памятью. И про Гуттиэре с Ихтиандром, и про его имя, и как выглядит. Мама говорила: он придет, и все здесь изменится. А пришли — вы. Суррогат какой-то, простите уж... Может, объясните хоть что-нибудь? Хотя бы — откуда вы взялись? Это же с ума сойти недолго!

Ажитация заразительна, почувствовал Игорь. Справился с собой, ответил спокойно:

— А пришел — я... Не знаю, может, все-таки что-то и изменится здесь... А для начала — попробуй представить: вот я, кто бы я ни был, прихожу к... пусть не к любимой, пусть к друзьям, или к родителям, не важно... прихожу, говорю: здравствуйте, а мне в ответ: ты кто?! Так что насчет «с ума сойти» ты не одинока. Тем более, ты с Мари... с твоей мамой одно лицо, и фигура одна, и голос. Кстати, пока не начал о себе рассказывать, поведай — а папа твой кто?

— Понятия не имею. Умные мужчины решили, что продолжать род нужно анонимно. Инкогнито. И чтобы никто не знал, кто чей ребенок. Даже они, мужчины эти, чтобы не знали. А мама говорила, может, в шутку, а может, и нет, что мы, девочки, — результат партеногенеза. Знаете, что такое партеногенез?

— В курсе, да. А мама твоя, и правда, фантастикой увлекалась. Да и ты... мысль о женщине, растущей в обратную сторону, — это оттуда, из фантастики... Ладно. По существу.

Изложил, не вдаваясь в ненужные подробности, о том, как приехал в этот регион и остановился в Поселке, как ездил к Заводу и нащупал место для проникновения, как добился содействия профессионалов, как действительно совершил прорыв и что было дальше в течение двух безумных суток. А почему приехал, почему прорывался — об этом сказал просто: помню мою Марину, жить без нее не могу. Или могу, но не хочу. Нет, даже не так: смерти не жажду, но и жизни тоже, такая жизнь бессмысленна. Нет, и не так... Не могу передать, не могу слова подыскать. Любовь? Всепоглощающая? Хмыкнул: да ведь тоже слова, не более. Заключил:

— А почему оказался *не тем*, это опять же из фантастики только и могу предположить. Или из религии. Из мистики. Переселение душ. Что-то в этом роде. Бред. Ну, поняла что-нибудь?

Марина покачала головой:

— Скорее менее, чем более. Но все же хоть что-то. Спасибо... Да, спасибо, Игорь. Не что дальше?

— Знаешь, девочка, — очень серьезно произнес он, — не сочти за попытку втереться в доверие или что-то в этом роде, просто прими к сведению: ощущаю, причем по нарастающей, отношение к тебе... ну, как к родной... как к дочке. И, между прочим, не исключаю, что есть для этого и реальные основания, а не только мистические. У меня такая

аномалия с памятью — так может, не у меня? Может, у мамы твоей была аномалия? Пойми, я же помню, будто вчера... я же ее сюда, на практику эту, будь она проклята, сопровождал... мы на три дня раньше приехали, провели их вдвоем, на Заливе, сказочно... а потом я уехал, по работе что-то требовалось, точно не помню... Я с тобой сейчас предельно искренен. Хотя вообще-то, — Игорь заставил себя улыбнуться, — я больше интроверт.

— Да. Мама про эти три дня вспоминала. Как они с Андрюшей на Заливе... Не знаю я, у кого что с памятью, но мама завещала ждать *его* и была уверена, что я *его* почувствую. А *вас* я не чувствую, извините.

Она помолчала, вдруг нахмурилась, сказала, словно решившись на что-то:

— И спасибо за откровенность. Я на нее отвечу тоже искренне. Дочкой вашей я быть никак не могу, по времени не сходится. И его, Андрея, дочкой — тоже. Я гораздо позже родилась. А чувствую... да, что-то чувствую. Пока не разобралась, что именно. Во всяком случае, неприятия нет. За вчерашнее еще раз простите... Неприятия нет. Скорее, наоборот. Но все равно — что дальше?

— Дальше, — ответил он, — я позволю себе, как было рекомендовано, провести в относительном покое, без подвигов, еще несколько часов. Чтобы не сдохнуть невзначай. Жесткая вещь этот стимулятор. И дальше воздержусь его применять без крайней необходимости. А еще дальше — спущусь в Резиденцию. К Ивану и прочим. Буду думать, а они, ну вдруг, тоже придумают что-нибудь. Вообще-то есть такое наглое намерение — спуститься туда с тобой вместе.

— Да вы что? — засмеялась Марина. — Для меня, для всех нас...

— Знаю-знаю, — перебил Игорь. — Непреодолимо. Но я в последнее время стал уважать свою интуицию. А она мне нашептывает... ну, пока невнятно... Кстати, а что Саша? В смысле Александр Васильевич?

— Дядя Саша он для меня, чтоб вы знали... Да, мы с ним поговорили. Решили, что нужды в нем сейчас нет, но остаемся на связи. Как только, так сразу, это он сказал. — Марина улыбнулась, наконец. — И отправился по делам. Он же у нас...

— ...На-Всё-Про-Всё, — подхватил Игорь.

— Да. Это его так мама прозвала... Хорошо. Если вы отложили подвиги, — опять улыбнулась, — давайте вернемся в ту оранжерею, а? Я с вами побуду. Правда, назначала на сегодня большой тотальный медосмотр... но уже сказала девочкам, что откладываем. Форс-мажор потому что!

Встали. Забавно, подумал Игорь: я весь в черном, а она — в белом. Блузка навыпуск, брючки, мягкие спортивные туфли. Пробормотал:

— Лебединое озеро...

— Что?

— Да так... Черно-белые мы с тобой.

Улыбнулась почти весело.

Кажется, отгаивает девочка, порадовался Игорь.

— Что ж, веди в оранжерею.

К оранжереям шли бодрым шагом, в оранжереях — медленно, в самом конце дальней оранжереи остановились.

— Таки сломал я куст, — констатировал Игорь.

— Главное, сами не сломались, — отмахнулась Марина. — Бросьте это, смотрите — туда!

Да он уже и сам смотрел. И накануне тоже видел, только было совершенно не до того — лишь краем сознания отметил ирреальность картины. Сейчас оценил ее в полной мере.

Лес. Лужайка. Трава. Цветы какие-то. Птички — их, правда, не слышно. Солнечные лучи из-за высокого белого облачка на синем небе.

Иллюзия. Вроде тех вагонеток, только подлая: манит же. Манить и обманывать — однокоренные слова, невпопад подумал он. Вслух произнес:

— Так. Это дело надо проверить.

Шагнул вперед. Приостановился, выжидательно взглянул на Марину.

— Да вы что? — сказала она. — Здесь же не пройти! Здесь даже дяде Саше не пройти, и другим Священным тоже! Все пробовали! Я потому это место и не люблю: зовет к себе, а не подпускает! Девчонки с удовольствием глазают, а я нет.

— Я же вчера тебя здесь обнаружил, — удивился Игорь. — Вот в этом вот креслице.

— Вчера я просто сбежала от всех. Сидела, да, но... смотрела и не смотрела...

Игорь ощутил вдруг биение крови в висках. Затем сердцебиение почувствовалось в грудной клетке.

— Так, — повторил он. — Ты постой, а я все-таки попробую.

И сделал следующий шаг.

Неслышимый щелчок. Взгляд на часы: идут по-нормальному. Взгляд под ноги: плотно слежавшийся песок, а дальше травка.

Обернулся. Марины как не было. Оранжерея есть, причем одноэтажная, с черепичной крышей. Небо есть, сколько глаз хватает. А девушки нет. Опять фокусы, яростно подумал он. Озабочился: она там волноваться будет — он-то для нее, наверное, тоже пропал. Решил: я быстро.

Полный вперед!

Облачко откатилось, показалось солнце. Обычное солнце.

Прислушался. Щебечут те птички, щебечут. И насекомые какие-то звенят.

Миновал опушку, ладонью потрогал одно дерево, другое. Обычные деревья. Молодая листва. Выкурить сигаретку в этом, чтоб его, весеннем лесу? Хулиганства ради?

Нет, не стоит задерживаться. Жаль, но негоже так с девочкой. Пройтись тут как следует — необходимо, но — позже.

На обратном пути быстренько нарезал на опушке букетик ландышей. С ними вернулся в оранжерею. На этот раз протиснулся не без труда — ощущалось какое-то вязкое сопротивление. Вот был бы номер, подумал он, если бы проход закрылся наглухо.

Марина стояла, как изваяние. Протянул ей цветы. Взяла, словно во сне. И заплакала. Один в один моя Марина, плачет так же красиво, лицо не искажается...

Игорь обнял ее, содрогающуюся, почувствовал на груди горячее. Слезы... Почти невесомо погладил по волосам.

Потом Марина шагнула назад, хлопнула носом, призналась:

— Ночь не спала, в голове каша... Мне нужно часа четыре... по вашему счету времени, по медленному.

— Ты всю ночь около меня просидела?!

Она не ответила. Сказала задумчиво:

— Или стимулирующее ваше попробовать...

— С ума сошла! — возмутился Игорь.

— А что?

— Да то! И вообще, у меня его с собой нет, все внизу, а это — пока туда, пока обратно...

— Можно ускорить: дяде Сашу позвоню, попрошу, он до десятого поднимет, я навстречу...

— Думать забудь! Все, закрыли тему!

— Строгий вы... — с едва заметной ноткой лукавства обронила Марина. — А я балбесина! — Игорь вздрогнул, услышав словечко *его* Марины... — Балбесина! Вам же покой показан, совсем забыла! Тоже мне врача... сопливая... Все правильно, часа четыре, а вы как раз подумаете в тишине — что дальше? Хорошо? Я вас сейчас устрою, пустующих комнат много, и к себе пойду. Дяде Саше только позвоню и прилягу. А потом зайду за вами. Хорошо? Да не смотрите на меня так, у меня глаза красные и нос распух!

Все точно, оттепель. Но правда — дальше-то что?

Поживем-увидим, в который раз подумал он.

Глава 24. Otius, profundius, portius. Дата: неопределенность / 09.06.49, среда

Пребывать в покое, когда тебя мощно тянет куда-то, — дело мучительное.

Игорю вспомнилось, как знакомый — что за знакомый? нет, это в плотном тумане — рассказывал: ставили ему в сердце стент, через паховую вену вводили. Все хорошо сделали. А закончили, отвезли в палату, на койку перегрузили и говорят: давайте ногу вашу привяжем, вам же сгибать ее приспичит. Согнете — ка-ак хлынет кровяца! Чуть промешкать — и светлая вам память... Тот знакомый гордо отказался, решил силу воли проявить. Хвастался потом: целую, мол, ночь пролежал, ногу так и не согнул. Герой, ага...

У меня тут, усмехнулся Игорь, кровяца не кровяца, но тоже... Надо ж было додуматься в псевдо-(или не псевдо?) — лес попереться! Сказано же: подвиги отложить!

Что это я так о себе пекусь? — чуть не устыдился он. Всю жизнь, сколько помню, пренебрегал всякими ЗОЖами и прочим, до легкомысленности. Возразил: не о себе пекусь! Миссия у меня! Глупее всего было бы сорвать ее из-за пофигизма.

Устыдился уже совсем: миссия, скажите пожалуйста... о деле давай, о деле, и без пафоса, обалдел, что ли, всегда же ненавидел пафос!

Так, спать невозможно. Посмотрел на часы, чертыхнулся. Они же со вчерашнего вечера в режиме «два к одному», толку ли на них глазеть. Что-то вычислить можно, пусть и приблизительно. Но необходимости нет. По ощущениям — объективно сейчас что-то около полудня. Девятое июня, конечно; угу, скоро стукнет трое суток «миссии» — теперь употребил слово с иронией. Юбилей, однако.

Спать невозможно и не нужно — а нужно думать: что дальше?

Первое: считать себя полностью восстановившимся и — опять иронично — готовым к подвигам. Нет, это даже не первое, это нулевое.

По-всамделишному первое: обследовать квази-(или псевдо?) — лес как следует. Зачем? А затем, что вдруг там, в глубине неведомой, обнаружится граница Завода и через нее выход в мир? Ага, как же, на уровне минус девятого этажа... Впрочем, здесь все может быть, но... Выход? Одному? А Марина? А остальные?

Скомандовал себе в манере Коммодора: а-атставить! И еще скомандовал: учитывать пока только Марину. Об остальных — потом.

По-другому всамделишному первое: попробовать протащить Марину через так называемую перепонку. Из леса она туговатая какая-то... Значит, пойти, допустим, в жилые уровни Местных. А оттуда — на поверхность. Проверить свой проход — вдруг открылся?

Кстати, а что вообще изучено на территории Завода, кроме этого марьградского корпуса и его подземелий? Надо спросить у Саши, у остальных.

Вот. Настоящее первое: попробовать провести Марину к ним, вниз! Помнится, там и «перепонка» самая слабенькая. А интуиция — он прислушался — не намекает ли, что есть такой шанс, провести? Не понял, то ли намекает, то ли нет... Но если поразмыслить — я ведь сюда не голышом заявился, как Шварценеггер в «Терминаторах». С кучей барахла заявился. Да и здешние, все, кто туда-сюда шастать в состоянии, они же тоже не в чем мама родила. Стало быть, неорганика «перепонку» преодолевает, если сопряжена с таким человеком. А органика? Ну, надо полагать, что во мне всяких микроорганизмов-симбиотов полным-полно. Хорошо, а высокоорганизованная органика в лице Марины? Опять же, узнать

— не пробовал ли кто-нибудь женщин протаскивать? Типа в обнимку...

Есть, правда, еще вот какое рассуждение: я-то, Маньяк-Путник, — все же особая органика! Без хвастовства, просто как факт. Уже потому особая, что трое суток назад преодолел непреодолимое. А вчера в сюр-(или псевдоквази?) — лес сбегал туда-обратно без проблем. Так, может, и Марина — тоже особая? Все-таки она со мной, хочет или не хочет, верит или не верит, а сопряжена. И с памятью у нее, опять-таки, вроде как у меня, что-то особое... с той лишь разницей, что у нее есть наследственная часть памяти, а у меня какая-то непонятная прорывается, то ли своя, то ли не своя... Ихти-Андрюши упомянутого, что ли?..

В общем, попробуем вниз. К тому же, ведь обещал вернуться. Потолковать, ха. Между прочим, Федюне тоже обещал. Не забыть бы.

Решено. А потом, как варианты, и чертов лес разведать, и на поверхности всю территорию прочесать, и развалины проверить, и периметр простучать, как На-Всё-Про-Всё делал, и... и тэдэ. Именно как варианты, в зависимости от.

Однако это лишь тактика. А что у меня по части стратегии, спросил себя Игорь? Вернуться в мир вместе с Мариной, пусть и не той? А, опять же, остальные? Включая несчастных наверху. Бросить? Плюс ко всему, еще и без медицины всех тут оставить...

Он не сумел найти ответа. Осознал только, что целеполагание заметно меняется по сравнению с тем, каким было до прорыва. Приоритеты меняются. Нет, о приоритетах неправильно говорить «меняются». Усложняются, вот так правильно. И пока все в процессе, все неясно. Ну и ладно, трое суток не срок — глядишь, и вызреет понимание.

Мысли поехали в сторону. Странно, подумал Игорь, что мое появление здесь воспринято довольно вяло. Казалось бы — люди в заточении, возможно, пожизненном, полная безнадега, лишь призрак упования на чудо... и вот происходит — пусть не само чудо, и даже не призрак его, а признак, но признак же несомненный! Вот он я, человек *оттуда!* Очевидный же признак того, что есть, есть шанс на освобождение! А они что? О тех, кто наверху, кто считает свой верх низом, о Местных то есть, — о них не будем. Но те, которые внизу, которые остались полноценными людьми — они-то что? Квелые какие-то... Ну, пришел и пришел, и на здоровье. Я бы на их месте взял такого пришельца в оборот — ой-ёй! Ну-ка немедленно показывай — где просочился, как просочился?! Бегом, не перечить, какие еще тебе женщины?! По шее давно не получал?!

Нет. Все спокойно так, вежливо, с учтывым пониманием. Или я был настолько убедителен в спиче своем на тему «отпустите меня»?

Вспомнил о спиче — сделалось слегка неловко.

Или все у них давным-давно перегорело? Как Саша откровенничал — смирились? Или это синдром Одиссея из песни — старобылодавной, вспомнил Игорь Федюнино словечко, — из песни, в которой сказано: «Невозможно вернуться в свой дом не однажды оплаканной тенью из мрака»?

Хотя тот же Саша уверял: ждут, а если не ждать, то и жить незачем... Странно. Нечеловеческая какая-то реакция. Может, они и не совсем люди уже? Или как раз люди, каких большинство? Идет как идет, вот и пусть... Тоже из старинного: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков»...

А у Марины-маленькой реакция естественная, понятная. Потому, что она маленькая? Не успела *онечеловечиться*? Или потому, что она дочь своей мамы?

Ладно, хватит. Еще раз взглянул на часы — машинально. Еще раз выругался —

вполголоса. Впрочем, время наверняка есть. Поднялся, вышел из комнаты, отправился в дальнюю оранжерею — тянуло туда.

В оранжереях — их четыре одна за другой, целая анфилада — светло, зелено, пусто. Правильно, что пусто: на Отшибе ночь. Отшиб... нелепое название, даже дурацкое, а почему-то не раздражает.

В дальней оранжерее — и благоухание райское, и разноцветье феерическое, и даже легкий сквознячок, то справа, то слева. Очертания помещения геометрически неправильные; наверное, стиль модерн... На Гауди похоже, только там такое снаружи, а здесь внутри.

Подойдя к выходу, Игорь увидел: обследовать нечего. Леса нет как не было, вместо него заснеженное поле, поземка. В отдалении, немного справа, просматривается одинокая покосившаяся изба; нет сомнений — давно и навсегда покинутая кем-то. Намного дальше, совсем на грани видимости, тускло подсвеченная черная полоска — может быть, как раз лес. Угрюмое небо; вероятно, день, только неприветливый, мягко говоря.

Из упрямства все-таки шагнул за условный порог. Так и есть: посвист ветра, вихри враждебные. Ха-ха. Разглядеть что-либо — трудно, так и лепит в глаза, а они еще и слезятся. И холодно. Очень холодно.

Назло — кому? а не важно... — выкурил сигарету. Отщелкнул окурок — любопытно, что с ним будет дальше? этого не узнать... — зачерпнул горсть, слепил снежок, вернулся в тепло оранжереи. Опять не без усилия — да, перегородка-перепонка здесь нестандартная. Тоже любопытно.

Снежок сразу начал интенсивно таять. Игорь пристроил его под куст, едва не пострадавший вчера, — как бы в порядке компенсации за беспокойство.

Ухмыльнулся, прислушался к себе. Настроение адекватно боевое, самочувствие нормальное! Не хуже, чем всегда, и не лучше — свят-свят-свят, — чем нужно. Все, растаяли последствия допинга, как тот снежок!

Подтащил к проему давешнее креслице, сел лицом к пытающейся лютовать зиме. Депрессия от картинке не грозит, вот еще. Чай не девочка. А какие-нибудь идеи, может, и придут.

Идеи не пришли, но пришла Марина. Шаги ее распознал мгновенно. Затем и голос — не отличить от маминого:

— Выспалась. А что это вы... Ой!

Стремительно обогнула кресло, приникла к невидимой стеночке. Отпрянула, проговорила:

— Вот это да! Никогда здесь такого не видела! Осень все время, а вчера вдруг весна, а теперь вот это... — Обернулась, взглянула на Игоря, предположила: — Наверное, ваша работа...

— Не исключено, — улыбнулся он. — Но я не нарочно. Зато, смотри, снега немножко принес, вон под тем кустиком. Настоящий снег!

— Тоже никогда не видела... в кино только... а здесь уже растаяло, жаль...

Игорь встал, протиснулся наружу, набрал снега в ладонь, вернулся, протянул Марине.

— Спасибо, — серьезно сказала она. — Вчера цветы, сегодня снег... Спасибо.

— Марин, — спросил Игорь, — а тебе сколько лет?

— Медленных будет одиннадцать, это Священные отсчитывают. А биологических — уже шестнадцать, это тоже они, но вместе с мамами и со мной. А может, и не «уже», а «еще»: я родилась раньше всех сестриц-подружек, в один год, но немного раньше, а им уже по двадцать. Потому что они почти все время здесь, а я затормозилась — часто на «нуль» хожу, в медленное время... ну, в ваше...

— Сходим вместе, — пообещал он. Добавил задумчиво: — А мне пятьдесят скоро.

— Это я знаю, вычислила... А сходить — сходим, только сначала вы скажите — почему сюда переместились? В лес хотели?

— Без тебя — нет, не хотел. Просто потянуло. Надеюсь, здесь думается лучше.

— И?

— Нет. Что в комнате надумал, то и осталось.

— Но что-то надумали!

— Меньше, чем хотелось бы, но... чем богаты.

— Прежде чем начнем, что вы надумали, у меня просьба, — сказала Марина. — Давайте вместе на «нуль» поднимемся? Я вам показать хочу что-то.

— Давай, — согласился Игорь. — Я тебе тоже кое-что покажу там.

— Я готова!

Он внимательно посмотрел. Верно, готова: сегодня вся в антрацитово-сером — кроссовки, джинсы, рубашка поло. Для вылазки самое то. И в цвет глаз... Одна лишь сумка, на плече висящая, не в тон — белая, с красным крестом.

— Прекрасно. Только еще прежде надо бы чуточку подкрепиться. Кофейку бы...

— Точно! — воскликнула Марина. — Торопыга я... Пойдемте! Что-что, а кофе есть! И не помешает никто, еще же пяти утра нет!

Выйдя из корпуса, Марина повернула было налево. К башне, догадался Игорь. Остановил:

— Сначала туда.

— Там граница... Не люблю... Даже из оранжереи смотреть, и то лучше: там хотя бы все ненастоящее... непонятно — цветы настоящие, снег тоже, а в целом все равно обман... а через границу все настоящее, но совсем недоступное...

— Не факт, что настоящее, — покачал головой Игорь. — Не уверен. Но не спорь, сначала — туда.

— Вы, наверное, оттуда пришли! — догадалась Марина. — Конечно, пойдемте!

— Только осторожно, — предупредил он. — С дорожки ни шагу в сторону!

— Слушаю и повинуюсь...

Обогнули Сашину страшилку, приблизились к вагонеткам.

— Здесь, — показал Игорь. — Ты постой пока.

Нырнул под сцепку, проверил — глухо. Вернулся к спутнице, повторил вслух:

— Глухо.

Марина сунула ему медсумку, ринулась вперед, скользнула под ту же сцепку, ударила кулачком. Вылезла, не глядя на Игоря взяла сумку, молча двинулась обратно. Когда миновали корпус, сообщила:

— Ту дорожку На-Всё-Про-Всё расчищал. Он говорит, в том месте когда-то какую-то

вспышку увидел, случайно.

Игорь кивнул. Именно там, значит, «почти прорвало», как Саша рассказывал. А Коммодор упоминал об «эксцессе с фиолетовой вспышкой». Видимо, оно самое и есть.

А Марина продолжала:

— И на всякий случай поставил там монстрика своего смешного. А эта — была мамина, теперь моя. По сторонам, конечно, ужас... разгрести бы побольше, а лучше — все. Субботник бы, да Местных разве заставишь...

— Ничего, — утешил Игорь. — Зато имеем наглядную иллюстрацию энтропии.

Добрались до башни.

— А вот это место я люблю, — сказала Марина. — Изнутри звезды видно! Хотите посмотреть?

Он кивнул, сдерживая улыбку.

— А с той стороны, — поведала девушка, — огро-омная куча железных листов... Ой! Вы же здесь наверняка были! Это же вы аккуратно-преаккуратно кусок выпилили? Что же со мной такое, медленно соображаю...

Игорь не выдержал, засмеялся.

— У меня вообще ум за разум. А выпилил, да, я. Но звезды ты мне все равно покажи. А потом еще напилем, пригодится. А, дьявол, нечем же резать!

— У вас ум, а у меня ножницы по металлу! Туповатые, правда...

...Любовались долго — Марина звездами, Игорь, скорее, Мариной. Потом накромяли «желёзок» — он справился довольно легко. Потом пошли к корпусу.

— Совершенно непонятное место, — сказал Игорь, указывая на вход в Слободку.

— Да, — отозвалась Марина. — Я туда ходила, там бесконечность какая-то.

— А я до конца этой бесконечности таки добрался. Стена, в стене дверь железная, в двери окошко крохотное, за окошком вагонетки — тоже граница, как ты называешь. Только место другое. И тоже недоступное. В программе следующих этапов у меня — вытрясти из Александра что-нибудь мощное режущее и вскрыть ту дверь. Но это позже. А пока — заглянем-ка к Федюне. Сектор «раз-раз».

В «отсечке» было пусто. На столике лежал, прижатый огрызком «желёзки», листок, явно из Игорева блокнота, только его запиской вниз. И красовалось, накарябанное разнокалиберными печатными буквами:

«ДАРАГОЙ ПУТНЕГ ЙА ПАШТИШТА НИ РАЗАБРАМШЕ ШТО
НАКОЛЯКОМШЕ КАГ КУРЕТСО С ЛАПАЙ А ЙА У ЛАВУНЕ ЕСЛЕЧО А
ЖЫЛЬОСКЕ ЙА ЕЙ САВРАМШЕ ШТО САМ ДАБЫМШЕ НИ ВЫДАЙ ЕСЛЕЧО Т
ФИДОСЕЙ»

— Молодчина какой! — восхитился Игорь. — Ладно, эти оставим здесь же. Марин, пишущее есть что-нибудь?

Даваясь смехом, она вынула из сумки фломастер. Игорь приписал в самом низу листка, тоже печатными:

«ДОРОГОЙ ФЕДЮНЯ! НЕ ВЫДАМ, КОНЕЧНО! СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ! Т

У Лавуниного отсека остановились, прислушались. Оттуда неслись повизгивания, вскрики: «Шибче!», неразборчивое бормотание: «Ах ты ж!»

Марина опять засмеялась — постаралась не в голос.

— Деликатность наше все, — изрек Игорь, когда они отошли подальше.

...Потом они спускались и спускались; уровень за уровнем; на девятом Марина вопросительно взглянула на Игоря, он отрицательно покачал головой; ниже, ниже.

Одиннадцатый. Для пробы Игорь преодолел барьер. Без проблем. Шагнул обратно. Мельком подумал: бедные часы, особенно механика. Почувствовал учащающееся сердцебиение. Оценил как недостаточное.

— Марина, адреналин с собой?

Вздернул рукав футболки, подставил бицепс:

— Коли.

Та замешкалась. Повторил ровным тоном:

— Коли.

Послушалась.

Мелькнуло: прежняя Марина, *моя* (или не моя?) Марина тоже пыталась всем распоряжаться, но при таком его тоне немедленно подчинялась...

Отогнал от себя сантименты — не время.

Укол.

Сердце начало ускоряться.

— Молчи.

Взял девушку на руки, что есть сил прижал к себе, сделал шаг. Ощутил отчаянное сопротивление проклятой перегородки, уперся, выжимая из себя максимум, сделал еще шаг — шажочек на самом деле. Почувствовал неслышимый и неосязаемый щелчок. Сопротивление прекратилось.

Поставил Марину на ноги. Взглянул на часы. Идут нормальным темпом, как положено.

Выдохнул:

— Один к одному.

Спросил:

— Ты латынь знаешь? Медикам вроде преподают.

Марина не ответила, только помотала головой и посмотрела на него изумленно. То ли от моего вопроса изумление, подумал Игорь, то ли от того, что поняла: прошли.

Пояснил:

— Был такой олимпийский девиз, на латыни: Citius, altius, fortius. Быстрее, выше, сильнее. А у нас — по-другому. Если не путаю, хоть я и Путник, это будет... э-э... otius, profundius, portius. Не спеша, в глубину, в даль. Пошли, девочка, пошли! Нет, звонить не нужно. Будет умникам очередной сюрприз. Ночь, наверное, но ничего, успеют еще отоспаться.

Часть 4. Низ-верх: медленное время. Глава 25. «Не совсем» и «совсем не». 10.06.49, четверг

...Стало тихо. Игорь по-прежнему придерживал Марину за плечи, хотя озноб уже отпустил ее.

...А перед тем они спускались с одиннадцатого уровня сюда, на пятнадцатый, и казалось, что Марина шагает, как сомнамбула. Игорь отобрал у нее медсумку — отдала безропотно. В «конференц-зале», лишь слабо освещенном над кухонным уголком, девушку затрясло. Игорь усадил ее на ближайший стул, сел рядом, придвинулся вплотную, плотно обнял. «Нервное», — выдавила Марина. Чуть позже, запинаясь, назвала препарат, попросила найти в сумке и сделать инъекцию — тоже в руку, как и она ему колола. Потом, преодолевая себя, взяла «связную коробочку», повернула на ней колесико, подала рацию Игорю, показала кнопку, пояснила: «Дядя Саша».

Тому Игорь сообщил, что вернулся, и не один, и ждет всех немедленно. Он подчеркнул: немедленно! Ответа слушать не стал.

Тем временем крупная дрожь перешла у Марины в едва ощутимую. Девушка закрыла глаза, привалилась к Игорю, засопела тихонько. Должно быть, задремала.

Потом один за другим явились обитатели Резиденции. Выглядели живописно: кто в одних трусах, кто и вовсе в простыню завернулся. Выделялся Петя, успевший облачиться в свою черную униформу.

Увидев Марину, буквально потеряли дар речи. Игорь без предисловий и подробностей рассказал о преодолении «перепонки» с Мариной на руках. Теперь ждал реакции. Все молчали.

...Тишину нарушил Елохов — закашлялся. С этого началось постепенное оживление. Солировал, разумеется, Анциферов.

— М-да, — задумчиво произнес он, поправляя простыню. — А ведь Илья пробовал такой трюк с Марией. Помните, товарищи? Только у него не получилось. Он и прямым ходом пробовал, и задним... Задним чуть не уронил Марию: его-то препона пропускает, а ее — ни в какую. Говорил, еле сумел удержать... Мариша, полагаю, знает эту историю.

Марина, не открывая глаз, отрицательно качнула головой.

— Мама не рассказывала? Ну, хотя... м-м... можно понять... И вы, Игорь, конечно, этой истории не знаете.

— Во-первых, — жестко ответил Игорь, — не тянули бы вы, Иван. А во-вторых. — он смягчил интонацию, — может, перейдем на «ты»?

— Нет, — отрезал Анциферов, ставший, наоборот, решительным. — Если о причинах отказа не догадываетесь, то объясню. Но позже. Сами просите не тянуть. Сейчас — про Илью и Марию. Считаю это важным. Петруччо, — внезапно прервался он, — а не сотворишь нам всем кофею? Не в службу, а в дружбу, а? Предлагаю всем на этот раз по двойному эспрессо. Мозги прочистить.

Петя кинулся выполнять, а Иван вернулся к теме:

— Тянуть не буду, но начать придется все-таки... э-э... несколько издалека. Повторяю: считаю важным, чтобы у вас, в свете происшедшего только что, была полная картина предыстории.

Говорит, как пишет, подумал Игорь. Ничего не поделаешь. Махнул рукой: давайте, мол.

— Представьте себе, Игорь, тот день. Двадцать восьмое июля двадцать девятого года. Суббота, народу на предприятии относительно немного. Это, кстати, бо-ольшая удача, что изолировало нас в выходной. Кабы в рабочий — не знаю, что было бы. Пятнадцать тысяч взбесившихся, подумать страшно. Но и те, что на работу вышли, тоже, как говорится, дали жару! Ситуацию уразумели не сразу, но уж как уразумели, так и началось, будто пожар лесной. Тотально — паника, истерики, поиски виновных, мордобой...

— Вскрыть оболочку не пытались? — спросил Игорь, зная ответ.

— Естественно, дорогой! А как же! Лупили по ней, кто руками-ногами, кто головой, с воплями. Тяжелыми кувалдами долбили, инструментом всяким резали, химикатами травили, огнем жгли. Саня чуть позже все это тоже делал, только системно. Сами понимаете, все без толку. Хотели вагонетки валить. Но сообразили, что они до препоны не достанут.

— Как минимум в одном месте достают.

— Это уже позже узнали. Еще хотели крайние вагонетки, из тех, что всегда были, а не тех, что взялись невесть откуда, опоясали территорию, таранить препону машинами да экскаваторами всякими не давали... о чем я... а, ну да... по одной вагонетке с каждого края хотели отцепить и как раз на таран пустить. Посмотрели — а там рельсы пропали.

— Да? Это для меня новость.

— Теперь старость... Да. Стрелять пытались. Петя вот не даст соврать, он же у нас в охране служил, вооружен был. Но огнестрел отказал. Весь и везде на территории. И под ней. И над. Кстати, спасибо, Пьер, за кофе.

Игорь поднес чашку к губам Марины, та прошептала: «Горячо. Пусть остынет».

Анциферов пожевал губами, покачал головой.

— Безумие длилось три дня. За это время, кстати, человек пятнадцать покончили с собой. А главного инженера, Елисеенко Виталия Яковлевича, казнили.

— Дельный мужик был, — заметил Елохов.

— Как это — казнили? — изумился Игорь.

— Очень просто. Буянам виновный требовался, вот и нашли козла отпущения. Повесили его.

— Ну и ну...

— А что вы хотите от толпы, да в таких обстоятельствах... Ему, кстати, вменили еще и отчество. Дескать, Яковлевич — значит, еврей. Бей жидов... Уже и погромы намечались... Но до этого не дошло, потому что началась мутация. Результат вы видели. Взрывная мутация, и почти поголовная. Протекала она у каждого несчастного буквально за сутки. Вчера был нормальный человек, по крайней мере внешне... ну, подавленный, ну, психующий... а то и выдержку сохраняющий... оно как-то не выбирало... вот, вчера человек, а сегодня... Из них многие мёрли тут же... Кстати, смутьяны, включая убийц, мутировали все до одного. Смирными заделались, ничего не понимают, ничего предыдущего не помнят, что с них взять...

Он залпом допил кофе, потребовал:

— Дайте водки, что ли.

Петя споро извлек из холодильника бутылку, из шкафчика — семь рюмок и блюдечко с сухариками, поставил все на стол, разлил, старательно всадил пробку обратно, повернулся к Елохову:

— Павел Алексеевич, вот помню, вы учили, что если бутылку не закрыть, из нее за секунду испаряется... а сколько молекулярных слоев испаряется — забыл. Тридцать?

— Двадцать, Петя, двадцать! — ответ прозвучал раздраженно.

Нервничают, подумал Игорь. Но все равно как-то... он не нашел точного слова... как-то не так, в общем... немножко напоминает спектакль в самодеятельном театре: вроде и сюжет захватывает, и актеры стараются, а... не то чтобы совсем уж «не верю»... но видно, что это все-таки спектакль. Один только Саша в полной мере естественен. Потому он и На-Всё-Про-Всё. Вернее, наоборот: он потому естественен, что «на всё про всё». Ну, и Петя еще — тоже службу несет, не до представлений ему, да и простодушен несколько. Попытался вот напряжение разрядить... наивно, но искренне! В остальных же — режьте меня, а есть доля картинности.

Устыдился: они здесь двадцать лет. Двадцать! Прекрати немедленно, засунь свой скепсис в...

Анциферов между тем махнул водки, не обратив внимания, что пьет в одиночку, и продолжил:

— Градус до того дошел, что вот-вот — и все всех поубивали бы. Тут-то и выступили на, извините за красоту, авансцену супруги Акимовы, Илья и Мария. Он прежде был замначальника цеха, она в логистике трудилась. Обычные люди. Оказалось — нет, необычные. Илья стал, можно сказать, мозгом упорядочивания жизни нашей. Жить-то надо? Надо. То-то же. Вот Илья и организовал. Собрал группу из тех, кто еще в кондиции оставался. Мы тоже участвовали... Территорию обследовали по возможности досконально. А она-то менялась то и дело, причем непонятным образом. Все рушилось, как при бомбежке. Только бесшумно и незаметно. Строения, хоть и побитые, поразваленные, с места на место перемещались, тоже невозможно было уследить когда и как. То оно тут, то оно там. Некоторые вовсе исчезали, а другие какие-то появлялись. Как живые, право слово.

Он налил себе еще, пролив при этом — на две порции хватило бы. Судорожно выпил, заговорил снова:

— Короче говоря, нашли мы вот это наше с вами пристанище. Никуда оно не гуляло и не гуляет. Да, что выше первого этажа, то фактически снесено, на самом первом этаже — черт знает что, полная непонятка, выше — иллюзия, убиться легче легкого, если той иллюзии поддаться. Зато ниже — более чем пригодно для жизни. Сами можете оценить. Откуда все взялось — неизвестно, куда девались лифты, тоже неизвестно, кто устроил полную перепланировку, наставил препон и так далее — неизвестно. Но жить можно, и даже неплохо жить... Обустройство, значит, Илья. Мозг. А душой, не побоюсь слова, спасения, стала Мария. Чудотворица, по-другому не назову. Не красавица, совершенно нет. Махонькая такая... А вот же: тихим словом, мягким жестом, коротким взглядом, выражением лица — умиротворяла. Даже самых буйных! Не знаю, как это у нее выходило, но ведь выходило же! Не иначе — чудо.

Елохов опять закашлялся, а рассказчик вскинулся:

— А ты не кашляй, Пауль, не кашляй! Ты атеист, материалист, знаем-знаем, имеешь право, а только когда я о Марии рассказываю — не кашляй!

Елохов справился с приступом, ответил деревянным голосом:

— Да молчу я...

— Вот и молчи... Кстати, ее никто никогда не называл ни Машей, ни Марусей — Мария и никак иначе. Она об этом и не просила, просто так получалось. Тоже ведь маленькое, а чудо. Ну, в общем, Илья все спланировал, а Мария всех умиротворила. Это, я полагаю, куда сложнее задача... Умиротворила и привела сюда. В ее честь и нарекли наш, так сказать, град

Марьград. Она возражала, но тут уж и ее дара убеждения не хватило.

— Почему «Марь»? — спросил Игорь. — Почему не «Мари»?

— Просите не отвлекаться, а сами... Да, изначально так и хотели: Мариград. Но тут уж Марина запротестовала. Марина-старшая, понятно... Маришечки нынешней тогда еще и в проекте не было... Марина, значит, прямо ультимативно потребовала, чтобы с ней название града никак не связывалось. Ее-то имя тоже ведь на «Мари» начинается... Вот и нашли, так сказать, компромисс: Марья, как бы ближе к исконно русскому... Получился Марьград.

— Ясно. Продолжайте, Иван, пожалуйста,

— Я и не отвлекаюсь... Марии в итоге пришлось смириться. Настаивала только, что это не в ее честь, а в честь всеобщей Заступницы. Согласились так и считать. Очень уж ее любили. Можно сказать, почитали. Верхние, между прочим, ее не боялись! К нам, муданам, — Анциферов усмехнулся, — не причисляли. Нас-то боятся. Разве что к Сане вот попривыкли, да к Маринам обеим, но все равно с опаской. А Марию, мало того, что слушались, они ее любили и почитали.

— Боготворили, — произнесла Марина, не меняя позы и не открывая глаз. — Так мама говорила: боготворили.

— О маме твоей, Маришечка, особый разговор. Игорь, она вам про маму рассказывала?

— Очень мало. Только о том, что ее больше нет.

— Тогда и о ней поведаю. Чуть погодя. Про Марию вот закончу и поведаю. Тоже нужно, потому что ее, Марину Станиславовну, любили почти так же. Ну, заканчиваю. Мария потом заболела. Онкология, в безнадежной стадии. Сгорела за месяц. А когда еще догорала — тогда-то Илья и предпринял попытку.

— Пронести ее сюда? Зачем?

— Не сюда. Ниже нас есть еще один уровень, самый последний. На нем времени нет. Совсем нет.

Час от часу не легче, подумал Игорь. Вспомнил Федюнино: коченёлые. Вот оно что.

— Стазис, — пробормотала Марина.

— Можно и так сказать. Время там стоит неподвижно. У нас ведь как... нас изначально было больше. Но некоторым стало невозможно. И они туда... спрятались. Лежат себе, как будто спят. Уговор есть: когда — понятно, если — все изменится в лучшую сторону, мы их оттуда вытащим. Вот Илья и задумал: Марию туда устроить. До лучших времен, когда нас освободят. В мире, может, к тому времени изобретут что-нибудь и Марию вылечат. А то и лучше: полежит сколько-то, разбудит ее Илья — будет как новенькая. Но не получилось у него. Не поддалась препона.

— Я тоже хотел попытаться, — без выражения произнес Смолёв, сидевший чуть в отдалении и все это время не сводивший глаз с девушки. — Но мне отказали.

Он поднялся, чуть помедлил. Затем широким шагом покинул помещение. Елохов издал невнятный горловой звук, На-Всё-Про-Всё сказал:

— Это он про Марину-покойницу. Любил ее. Добиться ее хотел. Все знали.

— Без взаимности, — добавил Елохов.

— Я его дочь, как думаете? — девушка открыла глаза, села прямо.

— Никак не думаем, — ответил Анциферов. — Этого знать нельзя. А не исключено, что ты только своей мамы и дочь.

— Партеногенез... — проговорила Марина.

— Чего? — не понял Петя.

— Партеногенез, друг мой Питер, — настаивательно сказал Анциферов, — это, доктор Марина не даст соврать, однополое размножение. Женщина зачинает без участия мужчины. Рожает, естественно, точную свою копию.

— Как же без участия? — не понял Петя. — У нас ведь... мы ведь...

Анциферов прервал:

— Полагаю, не стоит здесь развивать тему при столь юной особе. Петюня, неудобно же, ты что?!

— Я врач, а не юная особа, — возразила Марина. — Петр Васильевич, поясню: мама предполагала, что в Марьграде инсеменация... иначе говоря, доставка спермы к яйцеклетке... служит лишь сигналом для запуска процесса. Слияния клеток, мужской и женской, не происходит, поэтому геном дочери в точности совпадает с геномом матери. На сто процентов совпадает. Получается копия.

— Извините... — пробормотал Петя.

— К сожалению, — добавила Марина, — одно из немногих исследований, для которых у нас здесь ничего нет, это как раз сравнительный анализ ДНК. Соответственно нет уверенности в полном совпадении.

— Кстати, Пабло, — сказал Анциферов, — обрати внимание на эту гипотезу. Ты вот упорный материалист, да? Всю чертовщину, у нас творящуюся, объяснить не можешь, однако твердишь, что рано или поздно, так или иначе, но найдутся строго научные истолкования. Да? Вот тебе еще один факт для научного объяснения: этот самый партеногенез. Даже два факта: второй — наша, прости, Маришечка, сексуальность. Она у нас проявляется только в определенные периоды, вроде гона у зверей. Да? А сие значит, что и мы, мужчины, уже не совсем люди, и женщины наши, еще раз прости, Маришечка, не совсем люди. Слава Богу, мы хоть не настолько мутировали, чтобы стать не «не совсем», а «совсем не», как те, наверху. Вот и объясняй все это... строго научно!

Один «не совсем», подумал Игорь, другой «совсем не», но общего между ними, между Анциферовым и Федюней, довольно много...

— И объясню, — мрачно заявил Елохов. — СТО эйнштейновское освоил, ОТО почти закончил осваивать, квантовую тоже... Наметки кое-какие уже имею.

— Осваивай-осваивай, — кивнул Анциферов. — А мне пока немного осталось досказать. Про Илью осталось. Он погоревал-погоревал, все надеялся работой себя отвлечь... на благо коллектива... а потом сдался. И лег в безвременье. Наказал поднять его, когда изоляция закончится. Вот. Про Илью и Марию доложил. Теперь про...

Игорь поднял руку:

— Спасибо огромное, Иван, за ценнейшую информацию. Мне кое-что становится понятным... хотя, конечно, еще очень много неясного. Я так понимаю, что сейчас моя очередь излагать. Да и вы еще не закончили. Но есть предложение. Информации много, ей бы улечься как следует. А глубокая ночь, все устали, Марина просто измучена — не спорь! — так давайте прервемся на несколько часов. До утра. Есть что обдумать и будет о чем поговорить. Петр, разместишь Марину?

— Не вопрос, Игорь Юрьевич!

— Договорились, так и сделаем, — подвел итог Анциферов.

— Не забыть бы своим позвонить, — сказала Марина. — Волнуются, наверное... И девчонок проинструктировать... вот я же врачей... взяла и сбежала...

— Да, часы еще выставить, — вспомнил Игорь. — А кстати, на том уровне, где время

стоит, часы тоже стоят?

— Естественно, — хмыкнул Елохов. И вдруг разразился: — У нас тут, как верхние выражаются, время медленное, для нас-то оно нормальное, а этажом ниже время стоит, как мертвое, и любые механизмы в нем стоят. Явление стазиса, чтоб ты знал, Джон хренов, — этот он, этак ядовито, Анциферову, понял Игорь, — наукой предсказано и объяснению подлежит непременно научному, вот так!

— Ой, все, — досадливо сказал Анциферов. — Гостям уже отдыхать пора, да и нам доспать не мешает. И форма одежды будет утром пристойная, — заметил он, поднимаясь и поплотнее запахивая простыню. — А то прямо табор какой-то.

— Бомжатник, — уточнил Александр.

Петя заново откупорил бутылку, хозяйственно слил в нее водку из шести нетронутых рюмок, убрал все по местам, повел Марину.

Разбрелись по спальням и остальные.

Укладывая услышанное в себя, а себя — в постель, Игорь мимолетно подумал: все-таки хорошие люди, пусть даже и «не совсем» люди. Отзывчивые. И героические. А что со странными странностями — ну так я в их шкуре не был, не мне и судить.

Глава 26. Годы уже не те. 10.06.49, четверг

Гриф: особая важность!

Откуда: департамент 31

От: Иванова И. И.

Куда: отдел 31/3

Кому: Коммодору

Дата, время: 10.06.49, 08:22 UTC+3

В дополнение к нашему от 08.06.49, 14:14 UTC+3.

Направляю Вам для ознакомления «Дополнительную сводку», представленную нам по нашему запросу Особым аналитическим отделом соответствующего компетентного органа (в сокращении).

«ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СВОДКА (в сокращении)

1. Фамилия, имя, отчество: Гольцман Анатолий Борисович.

Дата рождения: 05.01.06. Место рождения: г. Москва.

Отец: Гольцман Борис Михайлович, 1976 г.р., пенсионер. Мать: Василевская Светлана Викторовна, 1975 г.р., пенсионер. Брат: Гольцман Глеб Борисович, 2000 г. р., в настоящее время ведущий специалист НПЦ «Салют», женат, имеет двоих совершеннолетних детей.

Повторный опрос указанных лиц, а также членов семьи Гольцмана Г. Б., показал, что перед отправкой на преддипломную практику Гольцман А. Б. остро переживал разрыв с девушкой по имени Лена (фамилия и полное имя не установлены). Данная информация подтверждена выборочным опросом выпускников Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова (Институт клинической медицины им. Н. В. Склифосовского, кафедра травматологии, ортопедии и хирургии катастроф) 2030 года выпуска.

2. Фамилия, имя, отчество: Осокина Марина Станиславовна.

Дата рождения: 14.11.04. Место рождения: г. Королев Московской области.

Отец: Осокин Станислав Александрович, 1980 г.р., пенсионер. Мать: Осокина (при рождении Перова) Виктория Олеговна, 1981 г.р., пенсионер. Братья, сестры: не имеется.

Повторный опрос указанных лиц показал, что Осокина М. С. находилась в гражданском браке (интимной связи) с гр-ном Борых Андреем. По словам Осокина С. А. и Осокиной В. О., осенью 2029 г. предполагалась регистрация законного брака Борых А. и Осокиной М. С. Данная информация подтверждена выборочным опросом выпускников Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова (Институт клинической медицины им. Н. В. Склифосовского, кафедра травматологии, ортопедии и хирургии катастроф) 2030 года выпуска.

3. Фамилия, имя, отчество: Шилова Маргарита Георгиевна.

Дата рождения: 25.06.05. Место рождения: г. Ижевск.

Отец: Шилов Георгий Иванович, 1978 г.р. Скончался в 2046 г. Патологоанатомический диагноз: острая (внезапная) сердечная смерть. Мать: Шилова (при рождении Севостьянова) Татьяна Вениаминовна, 1983 г.р., пенсионер. Сестра: Шилова Любовь Георгиевна, 2009 г.р., инвалид I группы, не работает.

От участия в повторном опросе Шилова Т. В. и Шилова Л. Г. категорически отказались. Выборочный опрос выпускников Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова (Институт клинической медицины им. Н. В. Склифосовского, кафедра травматологии, ортопедии и хирургии катастроф) 2030 года выпуска, показал: Шилова М. Г. не имела интимных отношений с лицами мужского пола, так как являлась сторонницей (неактивной) движения ЛГБТ.

В связи с изложенным в п.2 настоящей Сводки проведена ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА, результаты которой приведены ниже.

Фамилия, имя, отчество: БОРЫХ АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ.

Дата рождения: 22.09.04. Место рождения: г. Каменск-Уральский Свердловской области.

Отец: Борых Валентин Михайлович, 1969 г.р., военный пенсионер по выслуге лет, в настоящее время старший методист краеведческого музея г. Каменска-Уральского. Мать: Борых Татьяна Алексеевна, 1978 г.р., преподаватель русского языка и литературы, в настоящее время директор средней школы № 34 г. Каменска-Уральского. Сестра: Борых Екатерина Валентиновна, 2008 г. р., в настоящее время заведующая библиотекой № 9 г. Каменска-Уральского, состоит в разводе, детей не имеет.

Семейное положение Борых А. В.: не женат. Ранее в браке не состоял.

Дошкольное образование: детский сад № 4 г. Каменска-Уральского.

Среднее образование: средняя школа № 34 г. Каменска-Уральского, выпуск 2022 г.

Высшее образование: РАНХиГС, Институт государственной службы и управления, присвоена квалификация «Бакалавр юриспруденции», специальность «Международное право и сравнительное правоведение» (выпуск 2027 г.). Копия диплома прилагается. С 2027 по 2029 г. проходил обучение в магистратуре РАНХиГС. Сведений о завершении обучения, защите магистерской диссертации и получении соответствующего диплома не имеется.

Трудовая деятельность: не зарегистрирована.

На действительную службу в рядах Вооруженных Сил не призывался. Прошел курс обучения в ВУЦ РАНХиГС. Воинское звание: сержант запаса. Копия военного билета прилагается.

Последнее место регистрации: Московская область, г. Реутов, ул. Южная, д. 15, кв. 147.

Опрос родителей и сестры Борых А. В., а также выборочный опрос выпускников РАНХиГС 2027 года выпуска подтвердили показания, изложенные в п.2 настоящей сводки, о близких отношениях Борых А. В. и Осокиной М. С. и их намерении зарегистрировать законный брак.

ВНИМАНИЕ!

А. Согласно данным Центрального архива ОАО РЖД, Борых А. В. сопровождает Осокину М. С. к месту прохождения ею преддипломной практики. Копии проездных билетов прилагаются.

Б. Согласно данным Центрального архива ОАО РЖД, Борых А. В. ежегодно, с 2030 по 2034 г., совершал поездку тем же рейсом и в ту же дату, а также обратные поездки. Копии билетов прилагаются.

В. 14.08.34 зарегистрировано заявление Борых В. М. и Борых Т. А. в правоохранительные органы о пропаже их сына Борых А. В. 14.11.34 Борых А. В. объявлен

федеральный розыск.

14.08.35 с Борых А. В. признан безвестно отсутствующим согласно Гражданскому кодексу РФ.

Копии соответствующих документов: прилагаются.

Фотопортрет безвестно отсутствующего Борых А. В.: прилагается.

Приложения: упомянутое.»

Постановляю.

Считать установленными личности:

1. Гражданки, поиск которой осуществляет Лушников И. Ю. (позывной Маньяк): Осокина Марина Станиславовна.

2. Гражданина, 28.07.34 совершившего попытку проникновения на объект 31: Борых Андрей Валентинович.

Довожу до Вашего сведения, что по нашему запросу правоохранительными органами РФ объявлены в федеральный розыск без ограничения срока вышеупомянутые:

1. Осокина Марина Станиславовна.

2. Борых Андрей Валентинович.

Также довожу до Вашего сведения, что по нашему запросу соответствующими органами подан запрос в Интерпол о международном розыске вышеупомянутых лиц, а именно:

1. Лушникова Игоря Юрьевича.

2. Осокиной Марины Станиславовны.

3. Борых Андрея Валентиновича.

Предписываю Вам: включить вышеупомянутых в состав лиц, разыскиваемых вверенным Вам отделом 31/3, и произвести соответствующий инструктаж личного состава сводной группы тергвардии, приданной Вам для патрулирования.

Фотопортрет Осокиной М. С. прилагаю.

Прошу незамедлительно сообщить Ваши соображения о несоответствии показаний Лушникова И. Ю. (позывной Маньяк) изложенному в вышеприведенной «Дополнительной сводке».

Коммодор выругался вслух, далее размышлял молча.

Это ж надо, отметил он, в кои веки меня даже за службу не поблагодарили! Ха. Видать, начальство не в настроении. А я, между прочим, тоже не в настроении! У меня тут с патрулированием, чтоб его поперек и еще по диагонали, полный дурдом. Третьи сутки без сна, только-только надеялся хоть пару часиков ухом придавить, так здоровья желаю — сводка. И требование сообщить соображения.

Стоит поаплодировать: портянка — по исполнению шедевральная. Воды в ней — как

минимум Залив. Коммодор покосился на окно. Залив, да... Спрашивается, например, за каким бесом вот это вот про Гольцмана А. Б.?! Они там, что, рассматривали Гольцмана А. Б. как возможный вариант любимой женщины Лушниковой И. Ю.?! Ждущей ребенка?! Поблагодарить, что ли, тов. Иванова И. И. — сжалился, в сокращении прислал...

Коммодор вздохнул. В принципе, понятно: настрочили уйму букв — значит, работали не покладая рук, командование похвалит. Но в общем-то, если воду отжать — а это мы умеем, — то нельзя не отдать должное: ребята в том аналитическом отделе дело свое знают. В кратчайшие сроки перелопатить столько информации, столько народу опросить, столько документов поднять из кучи разных ведомств и учреждений... Адова работка! А результат — есть он, есть!

Только вот что с ним делать? Лушников — не Лушников, а натуральный фантом... или Фантомас... Борых какой-то... Все у них разное, даже морды лица — Коммодор еще раз взглянул на фото — совершенно не похожие. Одно общее — Марина эта самая... роковая женщина... А что, в прямом смысле роковая! Один из-за нее без вести пропал, другой... про другого вообще ничего сказать невозможно.

Коммодор потряс головой, потер глаза. Соображения... На кой черт руководству мои соображения, да еще незамедлительно? Своих нет? Да, видимо, своих-то и нет. Так что причины мрачного настроения тов. Иванова И. И. — не бином Ньютона, как выражался Маньяк. Сознать свое бессилие — крайне неприятная вещь для высокого начальства. Потусторонним пахнет, а против потустороннего не попрешь... как ОГПУ против котэ Бегемота...

А мне, спросил себя Коммодор, каково в этой ситуации? Ответил: привык. Я тут двадцать лет потусторонним ведаю. Приказано контролировать, вот и контролирую в полную меру сил. То есть как контролирую? Наблюдаю, не более того. Причем наблюдаю тупо, не понимая сути. И докладываю.

Долго ли еще?

Вспомнил пожилого начальника диспетчерской службы в городском порту — тот перед каждым предновогодним сабантуем предостерегал: мужики, мол, не злоупотребляйте водкой! мужики, годы уже не те! Посмеивались, конечно... и употребляли, зло не зло, но употребляли — мама не горюй...

А нынче пора той маме уже горевать. Или еще нет? Не те уже годы или еще те? Ну, как говаривал инопланетный, не иначе, шпион Маньяк, поживем-увидим.

Так. Соображения вам, значит, тов. Иванов И. И.? Это в момент. И без воды, и без краткости сестра известно чего, или, что то же самое, кто ясно мыслит, тот ясно опять же известно что.

Болтаю безудержно, укорил себя Коммодор. Молча, а болтаю. Отставить. Да, и еще отставить ругаться и нечистого поминать. Прости Господи дурака грешного.

Решительно набрал ответ:

Гриф: особая важность!

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 10.06.49, 08:47 UTC+3

На Ваше от 10.06.49, 08:22 UTC+3 докладываю.

Патрулирование объекта 31, а также в черте городской застройки и на иных территориях проводится согласно Вашим распоряжениям от 07.06.49 UTC+3. Ваши распоряжения от 10.06.49, 08:22 UTC+3 приняты к исполнению.

Был соблазн добавить еще «Служу России!». Коммодор воздержался. И без того получилось достаточно дерзко. Ха.

Отправил. Все, теперь хоть бы часок не беспокоил никто.

Глава 27. И что с того? А то с того! 10.06.49, четверг

В кухне-столовой Игорь застал только Петю. Тот, облаченный в неизменную черную униформу, шумно поглощал овсянку и прихлебывал капучино.

Время не слишком раннее, скоро девять, но легли-то около четырех утра, а этот — как огурчик, оценил Игорь. И выбрит начисто, и форма свежевыглажена. Наверное, другой комплект.

Сам он спал плохо. Задремывал, начинали видеться какие-то картинки, мелькали обрывки сюжетов, в них участвовали Анциферов, Федюня, обе Марины, Коммодор, торговцы из поселка, квадрокоптеры с периметра; а возвращался в полное сознание — и ничего не вспоминалось из увиденного. Тонуло в неведомых глубинах. Тогда пытался заставить себя воспользоваться сознанием по назначению, обдумать хоть что-нибудь — все опять затуманивалось, всплывали следующие сюжеты. Или те же самые, поди знай. Потом все-таки пришло забытие, но ненадолго: что-то торкнуло — вставай!

— Привет, Петр! — сказал он. — И приятного аппетита! Да сиди ты, сиди!

— Доброе утро, Игорь Юрьевич! Спасибо! Кашку сварить вам? Овсянку, манку? Или яишничку сварганить, или...

— Не надо ничего, завтракай спокойно! Я только кофе... говорю же, сиди! Уж как-нибудь с кофе-машиной справлюсь...

Сев с чашкой эспрессо за стол, поинтересовался:

— Эким ты бодрячком... Неужели выспался?

— Я привычный. Могу и совсем не спать, хоть сутки, хоть двое, тоже ничего. Потом, конечно, нужно отдых себе позволить, и снова как штык! А нынче ночью и не ложился.

— Ого! А что делал?

— Дежурил, — сообщил Петя, понизив голос и округлив глаза. — Хорошо, что вы рано пришли. Думается, как раз вам и доложу. Остальным — как вы решите.

— Что такое? — встревожился Игорь.

— Да нет, по итогу все штатно. Но признаки — были! В общем, докладываю.

Содержание «доклада» не успокоило Игоря, а только усилило его беспокойство.

Первое. Когда Петя сопровождал гостью «на заселение в апартамент» (так он выразился), она расспросила, как бы из чистого любопытства, кто какой апартамент занимает. А занимают, на постоянной основе если брать: первый и второй с правой стороны — соответственно Александр Васильевич и Иван Максимович, первый и второй с левой — он сам, Петя то есть, и Павел Алексеевич. Матвей же Константинович живет в последнем по правой стороне, в десятом. Он, Матвей Константинович то есть, вообще любит дистанцию держать. Характер такой.

Второе. Марина попросила разместить ее в третьем апартаменте по левой стороне. Получалось ровно напротив апартаментов, в котором, пока на временной основе, разместился Игорь Юрьевич. При этой просьбе Петя немного напрягся, сам не зная почему. Нюх у меня, пояснил он, вот и почуял что-то. Соврал Марине, что в том апартаменте не оборудовано, предложил следующий. Согласилась. Показал ей там все, пожелал спокойной ночи. Выйдя в коридор, услышал: щелкнула она замком. Заперлась, значит.

Третье. Почуялось Пете, что гостя чего-то как бы побаивается. Потому сам он спать не пошел, а вместо того приволок из холла высокий табурет, поставил его в апартаменте, что

ровно напротив Маринино, тоже заперся на всякий случай, уселся и прикинул к дверному глазку. Хороший глазок, панорамный.

Четвертое. Примерно через полчаса послышались в коридоре шаги. Показался Матвей Константинович. Прошел сюда, в столовую. Потом обратно. Медленно так. На двери поглядывал. Перед какими даже останавливался. Словно в нерешительности пребывал.

Пятое. Такие рейды повторились еще три раза. Петя зафиксировал время каждого. Последний был длительнее предыдущих — начался в шесть сорок, закончился в семь ноль семь. К себе шел уже скорым шагом, по сторонам не зыркал, не притормаживал нигде. Задержался, по всему судя, в столовой. Факты это подтверждают: на столе — крошки табачные, в пепельнице — остатки пепла.

Игорь тоже закурил, а Петя отчеканил:

— Доклад закончил!

— Молодец! — искренне похвалил его Игорь. — И нюх твой молодец, и сам ты молодец! Ну, а соображения у тебя есть?

— У меня, Игорь Юрьевич, одно соображение и есть. Матвей Константинович в Марину Станиславовну был очень сильно влюблен. Думается, и по сей день не остыл. Мается. А наша-то Маринка — как две капли, только молоденькая...

— Что-что, а это мне понятно, — мрачно прокомментировал Игорь.

— Ох, вы же тоже... Извините, я как-то не учел...

— Ничего... А что «я же тоже» — ты имей в виду: для меня Марина нынешняя — дочь той Марины, *моей* Марины. Не реинкарнация, а дочь.

Петя совсем смутился:

— Я понял, извините еще раз...

— Ничего, — повторил Игорь. — Проехали. Ну и?

— Вот. Думается, не вышло бы беды. Матвей Константинович и так-то человек, как бы сказать, непростой, а как вы, Игорь Юрьевич, у нас тут появились, так и вовсе... короче, не в себе делается. Не покусился бы он...

— Слушай, да как это?! Он, возможно, ее отец!

— Так если не в себе человек... Короче, опасаясь я, не покусился бы...

— На тебя надеюсь, Петр! Я и сам, естественно... но вдруг мне отлучиться придется...

— Я-то постараюсь, не сомневайтесь! А вот как скажете — докладывать мне другим?

— Нет, — ответил Игорь. — Не нужно. Единственно кому — Саше. Александру Васильевичу. А лучше я ему сам все расскажу.

— Правильно, — с нескрываемым облегчением сказал Петя.

Отличный мальчик, подумал Игорь. Звезд с неба не хватает, заметно инфантилен, но добр, надежен, старателен. Мальчик... сколько ему — сорок, чуть больше, чуть меньше? Мое поколение... Загнул, какое еще мое... Я в день «Э» взрослым был, а он — совсем молоденьким. Практически всю жизнь — здесь.

— Как тебе живется, Петр? — спросил он.

— Да как... Жить можно, сами видите. Все есть, что нужно. Куда там — больше, чем нужно, в тыщу раз больше! И все бесплатно!

Это точно, усмехнулся Игорь. А я-то целую пачку купюр сюда притащил, последовал совету Коммодора. Федюне, что ли, отнести — вдруг по вкусу придутся? Правда, бумагу он, вроде бы, не жрет, «Работница» лежала необглоданная. Но деньги делают, кажется, из особого состава...

Тряхнул головой, вернулся к разговору с Петей:

— А не скучаешь?

— Что вы, Игорь Юрьевич! — ответил тот несколько даже снисходительно. — Когда мне скучать? Наверху, конечно, Александр Васильевич все обихаживает, но уж тут — моя служба. Прибрать то-се, чистоту блюсти, и продукты чтоб были, это, значит, со складов доставить в ассортименте, и стготовить, и отремонтировать что, бывает, по мелочи, и всякое разное, не перечесть. Ну, время если выдастся — в зал сбегать, на тренажерах поупражняться. Или на гитаре... — он покраснел, как будто в чем-то постыдном признался. — Я все учусь, учусь, самоучитель до дырок затер, только пока еще не особо выходит... А то кино посмотреть на планшете. Книжки-то я не очень, а кино люблю. Не-ет, скучать некогда!

— Понятно... Но я имел в виду — по дому не скучаешь ли? По родному дому, где родился и вырос?

— А, вы об этом... Так у меня там, считайте, нету никого. Друзья были — по школе, по улице, как не быть. Да позабылись давно, и не друзья они были, а приятели. Девушка одна нравилась... и еще одна тоже... но, как бы сказать, не по-серьезному. И с братьями отношения не ладились. Они, братья, двое их, меня намного старше, вот и пренебрегали. А то и обзывали — сикильдявкой жирной или еще как. И надсмехались.

— А родители? — спросил Игорь.

— А родители мои, Игорь Юрьевич, тут. В Марьграде в нашем. Батя в охране служил, он меня сюда и привел, как бы сказать, по наследству. Я после школы в мореходку хотел, а он сказал: годик тут послужишь, дисциплинки понюхаешь. Его прямо при мне прихватило. Скукожился батя, почернел, волосы повыпадали... и помер на другой день. А мать в столовке здешней работала. Что да как с ней — не знаю. Искал — не нашел. Думается, тоже скукожилась и померла. Или не сразу померла... да ведь все позабыла, а это равносильно... а потом и померла, наши двадцать лет для них восемьдесят. Так что тут они.

Игорь с силой воткнул окурок в пепельницу, закурил следующую сигарету. Предложил:

— Отдохнуть бы тебе хоть немного. А я пока здесь... подежурю.

— Да уж скоро все соберутся. Так что я, может, после отдохну, спасибо.

Завтракали вяло. Одна лишь Марина выглядела бодрой, мобилизованной, разве что чуть отстраненной. Анциферов и Елохов еле ковыряли ложками свои каши, а Смолёв и вовсе отказался от еды — отсел, традиционно, подальше и принялся вертеть самокрутки.

Анциферов отодвинул тарелку в сторону, заговорил:

— Игорь, вы правы, излагать теперь ваша очередь. Что сочтете нужным, то и излагайте. Но! — он поднял палец. — Но! Я обещал прежде объяснить, почему не перейду с вами на «ты». Нужно это?

— Сделайте одолжение.

— Сделаю. Причин две. Первая очевидна: вы не такой, как мы. Саня вот выдал, мол было нас пятеро, стало шестеро. Ан нет! Как было нас пятеро, так и осталось, а вы особь статья. Из нас пятерых кому под силу препону пробить? Никому. А вы пробили. В нашу сторону. Может, и в обратную пробьете.

— Пробовал, не получилось, — сказал Игорь.

— Это частности, — вмешался Елохов. — С той стороны на эту вас пропустили, а

пройдет время — и, как знать, обратно пропустят.

— Частности, да, — согласился Анциферов. — Далее. Марину вы сюда к нам провели. Повторю вопрос: из нас кому такое по плечу? Вопрос риторический, ибо никому.

— А еще, — тихо проговорила Марина, — Игорь Юрьевич из нашей дальней оранжереи выходил. Даже три раза. И возвращался, — она улыбнулась, — тоже три раза.

— Тем более, — сказал Анциферов. — Впрочем, кто бы сомневался... Кстати, расскажете же потом, как оно там? Однако не отвлекаемся. Первую причину я изложил. Вы не такой, как мы, поэтому какое может быть «ты»?

— Для меня нормальное, — обронил Саша.

— Ты у нас На-Всё-Про-Всё, — отмахнулся Иван. — И вообще это дело твое. Я никому ничего не навязываю. А лично для меня есть вторая причина. Имя.

— То есть? — удивился Игорь.

Анциферов хитро прищурился.

— Смотрите, — сказал он. — Я вот Иван, так? Сколько есть иноязычных вариантов моего имени? Иоганн, Джон, Джованни, Жан, Юхан, Хуан, Жуан...

— Ваню, Аванес, — подсказал Елохов.

— Да. У Павла тоже вариантов уйма: Поль, Пабло, Пауль и так далее. У Матвея — Мэтью, Маттео, Матеус и тоже так далее. У Александра...

Есть такое понятие — вязкость мысли, подумал Игорь. Прервал перечисление:

— Понял-понял. Но что с того?

— У вашего имени практически нет иноязычных аналогов! Скандинавское Ингвар отмечаем! Далее. У вашего имени нет огрубленной формы! Я вот — Ванька, Ванятка Ванюшка. Павел — Павлик, Павлуша, Пашка.

— Павка, — дополнил Елохов.

— Не мешай! Матвей — Мотька...

— Да понял я! — Игорь чуть повысил голос. — Что с того-то?!

— С того то, что не только вы не такой, как мы, но и само ваше имя не такое, как наши!

— Тьфу, — отчетливо выговорил Елохов. — Уши вянут.

— А ты, Паоло, их водичкой поливай, чтоб не вяли, — парировал Анциферов.

— Ага. Святой водичкой, — с невинным видом вставил На-Всё-Про-Всё.

— Еще один скептик... Говорю же: никому не навязываю! А свое понимание — его выразил! Да, чуть не забыл: имя ваше, Игорь, не случайно на букву «И» начинается! А наши имена, обратите внимание, апостольские! Александра не считаем, его те, мутировавшие, только за мудана и держат, а к Священным не причисляют! Все не случайно, все одно к одному! Паззл складывается! Не думаю, что вы вот прямо-таки *тот*, но что вы предтеча — почти уверен. Необходимо, разумеется, еще вас лично послушать, но тем не менее...

— Вы даете... — пробормотал Игорь. — А чего я предтеча?

— Не чего, а кого! Предтеча *того*, который.

— Который что?

— Который то! Не ясно разве?

Идиотство какое, подумал Игорь. Время теряем...

Елохов сформулировал кратко и четко:

— Игорь. Наш умник Иван намекает: вы — предтеча спасения. И, соответственно спасителя. Умнику видение было. Или много видений.

— Хотя бы не с большой буквы? — осведомился Игорь.

— Полагаю, с большой, — сообщил Анциферов. И уточнил: — Это вопрос веры.

Игорь оглядел присутствующих. Елохов откинулся на стуле, уставился в потолок; На-Всё-Про-Всё ухмылялся, откровенно веселясь; Смолёв курил с отсутствующим видом. Нужно было как-то сменить тему. Сказал первое, что пришло в голову:

— А кстати, Иван, объясните еще, почему вы все время имена вот так переиначиваете, на зарубежные лады?

Анциферов промолчал, вместо него ответил Саша:

— Развлекается.

А Елохов, не меняя позы, добавил:

— Он у нас гуманитарий.

— Тогда, — попросил Игорь, — рассказали бы, кто вы по специальностям. — Он принужденно улыбнулся: — Если не секрет. Обо мне вы знаете. Я знаю про Александра и Петра. И про Марину, конечно. А вы, Павел, Матвей, Иван, кем были?

— Были... — повторил Анциферов. — В жизни. А теперь сплыли. В загробное царство...

— Опять мистика, — констатировал Елохов. — Игорь, я заведовал теплоэлектростанцией. Заканчивал политех в Харькове. Матвей — программист, айтишник, в вычислительном центре трудился, а сам из Новосиба. Технари, да. А Ваня у нас по духовной части. Редактором он был нашей многотиражки. И образование соответствующее — журналистика, в тутошнем универе.

— Спасибо, — сказал Игорь. — Теперь, можно сказать, почти полностью познакомились. А дальше я предлагаю вот что. Давайте, Иван, чуть поменяем очередность наших... э-э... откровений. Давайте сейчас я... э-э... возьму слово. — Он понадеялся, что доля иронии поможет снизить пафос, так некстати созданный Анциферовым, а заодно и разрядит нервозность. — Расскажу... нет, поведаю... поведаю вкратце историю моих... э-э... походов... свершений? ну, вы поняли... историю за последний месяц.

Расценил молчание как знак согласия. Предупредил:

— Только, очень прошу и даже настаиваю: вторую часть рассуждений Ивана о моей особе оставим в стороне. Особость есть, не отрицаю, но более чем достаточно первой части: почему-то, не знаю почему, мне доступно то, что недоступно вам. Это просто факт. Вот и ограничимся фактами. Во всяком случае, до времени. Согласны? Спасибо. Поехали.

Глава 28. Спасибо за внимание. 10.06.49, четверг

Рассказывать он постарался максимально сухо. Совершенно не так, как ораторствовал накануне, заклиная: «отпустите меня». Нет, теперь — без эмоций, без всяких «я страдал», «я был потрясен» и тому подобного. Даже без оценочных суждений типа «мне показалось, что такой-то удивился». Только факты. И только существенные.

Приехал с Мариной сюда. Утром второго июля двадцать девятого года проводил до проходной. Вернулся в Москву. Перезванивались, переписывались ежедневно. Собирался приехать за ней тридцать первого августа. Двадцать восьмого июля произошло то, что произошло. Сначала было неясно, большинство сочло за фейк. Но Марина перестала отвечать. Метнулся сюда. Что было здесь, помнит плохо. Уже работала тяжелая техника, полиция тоже присутствовала, или это была тергвардия. Не имеет значения. Уехал.

Следующие двадцать лет тоже не имеют значения. Так Игорь объявил, а на самом деле вряд ли смог бы сказать что-то о том двадцатилетии. Туман. Но и правда: уже не важно.

Перешел к событиям последних полутора месяцев. Подсчитал, уточнил — сорока дней. Анциферов среагировал: «О-о, сорок дней... Сакральный срок!». Никто не обратил внимания.

Ежедневные обходы периметра, разговоры с дроном, выявление слабого места в оболочке, сердцебиение близ него, попытки контакта со спецслужбами, контакт, отдел 31/3 (без подробностей), финальная подготовка, прорыв. Секторы, Местные, Федюня, Слободка, Маринина башня, опять секторы, встреча с Александром.

— Остальное вы знаете, — заключил он. — Есть, правда, еще кое-что, оно важное, но это лучше пусть Марина расскажет. Ты как, Марин?

Девушка словно ждала этого предложения — заговорила сразу. Старалась выдерживать ту же манеру — эмоции в сторону. Начала с трех выходов Игоря Юрьевича из дальней галереи. Отметила, что с его появлением картинка изменилась: всегда там была осень, стала же весна, а потом зима. Реальные — Игорь Юрьевич принес оттуда ландыши, это в первый выход, и снег, это во второй и в третий.

Затем перешла к главному. Сообщила, что сразу увидела: Игорь Юрьевич — не тот, кого ждали Марина-мама и Марина-дочь. Все не то, начиная с имени. Призналась в своем полном неприятии и в том, что потом поняла: он ни в чем не виноват. Выдумать такие детали отношений с любимым, о которых знала только мама (и о которых поведала дочери), он не мог. Выходит, тоже знал. Ну не выпытал же их у настоящего мамино любимого! Да и смысл какой? Он же надеялся застать маму живую. Получается, Игорь Юрьевич и есть настоящий, кого Марина-мама ждала?

Она, Марина-дочь, разобраться в этом не может. Но к Игорю Юрьевичу относится теперь без неприятия. Наоборот. Спасибо за внимание.

— Ох-хо-хонюшки... — прокряхтел Анциферов. — А вы, Игорь, пояснить можете? Нет? Так и полагал... Однако разобраться желательно. Более того — необходимо. Потребно тщательное обдумывание. В тишине. Далее — обсуждение. Предлагаю вот как поступить: план наш все же выполнить — сейчас я о Марине Станиславовне поведаю, а после того сделаем перерыв. Паша, ты со своих позиций обдумывай, я — со своих. Матюша, а ты...

Смолёв вдруг расхохотался. Оборвав смех, проскрипел:

— Обдумыватели хреновы... Так, Иван, ты, значит, о Марине свет Станиславовне...

это... как ты сформулировал?.. поведать изволишь? Уволь, я внимать не хочу. Хватит с меня. В лаборатории буду. Понадоблюсь — позовете. В случае реальной надобности, ясно вам?

Он встал, направился в холл, ни на кого не глядя. Послышался глухой стук.

— По двери ногой засадил, — сказал На-Всё-Про-Всё. И заявил: — Я тоже пойду. Не потому, что слушать не хочу — просто знаю же это все. Ты, Максимыч, про планы обмолвился, а у меня-то планы как раз и горят. Наверстывать надо. По секторам пройтись, все ли ладно... И сервис сделать второму генератору. Давно пора, почихивает он. Если что, переговорник при мне.

— Саша, погоди! — крикнул Игорь вслед. — Один момент!

Выскочил в холл, вытолкнул Сашу наружу, быстро и тихо пересказал Петин отчет о ночных событиях. На-Всё-Про-Всё мрачно кивнул, повторил: «Если что, переговорник при мне», натянул кепку, завел роллер, рванул вверх.

Войдя в холл, Игорь обнаружил Марину, с отрешенным видом сидевшую в кресле. Удивился:

— Ты чего?

Девушка встрепенулась:

— А?.. Задумалась... А слушать про маму тоже не хочу. Все об этом знаю, что ж повторять...

— Ты спала как?

— Ничего... нормально... вы идите, Свящённые ждут.

Вернувшись в «конференц-зал», объяснил:

— Передал через Александра привет Федюне моему.

Затем устроился как можно ближе к холлу — чтобы в случае чего услышать происходящее там. Тут же сообразил: лучше поступить по-иному. Попросил:

— Петр, можно я тебя поэксплуатирую все-таки? Кофейку бы, а? — И успокоил Анциферова с Елоховым: — Пять минут, ладно? Кофе, сигарета... мозги прочищу...

Петя, похоже, мгновенно уловил замысел. Чашка эспрессо, стакан холодной воды, пепельница... нагнулся, спросил шепотом:

— Сказали СанВасиличу?

Игорь кивнул.

— Я при Марише подежурю, — прошелестел Петя. — Матвей Константиныч в лабораторию свою пошел, а она всего одним уровнем выше, а из нее снова до холла добежать — пару раз плюнуть...

— Спасибо, Петр! — громко произнес Игорь.

— Что у вас там за секреты? — с усмешкой поинтересовался Елохов.

Петя и тут нашелся:

— Это я извинялся, что раньше кофе подавал, а про стакан воды забывал, а тут вспомнил. — И объявил: — Посижу с Маришей. Тоже ведь все знаю про Марину Станиславовну, а Марише одной, может, скучно.

Он сделал было шаг, но остановился, развернулся и отбарабанил:

— Я вам так скажу. Вы, конечно, посмеетесь, а я все равно скажу. Догадка у меня есть. Игорь Юрьевич все тут у нас разузнает, во все вникнет, найдет как к себе вернуться, с учеными поделится, а те найдут как нас отсюда вызволить. Вот такая догадка. Только нет во

мне твердости насчет вызволения. Чего мне вызволяться? Мне и тут хорошо, а там я и не жил толком. Извините, если что не так.

— М-да, — протянул Елохов. — Вот что, уважаемые. Я ведь историю Марины-старшей тоже знаю. Оценки мои с Ваниными не всегда сходятся. Споров сейчас не хочу. Пойду к себе. Толком не спал, прилягу. А не усну, так попробую свои догадки, — он усмехнулся, — повертеть. Как Мотя сказал: понадоблюсь — зовите, не стесняйтесь. Хе-хе.

Игорь допил кофе, обратился к оставшемуся в одиночестве Анциферову:

— Давайте, Иван, отсыдем подальше и говорить будем вполголоса. Не хочется Марину лишний раз травмировать. Вот так, да. Отлично. Слушаю.

Излагая историю Марины-старшей, Анциферов старался держаться деловой манеры, заданной Игорем и Мариной-младшей. Получалось не абсолютно, но банальных метафор, театральных пауз, многозначительных повторов, игры тембрами было все-таки немного. Рассказал он следующее.

Из всех находившихся в тот день в медсанчасти, только Марина сохранила человеческий облик. Так она в первый раз оказалась здесь единственной в своем роде.

Совсем молодая; еще не дипломированный врач; вдобавок — приезжая. И, как выяснилось чуть позже, беременная. Но она справилась.

А справляться было с чем. Нет, против ураганной эпидемии первых дней бессильна была бы любая клиника мира. Но когда все более-менее стабилизировалось, когда оставшиеся в живых кое-как разместились в этих подземельях, позже нареченных Марьградом, и продолжили брэнное существование, — настал звездный час Марины. Вернее, звездные годы.

Коварное словосочетание! Под звездным часом обычно понимают период удачи, успеха, славы. Для Марины все оставшиеся ей годы стали временем адского труда и поистине святого подвижничества.

Вещи познаются в сравнении. Сегодня, спустя двадцать лет, жизнь в Марьграде налажена, все идет своим чередом. А тогда, в начале... Конечно, те, кому повезло не мутировать, иногда болели — но обычными человеческими болезнями. Стараниями Ильи, Александра, еще нескольких была в ударные сроки создана новая медсанчасть. Фактически — отлично оснащенная клиника. Обнаружили на нижних уровнях все или почти все необходимое, от богатейшего запаса любых медикаментов до компьютерных томографов, УЗИ-аппаратов и тому подобного. Перетащили все на девятый уровень, где разместились женщины — спуститься ниже они не могли, — и, по инструкциям и под контролем Марины, смонтировали, наладили, запустили. Туда же перенесли горы медицинской литературы, кем-то или чем-то предусмотрительно — или издевательски, как посмотреть, — приготовленной и даже систематизированной. Учебники, справочники, монографии, инструкции... Получилась обширная библиотека. Марине она очень помогла.

С хворями мутировавших оказалось хуже. Гораздо хуже. Болели они, кажется, все и постоянно, то одним, то другим. И главное — по большей части непонятно чем. Марина почти сразу поняла: они не люди и болезни у них не людские. Да, внешне — гуманоиды (хотя и фантастически обезображенные; впрочем, сами они искренне считают естественным именно свой облик, а нормальные люди видятся им страшными в обоих смыслах — опасными и уродливыми). Да, говорят эти так называемые Местные по-русски. Да — да-

да! — второе и следующие их поколения обладают врожденной способностью читать — кое-как, но тем не менее. Да, размножаются — весьма активно — половым путем.

При всем том они физиологически не люди. У всех хвосты, у самок по четыре молочных железы... да молочных ли? Марине удалось взять у кормящих образцы для анализа. Определилась странная субстанция с невероятно большим содержанием соединений металлов в составе. Всевозможных, включая даже радиоактивные, но это в фоновых количествах, а в основном — железа. Так что они и не млекопитающие. Начинают жизнь с железа в «молоке матери» и до самой смерти железом лакомятся. Похожие результаты дали анализы крови, лимфы, выделений. В последних еще и минералы всяческие выявились... Хотя показаны им также углеводы и еще что-то органическое...

Иной метаболизм, иная физиология; несомненно, иная анатомия. Марина вынашивала мысль о патологоанатомических исследованиях, надеялась, что это поможет лечить горемык. Не вышло: ход в «клинику» им закрыт, создавать «филиалы» на доступных Местным уровнях оказалось проблемно, да и свободной минуты у Марины не было. Когда она умудрялась спать — и то непонятно. Лечить толком не получалось, но облегчать страдания удавалось. Далеко не всегда, но достаточно часто удавалось.

Среди марьградских мужчин — к ним прилипло идиотское название «Свящённые» и еще более нелепое «Яврей», и было этих мужчин больше, чем сейчас, — среди них в какой-то момент едва не восторжествовало радикальное: прекратить любую помощь Местным. И по части быта — этим с самого начала занимался Саша Речицын, — и медицинскую. Радикализм обосновывали человечностью: люди кладут свои бесценные жизни на нелюдей, жизни которых никчемны! Между прочим, среди активистов был и Матвей Смолёв; он даже предлагал применить силу — держать Речицына и Осокину взаперти. До тех пор, пока нелюди не вымрут.

Александр тогда только посмеялся и предложил: «Ага, попробуйте». Марина же твердо объявила, что она врач и ее дело, если не лечить, то хотя бы просто помогать. Кому помогать, спрашивали ее, ты что, ветеринар? Мы одного корня, отвечала она. А сохранились бы в Марьграде, не исчезли бы загадочным образом все до единого животные — в беде не бросала бы и их.

Назревал серьезный конфликт. Мнения разделились. Решающее слово осталось за Марией. Она очень кротко попросила всех Свящённых подняться на Отшиб и еще кротче произнесла всего несколько слов. Предельно простых, обиденных. Воспроизвести их в точности позже не сумел никто. Это было что-то вроде: «Ребята, вы что?»

И тему сняли с повестки раз и навсегда.

Марина такого не умела. Но любили и ее, просто по-другому. Марию действительно любили и почитали, чуть ли не молились на нее. Она была «над», как отчаянно ни противилась бы этому. Нет, все сложнее: она была одновременно и «с», и «над». Стоило Марии появиться среди Местных — те сбегались толпами, и следовали за ней всюду, и сопровождали до самого входа на уровень, для них недоступный.

А Марина была только «с». Абсолютно своя для соседок по Отшибу и для Свящённых. Добрый доктор, умница, красавица... позитивная, жизнерадостная — несмотря на запредельные нагрузки и даже на выкидыш. О котором, впрочем, первое время никто не знал. Кроме, наверное, Марии...

Что до Местных, они Марину любили по-своему — уважали, слушались, но и побаивались. Была она с ними строга. По необходимости. Первое их поколение — можно

сказать, поколение родоначальников нового вида — болело непрерывно и почти поголовно. В следующих поколениях, в Местных, родившихся уже здесь, это несколько улеглось — эволюция, однако... А первые мучились жутко. Мало того, что хвори непонятны; донимала крайняя уязвимость к мельчайшим физическим воздействиям. Особой ловкостью взрослые Местные и ныне не отличаются. Дети-то вполне координированы и, кстати, довольно адекватны умственно. С возрастом деградируют, и начинается: например, неловко повернулся, слегка стукнулся лбом — шишка мгновенно, да не простая. У нынешних еще куда ни шло, а у «отцов и матерей-основателей» шишка вздувалась до размеров самой головы, а то и крупнее. Складки это позволяют, но боль, по-видимому, чудовищная; несчастный пронзительно воет, мечется хаотически, получает новые травмы... Марина исхитрялась обездвиживать такого страдальца буквально на мгновение и вводить эмпирически найденное успокоительное-обезболивающее. Укол сам по себе воспринимался как дополнительная боль, зато действовал быстро. И тогда Марине приходилось вскрывать нарост, сцеживать квазикровь вперемешку с квазигноем, колоть еще, потому что боль возвращалась... Потом все, как правило, проходило. Правда, один такой пациент умер прямо под скальпелем, но лишь один. Все остальные блаженно исцелялись — до следующего случая.

Вот и закрепилась за Мариной репутация избавительницы от боли через боль же. Уважали, подчинялись, но побаивались. Некоторые даже роптали. Она не уставала объяснять: врач жалеет не как все, врач бывает безжалостен как раз из сострадания. Слушали, кивали коричневыми своими складчатыми головами. И ничего не понимали...

Аналогично с режимом их питания. В самые первые дни процветало трупоедство. Это было кошмарное зрелище... К счастью, очень скоро они распробовали металл. Жрать умерших перестали, как отрезало. Переключились на железки, в агрессивных кислотах вымачиваемые. К счастью-то к счастью, но ведь необходимы им еще углеводы и грубая клетчатка, так Марина установила опять же эмпирически. Но это, видите ли, невкусно! Что на одном железе неизбежны преждевременное увядание и смерть, причем мучительная — попробуй растолкуй! Дети прислушиваются, взрослые же ерепятся, а у них и без того смертность высокая. Марине удавалось убеждать. И улучшение очень даже обозначилось, особенно у второго и третьего поколений. Возможно, естественный отбор так сработал.

Потом Марина родила. Она долго отказывалась от зачатия (которое — искусственное ради анонимности — сама сопровождала для других). Да и по возрасту не обязана была рожать. Однако решилась. Поначалу тоже из чувства долга: учить сверстниц не успевала, они и не рвались — не вдохновляла их перспектива проводить столько времени среди Местных. А Марина, вероятно, что-то почувствовала — и стала единственной уже во втором смысле: ее дочь, Марина-младшая, частично унаследовала память и знания матери. И, конечно, долг долгом, а материнские чувства проявились у Марины-старшей в полной мере.

Третий смысл уникальности стал для Марины-мамы последним. Год с небольшим назад она стремительно мутировала — единственная из всех, кто избежал этого изначально. Успела сказать, что, наверное, заразилась. Ее, уже в новом облике, устроили на пустующем уровне, резервном для Местных. Надеялись, что выживет хотя бы так.

Зря надеялись.

Теперь вместо старшей Марины — младшая. Очень старается; все очень боятся за нее; а она очень беспечна.

Рассказчик замолчал. На лице его появилось искательное выражение. Игорь выдавил:
— Спасибо.

Анциферов выдохнул, расправил плечи, стал выглядеть по-былому вальяжно. Вопросил звучным бархатным баритоном, достойным лектора общества «Знание»:

— Может быть, у вас есть вопросы? Впрочем, я, конечно же, понимаю: узнать такое о своей женщине нелегко, даже если она... э-э... неизвестно чья женщина. Примите мои глубочайшие соболезнования.

Заткнись уже, мысленно взмолился Игорь. Взял себя в руки, ответил:

— Один вопрос конкретный: где похоронена?

Анциферов ответил с той же важностью:

— Видите ли, этого я вам в точности не скажу, это лучше к Александру. Он в свое время усиленно копал вблизи границы, вот и пригодилось. И для Марины Станиславовны, и для Марии Григорьевны, и для других наших усопших... э-э... женщин. Я, разумеется, сопровождал каждую в последний, так сказать, путь, но указать координаты не смогу, ибо на поверхность выбираюсь... э-э... нечасто. А Александр там бывает, бывает. У нас там, можно сказать, кладбище. С видом на Залив. Правда, вид — это условно, поскольку...

Игорь перебил:

— Спасибо, я понял. Другие мои вопросы — самого общего плана. Задам их позже.

— Совершенно верно! — обрадовался Анциферов. — Тоже имею... э-э... не столько вопросы, сколько соображения, но тоже общего плана. Однако обсуждать их следует при наличии кворума и никак иначе.

Игорь взглянул на него в упор, постарался не мигать. Анциферов заметно ступевался. Кашлянул, открыл было рот, но в этот момент из холла донеслось дребезжание переговорника.

Глава 29. Остальное подождет. 10.06.49, четверг / неопределенность

Сначала Петин голос, затем Маринин. Слов почти не разобрать, Игорь уловил только: «Воды ни в коем случае!». Тон — жесткий, командный. Потом девушка появилась в «переговорной», выпалила:

— Мне нужно срочно... — осеклась, заговорила чуть спокойнее: — Извините, что перебиваю...

— Мы как раз закончили, — успокоил ее Игорь.

— От нас позвонили, мне срочно нужно туда, к себе. Еще раз извините, — она развела руками, — самой мне не пройти...

Игорь молча поднялся, а Анциферов спросил:

— Что случилось?

— Бабушке Тане плохо, похоже на инсульт. Девчонки в панике. Я проинструктировала, но это первичное, да и справятся ли... Нужно срочно... Игорь, я только медсумку возьму из комнаты.

Она пронеслась через холл. Петя, с озабоченным видом, зачем-то побежал следом.

— Служака... — усмехнулся Анциферов. Добавил меланхолично: — Татьяна, значит... Эх...

— Петя молодчина, — сказал Игорь. — Я тоже к себе, на секунду.

Да, бегом, раз такое дело. Схватил полиэтиленовый пакет с каким-то барахлом, вытряхнул все, пакет сложил, сунул в карман джинсов.

Выскочил в холл. Марина была уже там, явно на взводе.

На первом же марше лестницы Игорь посоветовал:

— Марин, чуть помедленнее. Путь все-таки не ближний, выдохнешься, а тебе нужно в форме быть.

Девушка сбавила темп. Режим подъема сменился с форсажного на крейсерский.

На одном из горизонтальных участков Марина спросила:

— Вы уверены, что обратно меня протащите?

— Увидим. Ты мне только скажи: склады для Местных, я помню, вроде на седьмом уровне, да и указатели же есть, найду, так скажи — в тех складах есть продукты? Если тебе моя помощь не нужна, наберу углеводов и чего там еще полезного, Федюне с Лавуней доставлю. Иван сказал, для Местных это главное питание.

— Да, углеводы и грубая клетчатка. Чернослив берите, в нем то и другое. Лучше с косточками. Склад «семь-раз», ближайший, чтобы им поближе было. Вы идите, конечно, мне помощниц хватит. Только потом загляните к нам.

— Естественно. Теперь молчим, бережем дыхание.

По ходу поглядывал на Марину, оценивал ее состояние. Убеждался — справилась с волнением, полностью контролирует себя, сосредоточена. Кажется, даже спокойна. В меру. Все как надо.

Подожли к «препоне». Марина вдруг спросила:

— Про маму Иван Максимович как рассказал?

— Слава Богу, без помпезности. Но с абсолютным почтением. Твоя мама была...

Он не стал продолжать. Ни к чему будоражить девочку, особенно сейчас. Подхватил ее

на руки, осторожно сделал шаг, второй. Третий. Преодолели. Без какого-либо сопротивления. В следующий раз, решил Игорь, надо будет попробовать ей самой. Может быть, однажды пропустило ее, пусть с моей помощью, это не важно... пропустило — и как бы запомнило. Как будто запрограммирована эта невидимая дрянь... Или наоборот: не запомнено, не запрограммировано, тупая дрянь остается тупой дрянью, а вот в человеке, принудительно «протаскеном», — в нем перестраивается что-то, появляется способность к «самопротаскиванию»? Или причина только во мне, в моей — Игорь внутренне усмехнулся — эксклюзивности? А если эксклюзивна еще и Марина, то Иван-говорун неправ: у Марины старшей, *моей* Марины было такое же свойство, они же с дочкой абсолютно одинаковы, и, значит, не трижды уникальна она была, а четырежды... Впрочем, это как раз проверяемо: беру какую-нибудь Маринину соседку, взваливаю на себя, преодолеваю чертову преграду... или не преодолеваю... можно еще с Федюней попробовать... и зазнобу его прихватить... помрут со страха...

Нафантазировал, однако. Все это вилами по воде писано, а главное — все это потом, потом. Одно только из головы не выкинешь: опоздал. Пришел бы сюда парой лет раньше — спас бы *свою* Марину. Хотя бы в тот стазис на шестнадцатом уровне погрузил.

А где я был, что я делал два года назад, попытался вспомнить он — и не смог.

Стоп, стоп, потом, потом.

И действительно — стоп. Девятый уровень, ход на Отшиб.

— Все, побежала, — сказала Марина. — Спасибо вам! И приходите.

— Мимо не пройду, — ободряюще улыбнулся Игорь. — Удачи!

В пути Игорю не встретилось никого — в том числе и в секторе «раз-раз»: по здешнему времени стояла глубокая ночь. Соответственно и пригашено было освещение улицы-коридора.

Решил сначала заглянуть к Лавуне. Подойдя к двери, услышал замысловатые посвисты. Осторожно приоткрыл дверь, заглянул в щелку. Наружное освещение позволило различить складчатую тушку, одиноко раскинувшуюся на ложе. Вспомнились Федюнины восторги: первейшая красавица. Зрелище не для слабонервных...

В Федюниной «отсечке» — наоборот: хозяин лежал на скамье, был одет, укрыт вторым «пальтешком», звуков не издавал. Спал, однако, чутко: стоило Игорю поставить на столик пакет, набитый упаковками с сухофруктами, как Федюня зашевелился, приподнял голову. Грузно сел. Сипло сказал:

— Путник пришкрёблмшися... Ты чаво пóсередь нощí?

— А поздороваться, Федюня? — улыбнулся Игорь.

— Сызно́ва зубья шерит... — забормотал тот. — Ужо тебе, мил человек мудан Путник, здорово́ поживамши коли таково́...

Игорь присел рядом. Попытался объяснить:

— Улыбка — это знак доброго расположения.

— Знаю я, знаю... А все одно боязно́... А ты, Путник, чаво не почи́ваш?

— Не время мне спать, Федюня. Ты уж не обижайся, что разбудил я тебя. И что толковать с тобой времени нет — тоже не обижайся.

— Дык в ночь-то кто ж с тобой толкóвати станет... Путник ты бымшí, Путник и о́стамшíся...

— Ладно-ладно, — согласился Игорь. — Мне и правда некогда, но решил тебе гостинца забросить.

Федюня опасливо покосился на пакет.

— Енто чаво ж ты притаранимши?

— Чернослив. Для здоровья.

Эх, мимолетно огорчился он, хотел же купюры принести, на пробу, да забыл в спешке. Жаль, тоже ведь, небось, грубая клетчатка... Ну, в следующий какой-нибудь раз...

Федюня тем временем бубнил:

— Вумно́й ты, Путник, коли ты есть мудан. А все одно Путник ты, как есть Путник. Ай не кричамши я тебе, дескать, мене от ентих кушаний пучит, спасу нету? Желёзок укусных притаранил бы, ёно бы и ладно́...

Теперь Игорь улыбнулся намеренно:

— Федосий! Ну-ка не капризничай! Пучит его... Потерпишь! На одних твоих желёзка ты скоро чахнуть начнешь, а потом помрешь! Понял? Давай вот прямо при мне начинай полезное лопать!

Он вытащил упаковку, вскрыл ее — Федюня при этом затравленно сжался, — взял в горсть несколько черносливин, протянул бедолаге. Тот, помедлив, сунул одну в рот, замер.

— Жуй! — скомандовал Игорь. — Да косточки не грызи, балда! Косточки все сохранишь, я в следующий раз наведуясь — предъявишь. Знаю я тебя — выбросишь всё, а мне скажешь, мол, с косточками смолотил.

Дело потихоньку пошло. После десятой черносливины Игорь сжалился:

— Молодец, Федюня! Вот так и дальше, а то сил на Лавуню не будет. И ее этим корми тоже!

— Злой ты, Путник, — горько произнес Федюня. И зачастил: — А что до Лавунюшки, дык ёна мене надысь прогнавши. Умаявши ты мене, кричит! Сопля ты, кричит, недосморкáтая! Потому — карахтер у ей... Пшел, кричит, отседова, опосля приходи, опосля! А я ея не маямши, енто ёна мене умаямши, от так от!

— Во-от, — наставительно сказал Игорь. — То-то ты и правда осунулся... Ничего, будешь чернослив есть — не умаешься. Колено-то твое как, зажило?

— Куды там зажилó! Свёрбится колешко, моченьки нетути!

Федюня закрихтел, приподнял край хламидки, продемонстрировал колено. Следов травмы уже не было, но Игорь все же посочувствовал:

— Эх ты, страстотерпец...

— Экоё слово дурноё! — немедленно оживился тот. — Страстотермимец, ишь... Аль како́ ты баямши — страстотерпеливец? Ажно́ язык колóм... Нетути тако́вого слова! Потому как страсть — енто, для примеру тебе, когда мы с Лавунюшкой... того-ёнтогó. А терпимец — енто, тож тебе для примеру, когда колешко свёрбится, а я виду не подавамши. А коли вместях страсть да терпимствó, дык ёно никакó не...

— Стоп, Федосий, стоп! Толковать не время, некогда мне, да и у тебя тут ночь.

— Сызно́ва злой...

— Нет, Федюня. Я на самом деле добрый мудан. Был бы злой — стал бы о тебе заботиться? И желёзок этих принесу тебе как-нибудь, так и быть. Только не сегодня. У меня сегодня дела, так что пойду. Пока, друг! Спи дальше.

— То ён злой, а то ён добро́й, — проворчал Федюня, укладываясь. — Спи-и... А ну како́ меня почи́вамши пропучит, ась?

— Спи-спи.

Безнадежно, в который раз сказала себе Марина. Спасти больного можно, только если тот помогает, пусть даже сам не знает об этом, а вылечившись, будет отрицать: да что вы, доктор, как я вам помогал, в отключке же был! Но нет. Отключка, не отключка — если система в целом противится смерти, то ей, системе, можно помочь. Не всегда успешно, сопротивление бывает недостаточным, смерть часто оказывается сильнее; но если сопротивления нет совсем, то и шансов ноль. Безнадежно.

Это мамины мысли, осознала Марина. Ровно то же самое мама переживала, без всякой надежды пытаясь спасти Полину Аркадьевну, а немного позже — Валентину Дмитриевну. Они уходили уже при жизни Марины-младшей, но та была еще слишком маленькой и помнит все только маминой памятью. Угасание было, без сопротивления. Как сказал дядя Саша — своим ходом. А ведь было им чуть за семьдесят биологических. Бабушка Таня гораздо старше. То есть объективно, по медленному времени, ей как раз семьдесят четыре, но биологически — девяносто три.

Мелькнуло мамино воспоминание об уходе легендарной уже Марии: та-то сопротивлялась, да слишком страшен был диагноз...

Марина посмотрела на Татьяну Леонидовну, осторожно взялась за ее запястье. Пульс слабый. Глаза открыты, сознания в них нет. Рот искривлен. Дыхание поверхностное. И так далее... классическая картина кровоизлияния в мозг. Полностью согласуется с тем, что рассказали девчонки еще при первом звонке: Татьяна Леонидовна сидела с книжкой в любимой своей ближней оранжерее, вдруг закричала, схватилась за голову, попыталась наклониться, ее вырвало — наполовину на себя, — сделала странное движение и завалилась набок вместе с легким креслом.

Хорошо, Ирина и Анна оказались как раз в этой оранжерее, подняли тревогу. Все девочки, все мамы действовали правильно и слаженно: позвонили Марине, получили указания, в итоге доставили бабушку на каталке сюда, в палату, перегрузили на койку в положение «почти полулежа». Следы рвоты убрали, конечно.

Хорошо ли, усомнилась Марина? Упрекнула себя: да, в медицине без цинизма не выжить, но есть же мера. Пусть я недоврач — все равно не имею права на рассуждения типа «лучше бы она ушла сразу, не мучаясь». Безнадежно, а права не имею. Без цинизма не выжить, да; но с такими сомнениями лечить, помогать, спасать кого бы то ни было — нечего и думать. Может быть, сказала себе Марина, вырасту, стану совсем циничной, тогда изменю позицию. А пока — так.

Значит что? Значит, готовимся к томографии. Начнем с МРТ. Простите, бабушка Таня, придется вас тревожить и тревожить. Надеюсь, вы ничего не чувствуете...

Она вышла из палаты. Лицо Ольги, дежурившей в коридорчике, было серым.

— Ольчик, — сказала Марина, — ты посиди пока с бабушкой Таней, а я пойду аппаратуру готовить.

Девятый уровень, направо — знакомый коридор, длинный и волнистый. Игорь нажал на кнопку вызывной панели. Молчание. Решил немного подождать.

...Он спустился сюда не сразу: от Федюни его что-то понесло наверх. Проведал

Слабину — все по-прежнему, Слабина не ослабла... Посетил Маринину башню — поглазел на звезды, подумал, что ведь и *его* Марина ходила сюда, любовалась тем же небом, тосковала.

Перекурил; пожалел, что не захватил резак — накромять Федюне с Лавуней «желёзок»; перестал жалеть — нечего, пусть углеводы жрут.

...Теперь — здесь, в ожидании. Можно и пойти, там же у них на входе тоже звонок. Но лучше соблюсти корректность. Снова нажал на кнопку. На этот раз ответили. Голос, конечно, не распознать, но точно не Марина. И еще — голос сдавленный:

— Дядя Саша?

Игорь назвал себя. Пара секунд, словно заминка, и:

— Входите, открыто.

Почувствовал: что-то не так. Да, в общем, ясно что... Торопиться уже некуда, но он ускорил шаг.

Дверь нараспашку. В прихожей девушка, кажется, Тамара. Черные глаза заплаканы.

— Пойдемте, — сказала она. — Только быстро. Или сами найдете? Марина в дальней оранжерее.

— Найду. Что, Татьяна...

Отчество забыл...

— Да, — кивнула девушка. — Вы тогда идите, а я Александра Васильевича дождусь, он вот-вот приедет.

Марина сидела у самого проема, за которым раскинулся пустынный пляж, а за ним — еще более пустынное море, очень-очень синее и совсем спокойное, а надо всем этим — безоблачная голубизна, и вдали мелькают птицы — должно быть, чайки; и нестерпимо яркое солнце прямо в глаза.

— Не понимаю, — сказала Марина, не оборачиваясь.

— Это всегда трудно понять, — начал было Игорь, но она словно не заметила:

— Осень, осень, осень, лес, парк, лес, парк, потом вдруг весна, ландыши, зима, снег, теперь лето, море, солнце. Я никогда не видела здесь солнца, я вообще никогда не видела солнца, только на видео, но это не считается. — И, без паузы: — Тяжелый инсульт, надежд никаких, я сразу поняла, но все сделала по учебникам и как мама учила, и сидела возле бабушки Тани, а потом пошла готовить томограф, а вместо себя Ольгу посадила, потому что даже если нет надежды, все равно человек не должен оставаться один, бабушка Таня и не осталась, а я вернулась, а Олюшка говорит: кажется, все, а я проверила, и правда все. А я хочу туда, к морю. А сейчас дядя Саша придет, девчонки позвонили, он мерку снимет для гроба, он для мамы тоже гроб делал, маленький такой, мама же маленькая стала, когда заболела, а вы пока идите, а когда будем хоронить, вы, конечно, приходите, а наши все пока там, у бабушки Тани, только Томочка дядю Сашу встречает, он скоро будет.

Поток, понял Игорь. А голос ровный. Ей одиннадцати лет еще нет, вспомнил он. Ну хорошо, ее личных — шестнадцать... Всего шестнадцать!

— Держись, девочка, — только и нашел что сказать. Бессмысленное, но ведь и промолчать, в спину глядя, — как?

— Я в порядке, — ответила Марина. — Вы не тревожьтесь.

И повторила:

— К морю хочу.

— Светлая память... — проговорил Игорь. Вспомнил отчество: —...Татьяне Леонидовне.

Решил: гроб делать — буду помогать. Остальное подождет.

Глава 30. Какие наши годы. 11.06.49, пятница / неопределенность

Федюне-то Игорь велел спать, а вот самому — не пришлось. И не одному ему: ночь ушла на изготовление гроба. И крест сколотили — усопшая была верующей.

На-Всё-Про-Всё, встретившийся Игорю на проспекте Девять, охотно согласился принять помощь. «Петруха тоже на подхвате будет. На тринадцатый приходи», — сказал он и поехал дальше — обмерять покойницу, а позже обогнал Игоря на спуске. Когда Игорь достиг мастерских на тринадцатом уровне, уже были отобраны нужные доски. «Подкрепись чуток, — предложил Саша. — Весь день, небось, росинки не было. Живот урчать начнет, тебя отвлекать, нас тоже. Петро вон прихватил тебе пайку. — И, пока Игорь подкреплялся, изложил план работ: — После обрезать будешь доски по размерам. Я продольно режу, а ты, значит, по длине подгонять, по чертежику, он вот он, а Петро шлифовать, а там заморим, да не червяка, а доски заморим. Полчаса на просушку, типа перекур, а там и сборка. После отверстий пона сверлим, канатик через них пропустим, заместо ручек. Это чтоб на стол ставить, на табуретки, а понесем-то на ремнях, как все грузчики носят. Так, после канатика — крышку сделать, после обить изнутри и снаружи. А уж после крест. С табличкой, честь по чести. Пошвыдче бы управиться, после ведь на Отшиб ползти, с домовиной, да с крышкой, да с крестом, да с умниками. С горем пополам, старичье же колченогое... После и совсем наверх выбираться. Путь долгий, а время поджимать будет, ага. Так что — взялись!»

Поначалу трудились молча. Саша поглядывал на работу Игоря — оценивал навыки, — вскоре показал большой палец и присматривать перестал. Жужжал, пел, визжал электроинструмент, упоительно пахло свежеструганной лиственницей.

Потом стали перебрасываться репликами — короткими, только на секунды отключения циркулярок, болгарок, шлифмашинок. Тем не менее, полное представление о предстоящих сутках Игорь получил. Начать прощание, объяснил На-Всё-Про-Всё, хорошо бы в полдень. На Отшибе это будет полночь, как раз третий день пойдет. А чтобы начать в полдень, надо же сперва уложить покойницу в домовину. А чтобы уложить, надо же домовину поднять отсюда, с тринадцатого, туда, на девятый. С грузом да с колченогими — часа три вынь да положь. Так это еще семечки! Потом-то — с Отшиба на «нуль», да с гробом не с пустым! Это, сказал Саша, все четыре часа, а то и пять! Ну, потом полегче — по «нулю» к могилке. Не сказать, чтобы так уж близко, но зато гладко, ага. Мне-то там и вовсе лафа будет, хохотнул он: на колеса пересяду, вперед поеду — дорожку к могилке подрасчистить, зарастает она все время... две другие, к Слабине и к Башне, не зарастают, а эта — как заговоренная. И саму могилку подчистить. Так-то все давно вырыто — котлованы, выходит, не зря копал, как наперед знал. Но подчистить — а как же! А для того, заключил На-Всё-Про-Всё, мы тут как пошабашим, вы с Петей малость передохнете, а я на конь — и наверх, чтоб тот конь на «нуле» меня дожидался. Местные туда ни ногой, а то бы погрызли мне конька-горбунька...

Вроде — простой работяга, подумал Игорь, размечая для обрезки очередную доску. Ладно, не простой, а высококвалифицированный. Но смотри-ка — не только по своим рабочим специальностям мастер, а и спланировал все, да как скрупулезно и точно! Интересно, способны ли на такое остальные здешние? Анциферов с Елоховым — ой, что-то нет уверенности. Правда, один был редактором газеты, другой — важным подразделением

руководил на производстве; и там, и там без расчета по минутам невозможно. Но то давно было, а последние двадцать лет они оба все больше разговоры разговаривают, такое впечатление. Хватку, скорее всего, подрастеряли. Петя... Ну, Петя вряд ли, не по его это части. Вот Смолёв — тот способен, нет сомнений. Программист же, и, похоже, продолжает что-то здесь программировать. Так что — да. Если бы захотел.

А я, спросил он себя, способен? Тоже ведь как бы здешний... хотя и сказал краснобай Иван, что я от них отдельно... Спланировать — способен, безусловно. А вот насчет «отдельно»... и насчет Смолёва, до сих пор влюбленного в мою Марину и, не исключено, вынашивающего какие-то неприятные замыслы в отношении Марины нынешней... и насчет *того* — которого они обе ждали и не дождались, потому что я не он... тяжело на сердце от всего этого, и нужно сосредоточиться на обрезке досок. Решил же: остальное подождет.

...Закончили к пяти утра. Последним актом стала фиксация крышки четыремья не до конца вбитыми гвоздиками: тащить гроб и при том всю дорогу глядеть на покойницу негоже, сказал Саша. И подвел итог:

— Мы орлы и ударники труда, ага! Ну, я, стало быть, наверх, а вы отдыхайте. Тронемся в восемь, так что пара часов у вас будет: вздремнуть, помыться-побриться, заморить — не доски теперь, а червя. И это... умников наших разбудите, скажите — мол, в восемь выходим, а кто не успел, тот опоздал. И могут дальше дрыхнуть.

— А ты-то как? — спросил Игорь.

— Да успею, — махнул рукой тот.

Напоследок еще раз оглядел изготовленное, удовлетворенно кивнул и был таков.

К тому же и неутомимый, подумал Игорь. Уникум, натурально. Может, потому и в форме отличной, что поблажек себе не дает, в его-то возрасте. Ноги, наверное, накачаны... как у гориллы или, например, у страуса... Вздыхнул:

— Пойдем, Петр, отдыхать.

Какой там отдых: сна ни в одном глазу. Использовал время прежде всего на тщательнейшее приведение себя в порядок. Душ горяч, бритва остра, шампуней-гелей-кремов не жалеть! О чем пожалел — о том, что черная его одежда вся в стружке и опилках; была бы уместна на похоронах. Делать нечего, придется «милитари» надевать.

Пошел в кухню-столовую, прихватив с собой блокнот и карандаш. Эспрессо, сигарета... Написал в блокноте: «06.06.49, прорыв на Завод». Эх, следовало с самого начала вести дневничок. Вспоминай теперь... Всего-то шестой день, а событий сколько! А впечатлений — еще больше! Ладно, главное — события; впечатления, может, тоже важны, интуиция великая вещь, но остается надеяться, что впечатления всплывут при чтении о событиях. Сейчас их, события, не перепутать бы, не упустить важного. Некогда было писаниной заниматься? Так даже на войне всегда ведется ЖБД — журнал боевых действий!

Впрочем, смягчил Игорь свое самоосуждение, на войне ЖБД ведут в штабах. А я тут сам себе и командир, и штаб, и рядовой. Но записывать в любом случае надо. Минутку выделить — проблема, что ли? И блокнот с карандашом чтобы постоянно при себе!

К половине восьмого успел закончить перечень событий первого своего дня в Марьграде. Начал было о дне втором, но был прерван — один за другим подтянулись остальные. Обратил внимание на Анциферова: тот опирался на палочку и чуть прихрамывал на левую ногу. Верно сказал На-Всё-Про-Всё про колченовость...

Поприветствовав всех, Игорь закрыл блокнот, отсел подальше. Призадумался. Денек предстоит, даже чисто физически, — экстрим, натурально. Подъем на Отшиб, с грузом. Подъем совсем наверх, с грузом, куда более тяжелым. Оба подъема — многочасовые. Дальше, Саша прав, легче. Если только не придется на себе того же Ивана тащить. Ну так не уколоться ли?

Решил: нет. Сейчас не нужно. Во-первых, и так на взводе. Во-вторых и в-главных, неизвестно, сколько времени продлится вся эта история. Может, и больше двенадцати часов, а тогда — что, рухнуть где-нибудь в пути? Значит, иньектор с дозой иметь при себе, но пустить в дело лишь в самом крайнем случае.

Даже не так: взять с собой всю аптечку — глядишь, Анциферова придется на ноги ставить или еще кого-нибудь, мало ли.

Сходил в свой «апартамент», сложил рюкзак в конфигурацию «мини», загрузил туда аптечку и блокнот. Неизменный стропорез — на поясе. Больше, вроде бы, ничего не требуется.

Вернулся. Вот и восемь ноль-ноль. Александр скомандовал:

— Двинули.

До мастерских добрались бодро. Вынесли все на площадку. На-Всё-Про-Всё сказал:

— Брякну-ка девчатам.

Надел очки, настроил и включил рацию. Ответили сразу; как обычно, голоса не распознать.

— Мариша! — закричал Саша. — Отправь пару девчат покрепче к перепонке! Ага, пособить малость! Поняла? Давай!

— Это зачем? — хмуро осведомился Анциферов.

— Не спорь, Максимыч, тут покамест я команду, — Александр подмигнул. — А вы, стало быть, исполняйте, хе-хе.

Точно, уникам, подумал Игорь. И на место поставил, и не обидно — потому что самоирония в тоне.

— Есть исполнять! — поддержал он «командира».

Остальные промолчали.

— Ничего, — подбодрил их На-Всё-Про-Всё, — бывало и хуже. Какие наши годы? Ага. Значит, так. Алексеич, Максимыч, вы во главе. Как старшие. С крестом. Мы за вами, вчетвером, с домовиной. Готовы? Двинули, что ли.

От мастерских до «перепонки» было тяжело. Игорь подбодрил себя: ерунда, втянешься! Все втянемся! Вот от Отшиба до «нуля» будет тяжело по-настоящему. Но справимся! И мысленно поблагодарил отдел 31/3 за очень даже неплохую свою физподготовку.

Процессию встречали Ольга и Анна. Сообразили без подсказок — с двух сторон стали деликатно поддерживать Анциферова, которому, похоже, приходилось труднее всех.

А вот Павел — теперь тот шествовал впереди, держа крест перед собой, даром что материалист, — ничего, терпит, отметил Игорь. Поглядел на своих партнеров по грузу: что Саша, что Матвей — шагают, как роботы; Петя пыхтит и потеет, но при его комплекции это нормально.

Девятый уровень, ход к Отшибу. Физически стало гораздо легче... психологически же — Игорь постарался об этом не думать.

Отшиб.

Молчаливые женщины.

— Максимыча с Алексеичем пристройте пока отдышаться где-нибудь, — сказал Александр. — А нас к покойной сопроводите.

Глава 31. Справились. 11.06.49, пятница / неопределенность

Все так же вчетвером внесли гроб — уже с телом — в гостиную, водрузили на стол. — У нас полночь, — тихо сказала Марина. — По нашему счету пошел третий день. Началось прощание.

Возлагали цветы — живые цветы, много! Откуда, удивился было Игорь? Тут же вспомнил: да что это я, из оранжерей, конечно! Оттуда и большой венок, сплетенный тоже из живых цветов.

Марина положила в изножье букетик белых ландышей. Те самые, понял Игорь, из квазиреального весеннего леса. Тот лес сменился заснеженным полем, поле — морским берегом, а ландыши остались ландышами, не превратились ни в снег, ни в горсть песка, спасибо на том...

Заговорил Анциферов:

— Мы с Таней одного поколения. Но вот так дико сложилась жизнь, что мне сейчас семьдесят, а ей почти девяносто четыре. Для нее, для всех вас, дорогие женщины и девушки, да и для нас, конечно, двадцать марьградских лет стали испытанием, аналогов которому нет в истории человечества. Татьяна выдержала испытание с честью. Мы, для которых испытание продолжается, будем помнить об этом, как помним об ушедших раньше. Вечная тебе память, Татьяна Леонидовна. Царствия тебе Небесного.

Он тяжело оперся руками о бортик гроба, коснулся губами лба покойной, сделал шаг назад, покачнулся, едва не упал — удержали стоявшие рядом женщины.

Возникла пауза. Разрядила ее Марина:

— Среди нас нет родных дочек и внучек бабушки Тани. Она так и посмеивалась над собой, говорила: я ничья бабушка. А на самом деле она была наша бабушка, наша! Нас мало, нам иногда трудно уживаться друг с другом, недолго и поссориться на ровном месте... Бабушка Таня умела все это сгладить. Ее будет очень не хватать. Давайте помнить о ней и не подводить ее...

Стали поочередно подходить к изголовью, а Игорь мысленно похвалил Марину: умничка! Страшное же дело — психологическая совместимость/несовместимость: всю жизнь, изо дня в день, одни и те же лица, одни и те же голоса, одни и те же слова, привычки, жесты... поубивать друг друга можно... Между прочим, у мужчин здешних — та же история, и нехорошие признаки действительно видны: постоянные пикировки Анциферова и Елохова, странности Смолёва... Парадокс, но куда легче Саше. Физические нагрузки велики, зато постоянно занят чем-то по всему Марьграду и окрестностям, с соседями общается сравнительно мало. У Марины, кстати, похожая ситуация. Наверное, и парадокса никакого нет: выше физическая нагрузка — ниже психологическая, а в сумме константа.

Что за чушь в голову лезет, оборвал он себя. Константы какие-то... Лучше бы узнал, почему женщины — все, кроме Марины — живут на этом своем Отшибе, словно взаперти. Сообразил: не бином Ньютона. Мехмат мне альма-матер, в конце концов, или где? Ясно же: для Местных уровень «нуль» — они называют его самым низом — непереносим эмоционально. А то даже и физически... Вот и для женщин, внешне совершенно нормальных, не мутировавших — пусть Местные и окрестили их муданками, — для этих женщин уровень «нуль» тоже враждебен. Другого варианта нет, потому что, будь иначе,

зачем бы им жить вдвое быстрее нормального, зачем стариться и умирать раньше времени? И только Марине нынешней, как когда-то и *его* Марине, никакой здешний уровень не страшен — вот еще одно проявление их уникальности.

Ясно, как же, сыронизировал он в собственный адрес. Явление — да, вот оно, увиделось в целостности, но почему оно такое?!

Ладно, сейчас не до этого. Сейчас — две насущные проблемы. Первая: как эти женщины поднимутся на враждебный им уровень, как пойдут по нему? Или не пойдут? А тогда — как мы, без их помощи, донесем гроб до места захоронения? Ну, допустим, На-Всё-Про-Всё знает как. Да и не первые же это у них похороны. Однако со второй проблемой здесь раньше, кажется, не сталкивались: сильно сдавший Анциферов. Не подняться ему на поверхность. Вколоть стимулятор? Опасно — организм очевидно дряхлый, может не перенести шторма, адреналинового или какой он там есть.

К гробу Игорь подошел последним. Он испытывал неловкость — чужой же... Но и стоять в стороне было нельзя. Коснулся рукой бортика, шагнул в сторону.

— Пора, — вполголоса сказал Александр.

— Подождите, — вмешалась вдруг Марина, — Простите меня. Я хочу попросить Игоря Юрьевича, чтобы тоже сказал. Понимаю, Игорь Юрьевич, вы совсем не знали бабушку Таню, но мне кажется, это важно. Не знаю почему, но это очень важно и нужно.

О Господи, ужаснулся Игорь. Обвел взглядом собравшихся. На него смотрели выжидательно. Что ж...

— Что ж... — произнес он вслух. Заговорил, тщательно подбирая слова: — Попробую... Я совсем не знал Татьяну Леонидовну. Вернее, почти не знал. Один раз все-таки довелось пообщаться. Позавчера... по моему счету позавчера, да. Нет, позапозавчера, но это все равно... Я тогда впервые пришел сюда, на Отшиб. Рвался к Марине, а Татьяна Леонидовна меня остановила... Понимаете, она ведь видела: молодой по ее меркам мужик, не слабый, еще и не в себе. И она, в своем возрасте... Но не побоялась. Потому что защищала Марину. Уверен, она любую из вас так же защищала бы. Иван вот сказал об испытании. Правильно сказал, а я еще думаю, что пожелания Царствия Небесного — не просто формула, не заклинание. Татьяна Леонидовна свое испытание выдержала, и пусть град Марьград изолирован от внешнего мира — от Царствия Небесного, от Града Небесного он не изолирован.

На несколько секунд стало совсем тихо. Затем Саша повторил:

— Пора. — Приладил крышку на место, проинструктировал: — До выхода на площадку несем как несли, вчетвером. И где без подъема пойдём, тоже вчетвером. А по лестницам, девчата, две из вас чтоб пособляли. С одного бока и с другого становитесь посерединке, упирайтесь, пособляйте, ага. Лестницу прошли — три минуты отдышались. На другой лестнице две другие пособляют. На четвертый уровень пришли — десять минут отдыха. И это... если по ходу у кого сил не стало — сразу говорите. Аварийный передых тогда сделаем. Девчата, табуретки не забудьте, домовину ставить. Ну, это как всегда. Теперь так: с Иван свет Максимычем тут пошептались. Решили, ему лучше туда не ходить, а тут присмотреть, чтоб поминки устроить как оно следует. По всем правилам чтоб помянуть.

— Я тоже останусь, — вдруг подал голос Елохов. — Помогу чем могу.

— Вот и ладушки, — одобрил На-Всё-Про-Всё. — Трое мамаш остаются да двое папаш

три плюс два, ага. За поминки, стало быть, спокойны будем. А крест, значит, за девочками. И табуретки. Как раз три пары рук.

У Игоря отлегло от сердца: проблема Анциферова разрешилась. И Елохов молодец — он-то с подъемом, может, справился бы, но неявным образом поддержал товарища. Все, конечно, поняли, что Иван остается по немощи... по колченогости, как выразился Саша, но виду не подали, а Павел еще и смягчил ситуацию. Впрочем, возможно, и он в своих силах не уверен.

— Удачи вам, — глухо сказал Анциферов. — Прощай, Татьяна.

— Прощай, — вторил ему Елохов.

— Ну, взяли! — скомандовал Александр.

...Тяжелый день закончился. Свободных комнат на Отшибе хватало, здесь после поминок и заночевали.

Игорь попытался сообразить, сколько суток он не спал — двое, трое? Не соображалось... Ну да и остальные тоже вымотались. Даже Саша.

...На подъеме от Отшиба до «нуля» несколько раз казалось: всё. Первым, как ни странно, начал заметно сдавать Смолёв, за ним стал проседать Петя — тренажеры тренажерами, а лишний вес лишним весом. На-Всё-Про-Всё держался неколебимо, девочки старались как могли, а сам Игорь терпел, терпел, терпел. На одной из внеплановых остановок между маршами очередной — он потерял счет — лестницы Саша спросил: «Перекурить не желаешь?». Пришлось улыбнуться в ответ. Подумалось: Федюню такая улыбка перепугала бы до судорог.

Однако выбрались. Девушкам — кроме Марины — сделалось явно не по себе. Игорь понял: догадка о враждебности к ним уровня «нуль» верна. Марина же выдохнула: «Справились». На-Всё-Про-Всё отреагировал громким «Тсс... Молчок!» и велел всем отдыхать, а Игорю и Матвею предложил даже подымить. Ежели хотят. Повторил: «Молчок!» и нырнул в Слободку. Минут через пять прикатил тележку. Приятный сюрприз, подумал Игорь. Для меня сюрприз, остальным-то не впервой...

«Захована она у меня там под мусором, — гордо поведал Саша. — Разобранная. Зато быстросборная. А я ее еще с утра собрал». Опять исчез в корпусе, вернулся почти сразу, на уже заведенном роллере. К оси переднего колеса были прикреплены две штанги, а к ним — дугообразный жестяной скребок.

Поставили гроб на тележку. Александр выдал очередное: «Двинули» и поехал, оставляя за собой относительно чистую полосу. Что ж, двинули следом. Покатили.

В пути не произнесли ни слова. Дорожка привела к промежутку между двумя вагонетками. Справа и слева — детали сцепки. Срезаны автогенном или чем-то вроде, понял Игорь. На-Всё-Про-Всё постарался... Рельсов нет — это сторона периметра, обращенная к Заливу, а самого Залива не видно — туман непроглядный... Вагонетки ложные... но как бы и настоящие... До оболочки от них еще метров пять, наверное... Да, точно, вот и рядок могил... четыре их пока с крестиками, а пятая ждет... И Александр возле нее.

Опускали гроб в могилу, забрасывали землей тоже безмолвно. Потом Саша приладил крест. Потом медленно прошли к другим захоронениям. На первом же из них — а считая слева направо, на четвертом — табличка гласила: «Осокина Марина Станиславовна. 14.11.2004–03.03.2048». Вот и встретились, подумал Игорь. Показалось, Марина-дочь

услышала это произнесенное. Нет, поправил он себя, не показалось! Поверилось: обе Марины услышали.

В руке Маринки-живой — тоненький хлыстик ландышей. Отделила две веточки, одну протянула Игорю, вопросительно взглянула на него. Взял, конечно... Возложил на холмик. Марина пристроила тоже. Прошептала: «Не люблю ходить сюда, почти не хожу, помню маму живую, но раз уж здесь... И тете Поле тоже, и тете Вале. Их я помню. И Марии» Положила на три первые могилы по веточке. Ландышей не осталось. Судьбы, мелькнуло у Игоря в голове. Судьбы людей, судьбы цветов. Напрасные ассоциации, сказал он себе, на усталости настоянные, неправильные.

Возвращались разрозненно. Саша укатил на роллере; тележку, сказал, оставьте, завтра заберу, шагайте налегке. Девушки вчетвером пошли быстро; Игорь, Марина, Петр, Матвей отстали, им спешить было уже некуда.

Потом — поминки, почти безмолвные. Произносилось лишь самое необходимое.

...Теперь Игорь проваливался в сон, а пока еще не провалился до конца, подумал: вот, допустим, сумею я вернуться в мир, да еще Маринку с собой возьму — и как же они со следующими похоронами справятся?

Мысли стали неуправляемыми, потом неуловимыми, потом вовсе растаяли.

Глава 32. Все не так, ребята. 12.06.49, суббота

Как-то раз, в далекие-предалекие годы, Коммодор стал случайным свидетелем разноса, технологию которого запомнил на всю жизнь как суперэффективную. Был тогда Коммодор не Коммодором и даже не офицером. Был он всего лишь курсантом. Разнос учиняла завкафедрой иностранных языков двум молодым преподавателям той же кафедры. Что-то она им высказала, что-то они посмели возразить, да с апломбом, вот и последовало: завкафедрой не повысила голос, а, наоборот, понизила почти до шепота. Слова, пожалуй, не имели значения: все решал тон. Юный Сережа не был робкого десятка, но в тот момент ему сделалось жутковато. Позже он понял: имело место приведение к покорности методом нейролингвистического программирования. Осознанно применяла завкафедрой этот метод или нет — тоже не имело значения. Наглецы потухли через пятнадцать секунд.

Кому-то такое дано от рождения; кто-то осваивает НЛП на специальных курсах; Сережу Смирнова, будущего Коммодора, обучила жизнь. Точнее — служба. Когда требовалось, он мог грянуть так, что провинившиеся приседали бы от ужаса, кабы не обязанность держать стойку «смирно». Впрочем, бывало, что и приседали... А в других случаях — как сейчас — предпочитал более или менее изошренное модулирование.

— Ну что, тезка, — начал он как бы задушевно.

Посмотрел в окно кабинета, сразу отвернулся — утреннее солнце над Заливом било в глаза. Опускать штору не стал: пусть сидящему напротив старшему лейтенанту Шульге будет неудобно. Продолжил тем же тоном:

— Так как успехи-то? Расскажи-ка, старшой. Да ты сиди, сиди. Ну?

Шульга прокашлялся, тут-то Коммодор включил полную громкость — гаркнул: «Молчать!» — и перешел на постепенное понижение до полусшепота. Причем с обращением на «вы» — для подчиненного это плохой признак:

— Вы, товарищ старший лейтенант, часом не прихворнули? Перхаете вот, да это бы нагадить с грот-мачты, а с головой у вас как, все в ажуре? Ваши, товарищ старший лейтенант, орлы, а вернее, бараны, мне сюда в расположение кого наволокли? За одни сутки патрулирования — мужиков дюжина, баб девять штук. С ориентировками ни у кого даже отдаленно общего нет. Возраста, и те у половины не подходят, то старпёры, то малолетки...

Он подался вперед, заговорил — почти зашелестел:

— Вы, товарищ старший лейтенант, может быть, думаете, что задача вашей группы — патрулировать Город с пристрастием? Ужас наводить на мирняка? Волочь кого ни попадя? Чем больше, тем лучше? Чтобы по Городу, да что там по Городу, по всему региону чтобы гон пошел — дескать, свирепую спецоперацию органы проводят, метут без разбора, волокут в загородную контору, каковая контора, оказывается, не ихтиологией-археологией занимается, а вполне себе силовая? Вы, товарищ старший лейтенант, по собственным каналам уже доложили об успехах? Дырочку для медальки уже провертели?

Сделал крохотную паузу, еще раз рявкнул: «Молчать!», выдержал паузу подольше, заключил обычным тоном:

— Значит, так, Серега. Нынче у нас сколько? Угу, восемь сорок две. В десять нуль-нуль принесешь мне сюда, запоминай. А — послужные списки муфлонов, кто произвел эти задержания. Бе — рапортá всех этих муфлонов: почему задерживали, на каких основаниях, подробно, внятно, без балды. Ве — собственный твой рапорт: как так вышло, тоже без

балды. А к двенадцати нуль-нуль — ге, еще один твой рапорт: о проведенной разъяснительной работе с личным составом. Вопросы?

Шульга вскочил, вытянулся.

— Разрешите уточнить, Сергей Николаевич, на чье имя рапортá?

— На имя верховного главнокомандующего, блин!!! На мое, конечно! Еще вопросы?

— Никак нет! Разрешите идти?

— Иди уже... Да, старлей, дырочку в кительке заштопать не забудь.

Оставшись в одиночестве, Коммодор позволил себе огорчиться. На самом-то деле ситуация плохо разрешимая. Это как, допустим, человек по дереву работать умеет в лучшем виде — хоть избу срубить, хоть свистульку затейливую вырезать. А ему задание: коли ты такой мастер, вот тебе мука, дрожжи, все вообще, и спеки-ка ты нам тортик. С вишенкой. Так и тут: гвардейцы эти — не по части патрулирования, по всему видать. Охрана объекта — да, штурмовые действия — возможно, а патрулирование — разве что самое простое, но никак не скрытное. Ну, в гражданке работают, а толку? Как писали в старых романах, плохого филера за версту видать, хоть в котелке да штиблетах... Спасибо, тов. Иванов И. И., прислали контингент...

М-да, подумал он, открыл Америку. Крылов Иван Андреич еще когда про пирожника с сапожником аллегория изобразил. Однако с меня-то тоже спросят, не с Крылова. И не с Шульги. Как раз товарищ Иванов спросит.

Решил: лучше упредить.

Гриф: особая важность!

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 12.06.49, 08:58 UTC+3

Настоящим докладываю.

1. Патрулирование объекта 31 проводится согласно Вашим распоряжениям от 07.06.49, 13:31 UTC+3 и 10.06.49, 08:22 UTC+3. Без происшествий и замечаний.

2. Патрулирование в черте городской застройки и на иных территориях также проводится согласно Вашим распоряжениям от 07.06.49, 13:31 UTC+3 и 10.06.49, 08:22 UTC+3. В ходе патрулирования произведены задержания граждан в количестве 21 (прописью: двадцати одного) лица. При дознании в расположении отдела 31/3 оснований к задержаниям не обнаружено. Соответствующие документы направлю Вам в течение ближайших 2 (прописью: двух) часов.

3. С личным составом, производящим патрулирование объекта 31 и в черте городской застройки и на иных территориях, проводится дополнительная разъяснительная работа.

4. Патрулирование в черте городской застройки и на иных территориях имеющимся личным составом СЧИТАЮ нецелесообразным ввиду недостаточной подготовленности данного личного состава к патрулированию в скрытном режиме.

5. СЧИТАЮ целесообразным прекратить патрулирование черты городской застройки и иных территорий, а также соответствующим образом изменить состав группы, приданной

отделу 31/3 для патрулирования.

Усмехнулся: это уже не дерзко. Это уже более чем.

Отправил.

Ответ поступил почти мгновенно.

Гриф: особая важность!

Откуда: департамент 31

От: Иванова И. И.

Куда: отдел 31/3

Кому: Коммодору

Дата, время: 12.06.49, 09:12 UTC+3

На Ваше от 12.06.49, 08:58 UTC+3.

Не умничайте.

Благодарю за службу.

Отреагировал автоматически:

Гриф: особая важность!

Откуда: отдел 31/3

От: Коммодора

Куда: департамент 31

Кому: Иванову И. И.

Дата, время: 12.06.49, 09:13 UTC+3

Служу России!

Коммодор вышел на воздух, присел на скамейку. Хмыкнул: однако нарываюсь. Ну а что, мне восьмой десяток, а этому нынешнему Иванову И. И., небось, тридцатник, а он мне: не умничайте!

Возразил себе: подумаешь, восьмой десяток. Подумаешь, тридцатник. Дело служивое... а и не в том суть. В любой момент могут вызвать, сказать: спасибо за службу, дорогой товарищ, выслуга у вас уже прямо-таки перевыслуга, дуйте-ка на покой. И дуну, не вопрос. Даже и сам могу, не дожидаясь, рапорт подать. Не Иванову И. И., обойдется, а сугубо официальному своему командованию, в главштаб флота. Потому что нет сил глядеть спокойно на эту хрень с патрулированием и вообще с Заводом. Все не так... все не так, ребята, пел когда-то Семеныч.

Спокойно, приказал он себе. Ты есть кто? Ты есть офицер, это раз. Ты есть русский офицер, это два. Ты есть офицер флота, это три. Вот и не сепети.

Без отдела этого 31/3 проживешь? Проживешь. А и помрешь — тоже нормально.

Но вот же что: Маньяк! Годный мужик, это да, но главное — загадка! И, значит, сказал себе Коммодор, кто-то другой разгадку узнает, а ты, Сергей Николаевич, будешь в квартирке кашку кушать или там обои переклеивать да геморрой залечивать. Так что служи, кап-два,

покуда служится.

Может, конечно — и даже вполне вероятно, — что служи, не служи, а все одно не разгадается загадка на моем веку. Значит, что ж, значит, так судьбой назначено. На смертном одре хоть жалеть не стану; понимать буду, что шансы использовал все какие были.

Эх, тоже лукавство: стану жалеть, стану — загадка-то вон какая, всем загадкам загадка. Но сейчас-то что наперед гадать про ту загадку с разгадкой.

Вот бы Маньяк рожу покривил насчет «гадать про загадку»...

Коммодор засмеялся. А мог ведь даже и не устраивать все это кино с загадками! Еще как мог! Чего проще: принял Лушникова И. Ю. тут, в отделе, выслушал его, тогда еще маньяка с маленькой буквы «мэ», да и, к примеру, утопил в Заливе к такой-то маме. От греха. И никаких тебе загадок, и никакого патрулирования, жил бы как жил.

Бр-р-р. Отставить.

Короче. Силы есть? Есть. Ума не надо, как говорится? Вот вам! Ум тоже на месте. Стало быть, служим. И, по мере сил, недостатки, выявленные на месте, исправляем.

Хотя, конечно, еще раз, все не так...

Р-разговорчики! Отставить-два. Время к десяти, вот-вот Шульга прискачет с рапортáми. Пора, кавторанг, обратно на капитанский мостик... с видом на Залив, ха.

Любое человеческое сообщество, при условии, что оно должным образом структурировано, представляет собой самодостаточную систему, самоорганизующуюся и саморазвивающуюся. Вроде живого организма. Племя, клан, тейп... народность, нация... корпорация, политическая партия, криминальная группировка... Все они могут быть такими как бы организмами.

Здесь сообщество, марьградское, к самоорганизации и саморазвитию неспособно.

С такими мыслями Игорь проснулся — показалось, что очень рано, на дворе еще темно... Вспомнил, что понятия «на дворе светло/темно» здесь условны. Либо искусственное освещение, запрограммированное на полное/неполное с восьми часов до двадцати и с двадцати, соответственно, до восьми, причем для каждой временной зоны по-своему — концепция старших Священных, запрограммировал Смолёв, паял-коннектил Речицын. Либо постоянная монотонная тусклость, без времени суток, не говоря о временах года — это на территории. Разве что за невидимой стенкой дальней оранжереи не так. Нужно будет все там разведать...

Вернулся к рассуждению о сообществах. Наверное, предположил он, ключевое слово — «человеческое». В Марьграде его численность — пятеро мужчин и девять... нет, теперь уже восемь женщин. Тринадцать, извините за выражение, особей. Очень мало. И условия, в которых живет это сообщество, мягко говоря, убоги. Жить можно, умирать можно, развиваться — нет. Здесь мужчины рано или поздно вымрут. Или законсервируются на уровне «шестнадцать» — бесчувственными куклами. А мужчины — скорее всего, Маринина догадка верна, — необходимы для пресловутого партеногенеза, так уж тут устроено. Соответственно вымрут и женщины. Финита, сорри, ля комедия.

Что же до так называемых Местных, то, во-первых, они и не люди, а во-вторых, их сообщество точно не способно к развитию. Оно и к самому существованию не способно: не станет Саши-На-Всё-Про-Всё, не станет «Мерюльки-лекарки» или ее клонов-потомков (клониц-потомиц, хмыкнул Игорь) — вымрут и Местные. Неизбежно. Если только не произойдет революционный скачок в их биологии, физиологии, психологии и прочих «логиях». Не верится в такой скачок...

Остается уповать на сказанное им же самим вчера — о неизолированности града Марьграда от Града Небесного. Да уж, все там будем... кто где...

Вспомнилось: что-то плел Анциферов туманное — вы, мол, Игорь, особый, но вы еще не *тот*, вы предтеча. Как-то это связано с очевидной перспективой конца. С какими-то надеждами на спасение. Надо будет выяснить, что имелось в виду.

Но есть, осознал Игорь, главный вопрос: для чего я здесь на самом деле? Далеко не так это ясно, как было там, за пределами Завода. И подлежит тщательному обдумыванию, без помех сиюминутных, без шараханий хаотических, спонтанных. От результатов этого обдумывания будут зависеть и действия. Совершенно конкретные действия.

А для обдумывания нужно следующее. Первое: выполнить обещанное тому же Анциферову — задать свои вопросы общего характера, выслушать соображения того же характера. Второе: заполнить блокнот, довести его до того момента, когда будет поставлена текущая точка. Одними лишь фактами заполнить. Ну, может быть, еще выводами из разговоров — но только выводами, в форме ответов или новых вопросов. И после всего этого

— действовать.

Так, хватит валяться.

Оказалось, что проснулся он не рано, а вовсе даже поздно — если по меркам объективного времени, не ускоренного. Разумеется, после проходов по разным уровням его Tempo Lento и японский гаджет показывали незнамо что, но на дисплее электронных настольных часов в кухоньке Отшиба светилось: 02:17. Значит, по-нормальному это либо час ночи с минутами, либо, тоже с минутами, час дня. После поминок легли в полночь, спать всего час Игорь никак не мог, продряхнуть больше суток — и это вряд ли. Стало быть, час дня.

А здесь, на Отшибе, хмыкнул он, на условном дворе таки условно темно. То-то не видно никого. Женщины спят, мужики... ага, вот же на столе записка:

«Игорь Юрьевич! Александр Васильевич сказал вас не будить, дать отоспаться. Свящённые все ушли к себе, а мы с А.В. наверх. Оттуда позвали, у них и больные, и умершие, и роды. За меня не волнуйтесь, А.В. меня на мотороллере повез. Вы позавтракайте у нас, если хотите. Будьте как дома! А Иван Максимович сказал передать вам, что он готов продолжить ваши разговоры. Он будет у себя. А я как освобожусь, сразу позвоню. И вы скажете, что придумали. Хорошо?

Марина»

Игорь улыбнулся. Чудо-девочка! Взять хотя бы вот это: публично ко мне — исключительно по имени-отчеству. И о «дяде Саше» тоже по имени-отчеству.

Мама ее такой же была деликатной...

А у Местных, значит, смерти, рождения... Естественное дело, конечно... Но как их-то хоронят? Надеюсь, подумал Игорь, Федюня с Лавуней живы-здоровы... и девочка Манечка...

Он приписал:

«Марина, договорились. Сейчас половина третьего ночи по вашему времени, я отоспался и пошел в Резиденцию. Буду ждать твоего сигнала.»

Наболтал себе растворимого кофе — другого не нашел, — выпил в три глотка и отправился вниз. Тянуло в дальнюю оранжерею, на выход из нее, но решил отложить это на потом — сейчас, как ни странно, важнее разговоры поразговаривать.

— Итак, уважаемый Игорь, — начал Анциферов, — в прошлый раз, до... э-э... до прискорбного события мы с вами условились, что у вас есть вопросы общего плана, что у меня... у нас тоже есть такие вопросы или, скорее, соображения, а также что обсуждать все это мы будем при наличии, так сказать, кворума.

— Предлагаю считать, — в тон ему отозвался Игорь, — что кворум есть. Думаю, Саша не обидится.

— Да. Александр — человек действия. Долгие разговоры его утомляют.

Игорь решил больше не подыгрывать.

— Слушайте, Иван, — сказал он серьезно. — Во-первых, я очень высоко ценю Александра. Не меньше, чем любого из вас. Это как минимум, уж не обессудьте. Во-вторых, давайте без игр и без пафоса. Я спрашиваю, вы отвечаете. Если хотите или если можете. Вы спрашиваете, я отвечаю. А об играх в заседания под телекамеры забудем. Состав меня вполне устраивает: вы, Павел, Матвей, Петр.

— Апостольские имена, — вставил Елохов.

— Если хотите, — Игорь заставил себя обозначить улыбку.

— Слушаем ваши вопросы, — тускло произнес Анциферов.

— Сначала у меня три вопроса все-таки конкретных. Первый: почему вы проводите похороны самым тяжелым из всех возможных способов?

Анциферов замаялся. Ответил опять Елохов:

— Вы имеете в виду — почему так далеко? Так сами же, наверное, убедились: путь по поверхности — самая легкая часть процедуры.

— Нет. Я не об этом. Почему вы поднимаете вверх вместо того, чтобы опускать вниз, на последний уровень?

Смолёв неприятно засмеялся.

— Что смешного? — сухо осведомился Игорь.

— Так Игорь Юрьевич, — растерянно проговорил Петя, — туда же только нам ход! А женщин-то как туда? Им-то и к нам ходу нет, а туда-то только через нас!

— А вы пробовали? Я почти уверен, что нет хода — живым. А мертвое тело... если хотите, на третий день — не заметит преград так же, как Сашин роллер.

Смолёв опять разразился смехом. Оборвал его, буркнул:

— Я им давно говорил. Петька, тебя при этом не было. Я предлагал попробовать, а мне что сказали? А, Иван? Ты лично мне что сказал?

— Было дело, — вздохнул Анциферов. — Только сначала тебе Илья сказал: воля Марии. Она попросила похоронить ее ближе к Заливу. А я уж потом тебе высказал...

— Ты, Иван, высказал мне, чтобы я впредь тему не поднимал, ибо это вопрос человечности, которой у меня нет, потому что я не человек, а какой-то робот! Твои, Ваня, слова! Я их ох как запомнил! Ты тогда поживее был, чем сейчас, сейчас-то ты размазня размазней!

Такого Смолёва Игорь еще не видел. Близок нервный срыв, понял он. Этого только не хватает.

Анциферов побагровел, открыл было рот, но его опередил Елохов:

— Мужики, не ссорьтесь, это раз. И хочу напомнить, что в том обсуждении мне тоже довелось участвовать, это два. И я тогда высказался в том смысле, что идея, возможно, справедлива, но полной уверенности нет, а если она не сработает, то представьте себе ситуацию: принесли гроб с телом и уткнулись в препону. Стыд и позор. Ну, Илья-то вовсе отверг идею, независимо ни от чего. Воля Марии — и точка.

— Марию Григорьевну тогда Илья Михайлович на руках поднял... По всем лестницам с ней... — тихо сказал Петя.

— Силач был, — подтвердил Елохов. — А она совсем высохла к концу.

— Чего это «был»? — сварливо спросил Смолёв.

— Да-да, — поспешно согласился Елохов. — Силач и есть... наверное... как раз там ждет, этажом ниже...

— Я понял, спасибо, — вмешался Игорь. — Правда, не понимаю, как вы впредь

хоронить собираетесь. Вы не молодеете, сил все меньше. Закончится тем, что кто-нибудь из вас на этом адском подъеме тоже, пардон, того... И понадобится еще один гроб. Или не один. Ну да ладно, я спросил, вы ответили. Иван, вы оправились? Дальше беседовать в состоянии? Следующий мой вопрос из конкретных. — Он держался намеренно жестко. — Этот самый этаж ниже. Время на нем стоит мертво, насколько я понял. Часы сразу останавливаются. Как же вы умудряетесь там бывать? Человек заходит туда, выбирает место, ложится — я правильно понимаю? И еще вы рассказывали, что находящегося там можно разбудить. Войти туда и разбудить. Или, — он хмыкнул, — что угодно с ним сделать.

Ответил тот же Елохов:

— Часы останавливаются мгновенно, да. А живой организм, вероятно, сопротивляется. Процесс конечен во времени. Сначала более-менее ничего, потом торможение идет лавиной. Мы проверяли — максимум полчаса есть по нашему счету. Экспериментировали: один туда заходит, двое стоят перед входом. Кто зашел, гуляет там, присаживается, прилечь тоже есть куда. А те двое с ним все время перекликаются. Перестал отвечать — они к нему, на самокатах, Саня там понаставил. И тележку предусмотрел. Погрузили тело, вывезли — очухалось тело. Так что это не совсем то, что разбудить. Именно вывезти. Состояние у него, как у пьяного. Ну, где-то за час-полтора протрезвляется... А лично я считаю, рисковать ни к чему. Пятнадцать минут — и хватит. Со страховкой у входа, само собой.

— Ясно, спасибо. Обязательно наведаюсь туда.

— Не исключаю, что у вас ограничения другие, но все равно будьте осторожны.

— Третий вопрос. Это так, скорее любопытство: Местных как хоронят? Вот сегодня, Марина сообщила, тоже...

— Погребальные фонтаны... — пробормотал Анциферов. — Страшное дело...

— Ты когда этот фонтан последний раз видел-то? — насмешливо спросил Смолёв.

— Мне до конца дней хватило, — огрызнулся Анциферов.

— Вот оно что... — протянул Игорь. — Из космоса, со спутников, бывают видны какие-то всплески, вроде гейзеров. Что, — догадался он, — тела туда Александр доставляет?

Никто не ответил. Игорь кивнул:

— Понятно. Спасибо, конкретные вопросы у меня закончились. Теперь вопрос общего характера. Скажите честно, господа, вы на самом деле жаждете вырваться из Марьграда? Мечтаете вернуться в большой мир?

— А вы жестокий человек, Игорь, — проговорил Анциферов. — Правду-матку резать только жестокий может, от других ее требовать — тоже. Это вон для Пьеро нашего все легко и просто: ему здесь хорошо, от добра добра не ищут и так далее. Не обижайся, Петенька. Для Александра тоже все просто — он при деле, а разговоров о концепциях и доктринах на дух не переносит. Мы же несколько сложнее. Для нас ваш вопрос мучителен... но делать нечего, я отвечу. От себя лично. Мы здесь двадцать лет. Двадцать лет, понимаете? Конечно, вначале это было заветной мечтой — вырваться, вернуться! Любой ценой! Но, повторяю, двадцать лет... Тогда мне было пятьдесят, сейчас семьдесят. Тогда я был редактор, я был сама энергия, сейчас я пенсионер. На полном обеспечении. Тогда у нас была, если хотите, великая цель: всё для возвращения! Сейчас... Я внутренне поклялся служить этой великой цели. Нарушать клятву не буду, не так воспитан. Но вы спросили, я отвечаю: если положить руку на сердце — я заодно с Петром.

— А мне все равно, — сказал Елохов. — Я тоже пенсионер на полном обеспечении. Если вернуться — наверное, тоже буду пенсионер. Начислят же пенсию? Хе-хе. Мне многого не требуется, проживу. Затворником проживу, по-другому не хочу. Буду дальше заметки свои кропать. Вычисления. Про феномен Покрытия и Марьграда. Потом помру.

— А вы, Матвей? — спросил Игорь.

— Да что ты в душу лезешь?! — взорвался тот. — Какое твое дело?! Иван, что ты рассусоливаешь с ним?! Есть у тебя, блин, концепция — вот и изложи ее этому гусю! Пусть послушает! А я с ней согласен! Излагай, сейчас вернусь!

Он вылетел из «переговорной» в холл. Слышно было, как шарахнула дверь.

Анциферов тяжело вздохнул:

— Эх... Что ж, наверное, Маттео прав. Павлос, изложу, если ты не возражаешь.

Елохов пожал плечами.

— Петюня, а ты тоже слушай внимательно, — продолжил Анциферов. — Итак, Игорь, на ваш вопрос мы худо-бедно ответили, теперь наша очередь. Помните, я обмолвился, что считаю вас предтечей? Вот такая, значит, концепция... в рамках нашей приверженности великой цели освобождения. Слушайте внимательно.

Суть «концепции» состояла в следующем. Преамбула совпадала с тем, о чем Игорь и сам думал пару часов назад: если все и дальше будет идти как идет, то в обозримое время живых в Марьграде не останется. Женщины умрут, мужчины либо умрут, либо законсервируются на уровне «шестнадцать». По мнению докладчика, неизвестно, что лучше, ибо умершие имеют шанс на Царствие Небесное, а законсервировавшиеся оказываются в чем-то вроде чистилища, причем на вечные времена.

Докладчик знает, что православие не признает чистилища; он грешен и кается. «Бог простит», — прокомментировал Елохов; Игорю показалось — не без сарказма.

Далее. Согласно «концепции», освобождение должен принести некто мужского пола. Обязательно произведенный на свет здесь, в Марьграде! Роль предтечи — Игоря — зачать такого освободителя.

Технология взращивания освободителя предполагает его содержание по большей части в секторах с быстрым временем. Тогда он достигнет зрелости через четыре — пять лет.

— Это все, — заключил Анциферов.

— Вы рехнулись, — убежденно сказал Игорь.

Из холла выдвинулся Смолёв, что-то прятавший за спиной.

— Я тебе рехнусь, сука! — проорал он. — Сейчас ты под моим конвоем пойдешь и трахнешь мою Маринку, понял?!

— Э-э... Матвей... — произнес Анциферов.

— Я сорок пять лет Матвей! Настаиваешь, чтобы он всех трахнул? Для верности? Я не против! — Смолёв захохотал. — Жаль, бабка сдохла, ее бы тоже! Чем черт не шутит!

Он извлек из-за спины пистолет. Игорь засмеялся.

— Ржать будешь, когда я тебе яйца отшибу! — вне всякой логики выкрикнул Смолёв. И поправился: — Или глаз выбью! Это, козел, травматика, она-то тут пашет еще как, понял, гнида?!

— Хорошо, — сказал Игорь. — Один момент.

Он неспешно поднялся, без суеты пересек «переговорную», прошел в свой

«апартамент», там сменил темп на максимальный, привел виброрезак в рабочее положение, проверил заряд — порядок, около четверти от полного. Услышал вопль Смолёва: «Петька, ключ!», поспешил выскочить в коридор, оттуда — опять спокойно — вернулся... мелькнуло в голове — на арену.

Поднял резак, нажал кнопку. Зажужжало. Предложил:

— Стреляй.

Бросил остальным:

— Сидеть.

Добавил:

— Иван, ногу отрежу. Сидеть.

— Петька, ну... — голос Смолёва просел. — У-у, слабак, предатель...

Петя стоял раскрыв рот. Послышалось и оборвалось урчание мотора, за спиной Смолёва показался На-Всё-Про-Всё.

— Это чего это у вас тут за цирк? — удивился он.

— Да пошли вы все, — прохрипел Смолёв.

Шваркнул пистолет об пол, развернулся, оттолкнул Александра, пропал из вида. Опять громыхнула входная дверь.

— Ой, — прошептал Петя. — Не к Марише ли побежал?

Схватил кухонный нож, кинулся вдогонку — На-Всё-Про-Всё едва успел посторониться, затем последовал за Петром. Выскочил на площадку и Игорь.

Из длинного горизонтального коридора донеслось:

— До встречи в вечном чистилище, кретины!

— Не к Марише побежал, — сказал Петя. — Вниз побежал. На сохранение.

— Цирк, — повторил Саша.

— Шапито, — откликнулся Игорь.

Вкратце объяснил Саше ситуацию.

— К тому шло, — проговорил тот. — А надобно бы проверить, куда это он побежал. С него станется финт ушами изобразить. Покамест нам лучше в холле посидеть, с дверью с открытой, поглядывать — не воротится ли, да наверх не ломанется ли... Где-то часик выждать — пока он до шестнадцатого доберется, пока уляжется, пока прихватит его, пока еще я дотуда доеду... А дальше мне на самокате, движок-то там не фурычит.

— Я подежурю, — вызвался Петя. — А вы, Игорь Юрьевич, с дедами... с пенсионерами... с ними, в общем... разговор же, наверное, не закончили...

— Я быстро, — пообещал Игорь. — Саш, пойдем, ты мне там нужен.

В «переговорной» он сообщил, в каком направлении отбыл Смолёв. Затем сжато пересказал Саше концепцию Анциферова.

Потом заговорил Елохов.

— Я эту концепцию не одобрял. И тебя, Ваня, предупреждал. И такую реакцию Матвея считал вероятной, об этом тоже предупреждал. А вам, Игорь, скажу вот что. Законы Ньютона знаете? Ну да, вы же по механике сплошных сред, так что извините за дурацкий вопрос. Так вот, третий закон Ньютона. Про действие и противодействие, да? Имею основания предположить — а кто может, пусть опровергнет, — что где-то хрен знает где во Вселенной родились три объекта. Три звезды, три галактики, три черные дыры, понятия не

имею. Но объектов три. Все они серьезные. Космические. Это — действие. А к нему и комплект — противодействие. Типа отдачи, как при выстреле. Три кокона с чертовщиной внутри. С принципиально ненашими законами физики и прочих наук, но главное — физики. С нарушением причинно-следственных закономерностей. И так далее. Случайно отдало именно к нам, на нашу планетку. Большой космический объект — ему соответствует китайский кокон, вы нам рассказывали. Маленькому — американский. Ну а наш, русский, он средних масштабов. Космических, да. Но средних. А лично вы, Игорь, в эту мою гипотезу можете, тоже вписываетесь... как вторичная отдача... на первичную... Вторая ее попытка, успешная. Первая была тоже через Слабину, пятнадцать лет назад. Тогда не прокатило, сейчас вы здесь. Скажете, велики интервалы по времени? Да что мы знаем о времени... Пойду к себе.

За ним ушел и Анциферов — поникший, подавленный, сильно хромающий.

Втроем расположились в холле. Петя принес коньяк и бокалы, вопросительно посмотрел на остальных. Игорь кивнул, Саша отрицательно покачал головой.

Сидели молча, Игорь курил сигарету за сигаретой.

Потом Александр поднялся, вышел за дверь, завел мотор, покатил по коридору. Отсутствовал минут сорок, а вернувшись, сел в кресло, кивнул. Просто кивнул. Проверено, понял Игорь. Матвей Смолёв, программист, ревнивец, неприятный и несчастный человек, — теперь, как выражается Федюня, коченёлый. Эх.

Потом, все так же молча, допивали-добивали коньяк вдвоем с Петей.

Потом Саша спросил:

— Надумал что-нибудь?

— Надумал, что надо думать, — ответил Игорь. — Пойду прилягу, что-нибудь и надумаю.

— И то дело, — одобрил На-Всё-Про Всё.

Часть 5. Выхода нет. Глава 34. Средний вперед.

13.06.49, воскресенье

Из блокнота И. Ю. Лушникова

«...Речицын съездил на уровень 16. Подтвердил: Смолёв погрузился в стазис.

Соображение: Местным невмоготу в областях нормального времени. Женщинам тоже, кроме Маринки, а в прошлом — Марины-моей и, вероятно, Марии Акимовой. Мне везде более-менее, но лучше всего в области нормального времени. Вопрос: не станет ли мне худо в области мертвого времени?

Подлежит проверке. Да все равно идти туда нужно, так что проверится попутно.

13 июня

Неделя как прорвался на Завод / проник на объект 31. По случаю юбилея делаю исключение и разбавляю дневниковую сухость некими рассуждениями. Это для своей памяти, для Маринки-маленькой (мало ли что со мной случится) и для Коммодора (мало ли что случится вообще). Не знаю почему, но эти рассуждения могут оказаться важными. Я так думаю (с).

Рассуждение первое. Вернее, вопрос. К самому себе. Для чего я сюда прорывался?

Помнится, объяснял это Маринке-маленькой. Без моей Марины жить незачем, всепоглощающее чувство и т. д. Так и было, и на той стороне, в Поселке, в Городе, на периметре, в отделе Коммодора тоже так было. Правильный позывной он мне выбрал. Мания она и есть мания.

Но это не ответ. Потому что совершенно не думал о том, что дальше. Ну, предположим, застал бы ее живую. И что дальше-то?

На самом деле застал ее дочь, точную копию, мне анализ ДНК никакой не нужен, я знаю, что эти мать и дочь генетически идентичны. Это абсолютно не значит, что я отношусь к Маленькой так же, как к ее маме. Ничего подобного, Боже упаси! (Смолёв, кажется, относился так же, но я не он).

Марины нет, есть ее дочь. Только это ничего не меняет. В смысле, что ответа на вопрос “что делать?” (привет классикам) у меня нет.

Еще раз: допустим, была бы Марина жива. И что? Оставаться здесь до конца дней? Жить долго и счастливо и умереть в один день? Ха. А для воспроизводства будущих поколений надро накопить спермы миллион пробирок, и мужиков тоже заставить, пробирки заморозить, и пусть будущие копии нынешних девчонок оплодотворяются, а потом их копии и т. д. Так, что ли? А все равно это процедура конечная. В историческом масштабе если судить, все прервется весьма скоро. Да еще раньше прервется, потому что партеногенез этот чисто женский. Речицына не воспроизведешь, а без него все рухнет через пару лет. Максимум.

Ну так что? Плевать на будущее, прожили бы для себя, и ладно? Грустно...

Или пытался бы я мою Марину вытащить отсюда? А она согласилась бы? На ней столько было здесь завязано, и на Маленькую теперь все это легло. А она, Маленькая, согласится, если я вдруг предложу?

Надо спросить Речицына, а он согласился бы уйти, оставив здесь всех прочих, включая Местных? По сути, не оставив, а бросив.

Сдается мне, я и сам не согласился бы. Но это время покажет. Может быть. Надеюсь, будет хотя бы что показывать.

Рассуждение второе. Оно вытекает из первого. Необходим план действий. Направленных все равно на поиски выхода, но хотелось бы такого выхода, который не для одних лишь избранных.

а) Посетить уровень 16. Речицын и Вялкин страхуют. Потыкаться там. Вдруг есть двери, люки, ворота и т. д.

б) Выйти из дальней оранжереи Отшиба. Качественно обследовать, по максимуму. Возможно, несколько раз, после смены пейзажа.

в) Раскурочить выходную дверь в Слободке. Нет, сначала зайти по территории на ту сторону корпуса, посмотреть извне. А потом, если понадобится, курочить изнутри.

На данный момент не могу решить, что перспективнее и, соответственно, приоритетнее. Интуиция молчит. Ладно, очередность по обстоятельствам.

Важно: желательно делать все это с Маленькой вместе. Вернее, так: первый раз сам, а дальше вместе. Думаю, перепонки ее пропустят. Скажу им: эта девочка со мной.

Да, еще обойти весь периметр. Снаружи сколько раз обходил, теперь изнутри разок. Медленно, вдумчиво.

(Конец рассуждений.)

Что-то Маленькая задержи...»

В дверь постучали, приоткрылась щелочка. Петя, громким шепотом:

— Игорь Юрьевич! Вы спите?

— Давно не сплю, Петр. Доброе утро! Что случилось?

— Не-не, у нас все тихо, а просто Маришка звонит. Подойдете?

Легка на помине, улыбнулся Игорь. Поспешил в холл, к настенному переговорнику.

— Марина, привет! Эх ты запропастилась...

— Здравствуйте, Игорь! Нет, у меня все в порядке. Просто работы много было срочной...

— Да я понял...

— А потом не стала звонить, у вас же ночь была, а у нас утро началось как раз, ну я и начала наших обследовать, и завертелось, забыла обо всем, простите!

— Ты мне это прекрати, — деланно строго сказал Игорь. — Вот еще «простите»! Обследование — это святое! А у меня к тому же всего-навсего восемь утра. Так что нормально. Единственное — ты, наверное, устала безумно...

— Нет, я ничего, — заверила его Марина. — Та ночь, когда к Местным вызвали, конечно, суматошная была. А потом ничего. — Она помедлила и сообщила с гордостью: — Знаете, с обследованием я, кажется, справляюсь! Нервничала, это же мое первое такое, мама ежегодно проводила, я только чуточку ассистировала, а теперь мне Ольчик с Ирчиком ассистируют. Вот, а как начала, так и успокоилась. И все получается! С тремя мамами уже закончила, и с Иришкой успела, теперь буду анализы расшифровывать, а завтра остальных девчонок очередь, а потом мужчин. Игорь, пойдете обследоваться? Вы когда последний раз обследовались? Ну, там, у себя...

— Не помню, — ответил он. — Честно, не помню. Так что давай, включай меня в список.

— Уже включила! — Сквозь помехи Игорю слышались радостные нотки. — На послезавтра по вашему счету времени, первым из мужчин, как вам?

— Знаешь что... — Ему пришла в голову идея: — Давай я лучше буду последним? Я тебе позже объясню резоны, ладно?

— Конечно! Как скажете! Тогда, получается... у вас же сегодня воскресенье? Значит, в четверг. Ура! — Маринина оживленность сменилась озабоченностью: — А ничего, что я с этим всем застряла? Вы же на меня рассчитывали, а я, вот... Вас задерживаю...

— Ничего, девочка. Ты молодчина, я тобой горжусь! А четыре дня мне как раз пригодятся. Тоже позже объясню.

— Спасибо... А у мам состояние не очень хорошее. Гипотонический синдром у всех, и мышечный, и кардиальный, а на ЭКГ зубец Т депрессивный... Даже у тети Эли, хотя она и не рожала, не получилось у нее, но она нам все равно как мама, а вот состояние тоже не особенное... А у Ирины все хорошо, ну еще биохимию расшифровать, но я уверена... Ой, да что я, как будто вы профессор медицины! Вы скажите, придумали что-нибудь?

— Во-первых, рассказывай все, что считаешь нужным. Если я чего не пойму — спрошу, а ты мне объяснишь. Договорились? Молчание знак согласия. — Банальности несу, упрекнул себя Игорь. — А во-вторых, да, придумал кое-что. Но поначалу должен испытать придуманное сам и только сам. А там и ты свою работу закончишь, и ко мне подключишься. Хорошо?

— Хорошо! Спасибо вам! Я побегу?

— Беги-беги. Только силы соразмеряй. Удачи тебе!

Нужно ли было рассказать об уходе Смолёва? Игорь решил, что правильно промолчал. Марина эмоциональна — в маму... и к тому же еще далеко не взрослая, по какому ходу времени ни считай. Так что эти новости — потом. Надо будет на всякий случай остальных предупредить.

Петю предупредил сразу, тот понимающе покивал.

Сели завтракать.

Обследование — это хорошо, размышлял Игорь. Странно, что ни в отделе 31/3, ни в департаменте 31 не озаботились всесторонне меня обследовать... нет, даже не обследовать, а исследовать. Снять все мыслимые характеристики всех до единой систем моего организма — частотные, фазовые, амплитудные, специфические какие-нибудь медико-биологические. Коммодор же допустил, а за ним и его начальство, что я действительно могу преодолеть оболочку. Странно, что и я сам об этом не подумал. Хотя нет, это как раз не странно: я тогда только о прорыве думал. И о Марине, конечно... Но они-то, профессионалы, как же так? Вот я прорвался — значит, надо искать людей с таким же, как у меня набором этих самых характеристик! И запускать на прорыв их тоже! А то и брать спецагентов каких-нибудь, ученых всяких, кого угодно, и корректировать их характеристики, подгонять под мои. Это, наверное, уже фантазия... хотя, с другой стороны, откуда я знаю, чего достигли нынче биотехнологии... не моя специальность.

Но они, профессионалы, даже минимума не сделали. Промониторили стандартно, подкачали физически, да и все. Русская беспечность? Ага, китайские товарищи вообще саркофаг над своим объектом воздвигли, а американские «партнеры» аттракцион устроили...

Ладно, проехали. А Маленькая — она пусть меня обследует по максимуму. На это времени потребуется, скорее всего, не один день — вот и пойду последним, чтобы других не задерживать.

— Еще кофейку, Игорь Юрьевич? — спросил Петя.

— Давай, Петр, спасибо.

Четыре дня... Сегодня, если Саша здесь, — вниз, в мертвое время. В Tempo Muerto. А дальше видно будет. Или не будет.

«Малый вперед» у меня уже был, вспомнил Игорь. Теперь — средний вперед.

Саши в Резиденции не оказалось.

— Он, — сообщил Петя, — еще час назад... нет, уже почти полтора часа как профилактику фильтрам делает, через которые нас водой снабжают.

— Кто же снабжает? — улыбнулся Игорь.

Петя развел руками.

— Снабжение в Марьграде, действительно, супер, — проговорил Игорь. — Всего в недостатке, а воду взять — так что здесь, что на Отшибе она отличная...

— ПалЛексеич ей анализ делал, — вставил Петя. — Сказал, водичка идеальная!

— ...а у Местных, — продолжил Игорь, — ржавая. Как раз то, что им нравится. И все это, конечно, здорово, только вот у меня на вас с Александром виды были... Придется менять план.

— Не-не! У СанВасилича с фильтрами всегда быстро! Скоро уже воротится! Ой он мастер...

Петя завел очи горе, а Игорь подумал: вот эти двое — простые, вроде бы, мужики. У Саши образование — одиннадцать классов. Или девять плюс ПТУ. Плюс, конечно, школа жизни. Высокоумных разговоров на дух не переносит, разве что изредка реплику вставит ироническую. При этом все, безусловно, понимает. И все делает как надо. Не только руками, головой тоже. Петю взять — опять же одиннадцатилетка, а из школы жизни — суровый батя, братья-хмыри, месяц в заводской охране, двадцать лет в Марьграде, по хозяйству в основном.

Цены им нет обоим.

И противоположность — умники здешние. Все с высшим образованием. Два пенсионера на полном обеспечении, море слов, заумь, игры в значительность. И покойный... тьфу, какой покойный, *коченёлый* — однако, при всей мрачности смысла, вкусное словцо! — *новокоченёлый* Матвей, истероидный тип...

Игорь заставил себя оборвать эти размышления. Нехорошо так. Повторил из вспомнившейся на днях песни: двадцать лет — это срок, что длиннее и глубже могилы. «Василичи» держатся, а сдавшихся — из которых одни еще хорохорятся, но фактически сдались, другой и вовсе капитулировал, — сдавшихся не осуждают, сдавшимся сочувствуют. Павел сдался, наверное, инстинктивно; Иван, нет сомнений, и осознанно.

Да и потом, сказал себе Игорь, что я знаю о других капитулировавших, которые лежат без жизни и без смерти там, внизу? Кто из них с каким был... или есть... образованием — Боже, что за разница?

Так что нечего.

— Петр, сколько сейчас ваших... ну то есть наших... ну ты понял — сколько их лежит этажом ниже?

— На шестнадцатом-то? Семеро... нет, уже восьмеро... со вчерашнего дня...

— Всего, значит, двенадцать вас было изначально.

— Как месяцев! — сказал Петя. — Или как этих... знаков Зодиака!

Не так прост парень, как держит себя, подумал Игорь. Что ж, ему так удобнее.

— Или апостолов, — добавил он.

Петя вдруг заговорил с горячностью:

— А знаете, ИгорьЮрич, что я открыл? А вот что! Я еще раньше открыл, что если взять первые буквы наших фамилий, то получится АВЕРС. А аверс — это же главная сторона медали! Не обратная, как ПалЛексеич говорит — мы, мол, как отдача от выстрела, — а главная! Вот. А как вчера Матвей Константиныч от нас ушел, так я по-другому открыл. Знаете, как? А вот как! Нас теперь четверо: Вялкин, Елохов, Речицын, Анциферов, да! Получается: ВЕРА!

— Круто! — восхитился Игорь. — А Лушников, смотрю, никак не вписывается...

— Так вы-то, ИгорьЮрич, у нас наособицу! Иван Максимыч верно подметил!

— И правда круто, — изрек вошедший в кухню-столовую Елохов. — Растешь, Петр. Сейчас Иван приползет, уж он-то по достоинству оценит. Однако всех с добрым утром. И желательно бы на зуб что-нибудь кинуть. Кашка есть, Петя?

Вскоре прихромал и Анциферов. Они с Елоховым вяло жевали-глotalи, вяло перебрасывались какими-то малозначительными фразами; Игорь не вслушивался; вести с ними разговоры ему и вовсе не хотелось. Потом эти двое ушли к себе, а он остался. Сидел молча, курил, ждал Сашу.

Выступили из Резиденции ровно в полдень. Петя не преминул отметить: «Во, и часов тоже двенадцать».

Пятисотметровый коридор, поворот налево, еще раз налево и еще пятьсот метров. Игорь, полуутвердительно-полувопросительно: «Проспект Пятнадцать». Александр традиционно: «Ага».

Никакой площади Пятнадцатых Встреч: проспект упирается в глухую стену, справа тоже стена. В очередной раз налево. Здесь привычно: площадка, пятимаршевая лестница вниз. А внизу опять не так, как на всех предыдущих уровнях: хода налево нет. Есть только направо, в широкий проем.

Вошли, остановились перед следующим проемом. Слева аккуратно разместились три самоката, справа — тележка на четырех колесиках, на ней мегафон. За проемом — слабо освещенный коридор.

— Это мы типа в шлюзе, — пояснил На-Всё-Про-Всё. — Дальше уже то самое. Игорь уверен? Там долго не пробудешь, что толку соваться?

— Перекур, — ответил Игорь. — И покачусь.

— Дело хозяйское... Я с тобой прокачусь. Петро, ты страхуешь.

— На атасе, — сказал Петя. — Не привыкать...

Игорь поднял брови:

— Неужто в юные годы гоп-стопничал?

— Да нет, — смутился тот. — Брякнул ради красного словца, не подумал... Вы ж не воровать идете, а наоборот, на эту...

— На миссию, — вспомнил Игорь беседы с Коммодором. — Не тушуйся, Петр, наше дело правое, хоть и хозяйское!

— Не на атасе, Петро, — назидательно сказал Александр, — а на стреме тогда уж. Ну что, — обратился к Игорю, — как тебя дружок твой Федюня прозвал, путником? Готов, путник?

— Маньяк я, — уточнил Игорь. — Погнали. Сначала малый вперед. Саш, я войду, ты за

мной, а уж там рядышком, потихоньку. А дальше — по обстоятельствам.

Не выбирая, взял самокат, подкатил его к проему. Посмотрел на часы. Идут нормально, показывают 12:28. Кстати — отметил краем сознания — теперь вот ровно неделя с прорыва, с точностью до минуты. Случайность, конечно.

Шагнул вперед. Почувствовал щелчок — как всегда при смене темпа времени. Опять посмотрел. Секундная стрелка замерла. Сделал еще пару шагов, махнул рукой — заходи, мол.

— Видишь, Саш, на циферблате логотип: Tempo Lento.

— Без очков я, — отозвался На-Всё-Про-Всё. — Но тебе верю.

— Tempo Lento — это по-испански «медленное время». Понты такие у фирмы, время-то часы отсчитывают исправно. А теперь стоят. Это по-испански будет Tempo Muerto. Мертвое время. А я что-то ничего не ощущаю. Никакого торможения жизненных процессов.

— Я у тебя ощущаю, наоборот, возбуждение, — серьезно сказал Саша. — Это нервное. И временное, ага. Так что поехали, раз уж ты такой упертый.

— Как ишак, — Игорю опять вспомнились дни перед прорывом. — Ладно, поехали.

— Экскурсия! — объявил вдруг Саша. — Гляди, ложементы по левой стене. Первый — Илья. Едем, Игорь, едем. Второй — Володька Елагин. За ним...

Глазеть на тела было неловко, но Игорь заставил себя не отворачиваться. Он понял: самым словом «экскурсия», казалось бы, неуместным, На-Всё-Про-Всё подсказал, что здесь не кладбище, не место для траура. И обозначил надежду.

— ...Мишка Струков. Веселый, заводной. Марина у него рак желудка определила, вот и решил: сюда. Дальше — Козлов Витя. Ося Цыпин. Тоже веселый. И певун, голос сладкий какой! Дальше — Буйновченко Валера. Саня Назарчук.

— А Матвей где же?

— Да этот как всегда... подальше от народа... Вот он он. Ну, мужики, авось свидимся...

— Средний вперед, — сказал Игорь.

Немного ускорились, покатались молча.

Тоннель в сечении — метра четыре на четыре. Скорее камень, чем бетон. По левой стене пустые ложементы. Тусклое освещение непонятно откуда — никаких лампочек. Конца тоннелю не видно.

Не заснуть бы от монотонности, подумал Игорь. Не засну, успокоил он себя: прилив сил ощущался с каждым отталкиванием, тянуло разогнаться как следует, по максимуму. Пока сдерживался.

Донеслось Петино: «Пять минут!»

— На километр отъехали, — прокомментировал Саша. — Или чуток меньше. А дальность у матюгальника два километра. С тех двух километров, если нормально растолкаться, воротимся за пять минут. Стало быть, как Петро крикнет про десять минут, так и поворачиваем оглобли. Или если не слышать его станет, тогда тоже поворачиваем, ага. Он-то теперь каждую минуту отмечать будет. А нам рисковать ни к чему, это Алексеич верно говорит. Нас и так мало.

«Шесть минут!»

«Семь минут!»

— Стоп машина, — скомандовал Игорь. Заговорил, стараясь быть предельно убедительным: — Саш, слушай. Я себя чувствую идеально, сил девать некуда. Посему: поворачивай-ка ты прямо сейчас, а я рвану... из всех сухожилий. Ничего со мной не

случится! Да и прихватил же с собой пистолет, ампулка в него заправлена с допингом. Уколюсь, если что. Может, здесь на все двенадцать часов и не хватит, но часов на пять-шесть — должно. Успею вернуться.

— А там ты и отключишься, — покачал головой Саша. — Не от стоячего времени, так от допинга своего, когда работать перестанет.

— Я не буду все эти пять часов использовать! Часа через два назад поверну. Повторяю: если что.

«Восемь минут!»

Игорь широко улыбнулся.

— Саш, ну подумай: там же никто еще не бывал... из людей! А представь, ну вдруг там тоже лежат... инопланетяне какие-нибудь! Те самые, которые всю эту бодягу, в смысле весь Марьград с окрестностями и устроили. Которые само Покрытие устроили! Или не лежат, а усердно трудятся — снабжают вас водой, продуктами и всем прочим. А? Шучу, конечно, но в каждой шутке, сам знаешь... А на самом деле, там, дальше, может, путь к выходу. Или прямо в город ведет этот тоннель. Раз — и свобода! Кто хочет — выходит, кто хочет — остается! А?

«Девять минут!»

— Сомнительно, — сказал На-Всё-Про-Всё. — Но вижу я, тебя не переубедить. Хуже ишака...

— И ты туда же, — рассмеялся Игорь.

— И силой тебя не удержать...

— Это точно.

— Дуй, что уж... Не забывай, в Марьграде тебя ждут. Маришка хотя бы.

Саша ткнул Игоря кулаком в плечо, получил в ответ, развернулся и резво поехал назад. Прощание — как с Коммодором перед моим прорывом, отметил Игорь.

Потом он ощутил ветерок — легкий ветерок со стороны входа. Удивился: нигде внутри объекта 31, он же Завод, он же град Марьград с окрестностями, нет ни малейшего дуновения, вихорьки в Слободке и в оранжереях не в счет. А здесь — ветер! Порадовался: попутный.

«Десять минут!»

Полный вперед.

Некоторым дано контролировать время без приборов — у них есть встроенные в организм часы, более-менее точные. Игорь к таким своим «часам» относился скептически. Но здесь, в Tempo Muerto, ни приборов, ни хотя бы солнца нет, хмыкнул он.

Оставалось вести устный счет. Прикинул, что отталкивается ногой каждые четыре секунды, и начал: один, два, три... Правда, при этом не удавалось думать, но оно и к лучшему. Долой рефлексии! План составлен, идет выполнение первого пункта, нечего расплыться на какие-то там мысли, надо внимательно следить за дорогой, вот и все. Как в старом фильме: выбрали направление и идем!

Дорога была крайне однообразной. Идеально ровный пол, идеально прямой тоннель, конца ему по-прежнему не видно, скудное, но достаточное освещение, слева бесконечный ряд пустых, словно подготовленных для кого-то каменных ложементов, каждый в своей нише. Надгробия. Нет, решил Игорь, подгробия — можно же и гробы ставить. Тьфу, сказал он себе, какие еще гробы! Там, в начале этой галереи, живые люди лежат! Или не живые? Но

и не мертвые же... Ни жив ни мертв — как раз об этом выражение? Нет, конечно, но сюда подходит. В буквальном смысле ни живые ни мертвые.

Однако со счета все же сбился — не о «возвышенном» мысли, так о пустяках, а все равно мешают. Ну и ладно.

Вспомнились откровения одноклассника — ни имени, ни внешности, только слова: «Представляешь, Луч, я все время о чем-нибудь думаю! Если не о чем думать, то о том думаю, что ни о чем не думаю!»

Напрягся, попытался все-таки оценить, сколько же времени он пилит. Без устали, кстати... Точно, я особый, ухмыльнулся он. Правда, никакой моей заслуги в этом нет.

Предположил, что пилит часа два-три. Получилось, что пропилил не меньше сорока километров. Направление, вроде бы, на запад — стало быть, уже вот-вот курортный Поселок. Представил, как выныривает из-под земли прямо перед Гешинкой кофейней. Или лучше перед Евгешиным магазинчиком. И просит ящик пятилетнего «Коктебеля».

Угу, шестнадцатый уровень Марьграда — это полтора метра под землей. Не случилось бы декомпрессии при выныривании... А если серьезно, то километры километрами, да вот непроницаемой оболочки-невидимки, охватывающей Завод со всех сторон, что-то не встретилось...

Еще подумалось, что этак время может и в обратную сторону покатиться. Тогда из-под земли хорошо бы вынырнуть двадцать лет назад — и отбить любимую у неизвестно откуда взявшегося Андрея, и увезти ее отсюда...

Размечтался, прикрикнул он на себя.

Дальше удалось все же не думать ни о чем. Считать тоже не стал. Вернее, считал, но лишь до семи — чтобы сменить толчковую ногу.

Проехал еще примерно столько же. Значит, прошло общим счетом часов пять. Погрешность, конечно, абсолютно неизвестна, но нужно же хоть на что-то опираться.

Состояние оставалось — лучше не бывает, тоннель оставался — унылее не бывает. Время здесь для всего и вся, кроме меня, нулевое, подумал Игорь, а ноль — это обратная сторона бесконечности. Плюс-минус бесконечности. Как Петя сказал, пусть про совсем другое, — аверс? Вот плюс-минус бесконечность и есть аверс, а ноль — реверс. И взаимно наоборот. Ха.

Может, и пространство это, тоннель этот — тоже бесконечность? Только не плюс-минус, а лишь плюс. Или минус, но опять же лишь. Ибо у пространства этого начало точно есть.

Бесконечно переть по бесконечному тоннелю как-то странно. Может, в этой бесконечности нет голода, жажды, истощения и всего прочего грубого физиологического. Может, и старения нет и, соответственно смерти нет. А все равно — странно и даже глупо, ведь скорость движения — она-то конечна! И, значит, едешь бесконечно долго и остаешься бесконечно близко к началу бесконечности...

Тьфу и еще раз тьфу.

Игорь решил: пропилит — по ощущениям — еще пару-тройку часов и повернет, как говорил Саша, оглобли.

Однако поворачивать не пришлось: пространство оказалось не бесконечным. Во всяком случае, антураж сменился.

По обеим стенам, по полу, по потолку — четкая граница: с этой стороны все подсвечено, с той — абсолютная темнота. Игорь затормозил, остановился. Чуть помедлил, шагнул за черту. Ощутил щелчок... да нет, не щелчок — нечто, как и прежде, неслышимое и неосязаемое, но теперь басовитое, гулкое, насыщенное обертонами. Взглянул на часы: идут! Нормальным темпом!

Ну, уже что-то. А дальше — как быть в этом мраке кромешном? Остолоп, ругнул он себя, что ж фонаря не захватил? Налобный бы в самый раз... Закурил. При огоньке зажигалки разглядел ближайшие метры. Поверхности вроде такие же, как позади, каменные, гладкие; точно, и на ощупь подтвердилось; а вот ниш с ложементами нет.

Ясно, однако, что двигаться дальше зажигалка не поможет.

Возвращаться категорически не хотелось. Докурив до фильтра, сообразил: есть же японский гаджет, в нем дисплей с подсветкой! Снял чудо техники с руки, нажал на нужную кнопку. Не Бог весть что, но, наверное, сгодится, если ехать медленно. Приладил японца к рулю самоката. Сойдет. Почти сойдет, но «почти» не считается, как и «чуть-чуть». В позитивном смысле не считается.

Подумал: вернусь в большой мир — надо будет написать японцам о таком нестандартном применении их изделия. Фара, надо же.

Самый малый вперед.

Катился со скоростью пешехода. Время, естественно, засек, и теперь следил только за ним и за дорогой — о постороннем не думал. А она, дорога, через час с четвертью пошла под уклон. Пришлось подтормаживать. Через пятнадцать минут пол выровнялся, стал опять горизонтальным.

Нет, не думать все-таки не получалось: вдруг, вообразил он, окажусь я не под Поселком, а в Заливе, в глубине! Легко, Залив же где-то рядом... Правда, он мелкий, и двадцати метров нет... А прикольно, кабы глубина была: вынесло бы на поверхность разорванный труп, потом опознавали бы, Коммодор бы подключился...

Страшно не было, было смешно почему-то.

Опять ехал, не отвлекаясь на постороннее. Потом убогий свет «фары» лег пятнышком на конец тоннеля. Это был не свет в конце тоннеля, а именно конец тоннеля — глухая стена.

Поворот налево. Теперь — настоящий свет.

Ускорился. Вылетел в широкий коридор, затормозил, едва не упав.

На стене указатель: «К Площади Первых Встреч». Прямо по курсу вход в коридорчик, над ним табличка: «Тупик». Обернулся — над проемом, из которого только что выкатился, такая же табличка. Развернулся, метнулся обратно, уперся в стену. И правда тупик.

Вернулся на проспект Раз. Машинально глянул на часы: бегут, как угорелые.

Это дело надо перекурить.

Глава 36. Tiempo de Niños. Дата: неопределенность / 15.06.49, вторник

Ну хорошо. Предположим. На уровне Tiempo Muerto время — нулевое, оно же — бесконечность, что в плюс, что в минус. Но и пространство оказалось тоже бесконечным, и тоже в обе стороны! Только в другом роде: траектория, как выяснилось, замкнутая, а у замкнутой кривой — ни начала, ни конца, катайся сколько влезет. Правда, с переходами на ненулевые временные режимы, так что влезет все-таки не вечность — в итоге помрешь когда-нибудь на этой траектории... Траектории на самом деле многомерной, жутко искривленной, еще и изломанной. Сингулярность на сингулярности и сингулярностью погоняет. И все это у них, у сингулярностей, взаимно.

Игорь громко расхохотался. Оборвал смех, взял себя в руки. Необходимо проверить — тот ли это самый уровень «раз» или его клон, дубль в параллельном пространстве-времени. Совсем уж фантастика, но разве сам этот Марьград не фантастика, достойная воображения писаки с сугубо гуманитарным образованием? Пер по горизонтали, местами с уклоном вниз, был чуть ли не в двухстах метрах ниже нуля, выскочил почти на поверхность... Угу, параллельный мир с точно такими же прибабасами, почему нет? Забавно было бы встретить здесь себя самого. И поубивать друг друга... ножиком зарезать, стропорез-то с собой.

Тоже своего рода бесконечность... с фатальным финалом.

Ладно. Все-таки должны быть детали, которые в параллелях не воспроизводятся. Или, в конце-то концов, все это — вопрос веры.

На поверхности все было как обычно. Игорь вышел из корпуса, постоял минутку-другую. Ни к Слабине, ни в Башню наведываться не стал — придет и их очередь, но позже. Вернулся внутрь, заглянул в Слободку. Тоже ничего нового. Спустился, поехал по проспекту Раз — к Федюне. Не спешил, внимательно присматривался к стенам, потолку, полу — искал хоть какие-нибудь отличия и не находил.

В секторах, похоже, была глубокая ночь — ни души, и лампы пригашены. На столике в Федюниной «отсечке» лежала хорошо початая упаковка чернослива, здесь же красовалась куча косточек. Под скамейкой валялся листок из блокнота — тот самый, с их перепиской. Нет, не может быть таких параллелей. То есть, быть может все, но такого — не должно... во всяком случае, не верится. Все, домыслы про параллельные вселенные нужно отбросить.

Конечно-конечно, знаем-знаем, есть такое вполне научное понятие — мультивселенная, она же мультиверс. Однако трудно предположить, что в этом мультиверсе две условно соседние вселенные смыкаются настолько экзотично: шестнадцатый уровень Марьграда одной состыкован с первым уровнем Марьграда же другой. Грозь бритвой, Оккам настаивает: в твоём, Игорь, случае имеет место искривление пространства-времени, не более того.

Не более, угу. Спасибо большое.

Из «фатерки» доносилось посапывание с тоненькими присвистами. Игорь осторожно заглянул внутрь, подсветил дисплеем часов. Точно, хозяин спит без задних ног — видать, умаяла его Лавуня. Интересно, а он ее? Из солидарности будем надеяться, что тоже, а

любопытствовать ни к чему. Пора вниз. Или, как Местные уверены, вверх.

В учете быстрого времени Игорь запутался, а вот на Отшибе, по его прикидкам, только начинался вечер. Тем не менее, на вызов с переговорной панели ответили не сразу.

— Кто там? — чей голос, как всегда, не определить.

— Это Игорь Лушников, добрый вечер.

— Ой! А вас потеряли... Добрый, только если вы к Марине, то ее нет, она к вам пошла. Ну, к Священным.

— Ого! Сама?!

— Ну да. Сказала, попробует сама, а потом оттуда позвонила, что все получилось. Она там Ивана Максимовича обследует, а то ему к нам подниматься тяжело.

— Ясно, — сказал Игорь, хотя особой ясности не было. — Тогда я тоже туда. Вам спасибо.

Самокат он оставил на площадке перед последним пролетом лестницы к Резиденции. Спускался по этому пролету на цыпочках — хотел преподнести сюрприз. Осторожно заглянул в холл, увидел грустного Петю. Кашлянул. Чуть не оглох от вопля:

— ИгорьЮрич!!!

Петя вскочил, кинулся было к Игорю, развернулся, с криком: «Сейчас всем скажу!!!» понесся в противоположную сторону. Что ж, сюрприз смазался. Да и пусть.

В «переговорной» реакция была по форме иной, а по смыслу близкой:

— Ё-моё... — вымолвил На-Всё-Про-Всё. — Ты даешь... Мы-то тебя уж хоронити начали...

Игорь отозвался классической репликой:

— Не дождетесь!

Сообщил:

— Саш, самокат я на лестнице оставил, маршем выше.

— Ты с марсианами-то своими, как, повстречался? — спросил тот.

— Кофе хочу, — невпопад ответил Игорь.

Он вдруг почувствовал, что устал. Очень устал. И зверски голоден. Но прежде всего необходима чашка крепкого кофе.

— Не рассказывай пока, — сказал Саша. — Сейчас остальные приковыляют, тогда и... Чтоб, как говорится, два раза не вставать. А то на тебе лица нет. — И добавил: — Однако, уж как я рад...

Слово «приковыляют» подходило не ко всем. Первой в кухню-столовую ворвалась Марина. Обхватила руками возившегося с кофе-машиной Игоря, прижалась, замерла, отпрянула, попыталась что-то произнести, не смогла. Он улыбнулся, а про себя отметил — глаза у дочки красные. Поймал себя на этой «дочке». Спросил:

— Кофе будешь, девочка?

Она замотала головой, села на первый попавшийся стул.

— ИгорьЮрич, да вы чего, вы садитесь, я все сделаю! — это подросел Петя.

Деловито вошел Елохов, за ним появился Анциферов, тяжело опирающийся на трость. Действительно, приковылял...

Сдержанно поздоровались. Расселись. Выжидательно уставились на Игоря. А ему требовалась маленькая пауза — собраться с мыслями. Чтобы паузу заполнить, принялся выставлять свои часы по здешним настенным. И опешил: без семи минут час дня?! Как это — дня?!

— Как это — час дня? — повторил он вслух.

— А сколько же должно быть, по-вашему? — осведомился Анциферов.

— Ну... точно не знаю, но вечер... может, к полуночи ближе...

— Друг, — проникновенно сказал На-Всё-Про-Всё, — тебя двое суток не было! Мы с тобой разъехались тоже в час дня, почти, Петро вон засекал. Только какого дня? Воскресенье то было! Тринадцатое число! И сейчас час дня. А какого дня? Вторник нынче! Вторник! Пятнадцатое число! Ты где пропал-то?

Пятнадцатое?! Двое суток?! Игорь одним глотком выпил кофе. Закурил. Заговорил.

Когда закончил, немедленно раздалось саркастическое:

— Ну-ну.

Это, разумеется, высказался Анциферов. Пожевав губами, он продолжил:

— Видите ли, Игорь, я вас искренне и глубоко уважаю. Но изложенное вами излишне фантастично. Еще раз напомню: я вас уважаю. Мое отношение к вам несколько не изменилось. Я совершенно не имею в виду, что вы все это... э-э... сочинили. Нет и нет! Однако позволю себе предположить, что вам... э-э... привиделось. Поехали вы по стоячему времени, оно взяло вас в оборот — не так, как берет других, вы же действительно отличаетесь... Но — взяло! Не знаю, как это происходило конкретно, но, по-видимому, где-то достаточно далеко — нам не добраться — вас все-таки сморило, продержало двое суток, разбудило, повело обратно, довело до того места, где вы сейчас оставили самокат, после чего внушило то, что вы нам только что поведали.

Фантастично, про себя повторил за ним Игорь. Это я до вас донес голые факты, от рассуждений о бесконечностях с сингулярностями воздержался.

— А давайте, Иван, — весело сказал он, — поставим эксперимент. Пойдем с вами вниз, ляжете вы на тележку, и я вас покачу. Вы, конечно, через полчаса окоченёете — это мой друг Федюня так выражается, — вот, уснете, но я гарантирую, что докачу вас до выхода из мертвого времени. Перекачу в нормальное, там вы очухаетесь, мы перекусим — прихватим с собой отсюда что-нибудь, путь-то долгий, — и поедем дальше. И доедем до уровня «раз». Кстати, никаких преград — вы их красиво именуете препонами — никаких препон на всем пути нет. Ну, тележку придется там оставить, прости, Саша, а сюда возвращаться — ножками, иначе никак. Согласны, Иван? Да, Марин, ты-то как преодолела, пардон, препону?

— Затягла же обследование, а Иван Максимович к нам подняться не в состоянии сейчас, — объяснила девушка. — Вот и решила попробовать. И получилось, представляете? Обследование, конечно, получится сокращенное, без рентгена, без томографов, но полный осмотр провела, ЭКГ сделала, кровь взяла на биохимию... Со всеми так, не только с Иваном Максимовичем, а кто может, потом уже придет ко мне на аппаратные процедуры. Кстати, Матвея Константиновича тоже рассчитывала осмотреть, да вот... Не знала... И про ваше отсутствие, Игорь Юрьевич, тоже не знала.

— Маришечка у нас героиня! — изрек Анциферов. — Гора не пошла к Магомету, зато...

— Марина умничка, — перебил его Игорь, — но вы, Иван, не отвлекались бы, а? Я вам

предложение сделал... ног и тележки... Согласны? Между прочим, с первого уровня все равно спускаться мимо Отшиба, так вот и зашли бы к Марине на томографы и прочее. Ну?

— Соглашайся, Максимыч, — подначил На-Всё-Про-Всё. — Игорь дело говорит.

Анциферов промолчал.

— Я Игорю Юрьевичу стопроцентно верю, — тихо сказала Марина.

— А я двести! — неожиданно горячо заявил Петя. — А еще я надумал кое-что... после расскажу... Иван Максимыч, чего вы на меня так смотрите? Да, верю ИгорюЮричу, что не привиделось ему, а взаправду все было! И потом, я бы услышал, если б кто на самокате по коридору с шестнадцатого ехал, да еще тот самокат по ступенькам волок!

— Я тоже верю, — сказал Елохов. — А тебе, Иван, поменьше бы... того... а, Бог с тобой. Мариша, я тоже наверх не пойду. Что осмотрела, то осмотрела, и спасибо тебе, и достаточно для меня лично.

— Ишь, прям этот, как его, референдум, — усмехнулся Александр. — Ну, я тоже верю. Ага. Извиняй, Максимыч. А на рентгены твои, Мариш, я уж завтра, лады? Или как скажешь.

— И я как скажешь, — вставил Петя.

— А я наверх — сегодня! — объявил Игорь. — Только сначала не на Отшиб, а второй пункт плана выполнять. Медленно, скрупулезно пройду по периметру. Как раз у меня время есть — голод сейчас утолить, очень хочется есть, в себя прийти пару часов, вот и готов буду.

— С одной стороны, разумно, — оценил Елохов. — Первый ваш пункт ведь отработан? Ну и что же, что впустую отработан. Ничего не впустую! Отрицательный результат тоже... и так далее. А с другой стороны, вам бы, Игорь, не сорваться... перегрузки все-таки немалые...

— Ничего, — отмахнулся Игорь. — Двух суток пропавших жалко, а так-то я в порядке. Да и время детское. О! По-испански — Tiempo de Niños! Ну, одно к одному! Если кроме шуток, то вернусь я до ночи. Или на Отшибе заночую. Если хозяйки позволят.

— Позволят, — серьезно заверила Марина. — Тогда я пока здесь побуду, а подниматься будем вместе, хорошо?

Заметив, что Петя едва не приплясывает от нетерпения, Игорь сказал:

— Петр, так что ты надумал? Давай, не томи!

— Я, ИгорьЮрич, только на тот случай, если у вас не это... не получится... А тогда можно вот как.

Петин замысел состоял в следующем. Все мужчины ложатся, как он выразился, на сохранение. Все, кроме каких-нибудь двоих. Эти двое в течение года занимаются жизнеобеспечением Марьграда. Год истек — вывозят из стоячего времени кого-нибудь, а из них самих один ложится. Второй остается, новичка всему обучает. Год — вахта этой пары. И так далее, и по кругу. Всего физически здоровых — восемь, а то и десять. Пар получается четыре или пять. У каждой впереди жизни — лет двадцать. Четыре на двадцать, торжествующе заключил Петя, это восемьдесят лет, а пять на двадцать это целых сто! Это будет уже двадцать второй век! Нас выгатают, двести процентов! И кто захочет, останется тут, а кто захочет, уйдет.

— Значит, кто физически не очень здоров, тому так и лежать твои сто лет, — мрачно заметил Анциферов.

— Да как сами пожелаете, Иван Максимыч! Добровольно же все!

— А с медициной как? — улыбаясь, спросил На-Всё-Про-Всё.

— Так СанВасилич! Маришка-то родит! Будет Марина-третья! Тоже доктор! Тоже родит, Марину-четвертую!

Игорь заметил, что Марина еле сдерживает смех, и подвел итог:

— Петр, ты голова! Правда-правда! Но пока что я надеюсь, что у меня что-нибудь да получится. А еще более пока что — безумно хочу есть!

— Это в момент! Вы сидите, сидите! — обрадованный Петя кинулся к кухонным девайсам.

— Тебя по периметру сопроводить? — предложил Саша.

— Спасибо, да у тебя, наверно, дел накопилось немерено. Я пока сам. Самокатом только попользуюсь еще, ладно? Мне только подняться, дальше на своих двоих, а самокат в Слободке спрячу.

На-Всё-Про-Всё только махнул рукой.

На исходе программы дня Игорь признал правоту Елохова: еще бы чуть-чуть — и упал бы там, где стоял. Все-таки нагрузки аховые... Да, стартовал в детское время — в три часа дня. Но заняла вся история почти десять часов, так что возвращался за полночь. Спасибо самокату, без него вообще не справился бы.

А с ним — справился, да только опять с отрицательным результатом. Дотошнейшее исследование периметра не дало ровно ничего. Как и подход к обратной стороне марьградского корпуса. Не нашлось здесь никаких следов того, что имело место изнутри, из Слободки — ни бронированной двери, ни зарешеченного окошка в ней. Глухая бетонная стена, вот и все. Для очистки совести Игорь поковырял ее ножом, попытался тронуть резакон, извинился перед инструментами, двинулся вокруг корпуса, вошел в него, добрался до Отшиба, был встречен встревоженной уже Мариной, есть-пить отказался, умудрился сообщить парой слов об отрицательном результате, улыбнулся, доплелся до комнаты, становившейся привычной, сумел раздеться, похвалил себя за отказ от стимулятора, поругал за легкомыслие, рухнул, усомнился, что заснет, но заснул.

Глава 37. Архи те круты. 16.06.49, среда

Звякнул сигнал вызова, из динамика раздался голос Борзого:

— Сергей Николаевич, встретил. Прибудем через двадцать четыре минуты.

— Добро, — откликнулся Коммодор.

Нахмурился: добро-то добро, да от добра этого — добра ли ждать? Тыцнул по клавиатуре, перечитал позавчерашнее сообщение.

«Гриф: совершенно секретно

Откуда: департамент 31

От: Иванова И. И.

Куда: отдел 31/3

Кому: Коммодору

Дата, время: 14.06.49, 15:35 UTC+3

РАСПОРЯЖЕНИЕ

1. Направляются во вверенный Вам отдел 31/3 для прохождения дальнейшей службы нижеследующие:

1.1. Подполковник Петров Валентин Валерьевич (позывной Голова-3 (прописью: Три)).

1.2. лейтенант Мокшан Артем Денисович (позывной Братан).

2. Надлежит Вам 16.06.49 обеспечить встречу вышеназванных в аэропорту «Бахчиванджи» (рейс SRW 1842) и сопровождение в расположение отдела 31/3.

2.1. Указанные встречу и сопровождение производить силами 1 (прописью: одного) Вашего сотрудника в гражданской форме одежды и на транспортном средстве с регистрационными знаками (госномерами) Вашего региона.

2.2. При встрече и сопровождении обращаться к вышеназванным лицам без употребления воинских званий и вышеупомянутых позывных.

2.3. Взаимное опознавание встречающего и прибывающих произвести использованием транспаранта с текстом “Коломна 49” у встречающего сотрудника, красными литерами на белом фоне.

3. Надлежит Вам того же 16.06.49 лично (без свидетелей) принять от вышеназванного Головы-3 опечатанный спецконверт с 3 (прописью: тремя) чернильными синими (не сургучными, не гербовыми) печатями Управления архитектуры, градостроительства и благоустройства администрации города Коломна. ВАЖНО: на средней из вышеуказанных печатей намеренно допущена ошибка в слове “архитектуры”: выполнено в транскрипции “архитекруты”.

4. В случае непредставления вышеназванным Головой-3 вышеуказанного спецконверта, а также нарушения целостности спецконверта и/или несоответствия печатей характеристикам, упомянутым в п.3 настоящего Распоряжения, надлежит Вам:

4.1. Произвести задержание вышеназванных Головы-3 и Братана с содержанием в строго изолированных и охраняемых одиночных помещениях (камерах).

4.2. Поместить спецконверт, подпадающий под признаки, указанные в данном пункте настоящего Распоряжения, в особое хранилище отдела 31/3 (без вскрытия упомянутого спецконверта).

4.2. Немедленно доложить по данному каналу связи.

4.3. Действовать в соответствии с полученными по данному каналу связи распоряжениями.

5. В случаях, не подпадающих под п.4 настоящего Распоряжения, надлежит Вам:

5.1. Вскрыть вышеуказанный спецконверт в присутствии вышеназванного Головы-3.

5.2. Ознакомиться с содержанием распоряжений, содержащихся в вышеуказанном спецконверте.

5.3. Предоставить распоряжения, упомянутые в п/п.5.2, Голове-3 для ознакомления.

5.4. Вышеуказанный спецконверт и его содержимое немедленно уничтожить, о чем составить соответствующий Акт.

5.5. Об исполнении пп.5.1–5.4 немедленно доложить по данному каналу связи.

5.6. Действовать в соответствии с вышеупомянутыми распоряжениями.

Также уведомляю Вас, что приказом МО РФ Вам присвоено воинское звание капитан 1 ранга. Копия приказа МО РФ прилагается. Соответствующие знаки различия, а также шапка-ушанка черная (из меха бобра) с козырьком будут доставлены Вам спецналичным.

Благодарю за службу.»

Разумеется, было отвечено стандартным «Принято к исполнению» и неизменным «Служу России». А вот что сие послание, исполненное в махровом канцелярском стиле — впрочем, как же иначе, служба есть служба, — что оно означает, это пока оставалось гадать. А гадать незачем, напомнил себе Коммодор. Миссия Головы-3 (от Змея Горыныча, что ли) вот-вот разъяснится. Что же касается повышения в звании... оно либо для иерархии — дабы я эту голову превосходил, либо она, голова, едет мне на смену, и тогда третья звезда на погон да бобровая шапка с козырьком на голову (мою!) — дабы скрасить увольнение... Ну, тоже нечего гадать.

— Разрешите войти? Подполковник Голова-Три по распоряжению...

— Присаживайтесь, Валентин Валерьевич, — оборвал доклад Коммодор. — Прибыли благополучно?

— Благодарю, Сергей Николаевич, — ответил Голова-Три.

Лет сорока, оценил Коммодор. Среднего роста... среднего телосложения... вообще весь какой-то средний на вид... особист, наверное, по исходной специальности... в сером костюмчике, при галстучке... взопрел, небось... виду не подает...

— Конвертик, — потребовал он.

Внимательно рассмотрел конверт и печати. Все в порядке. Архитекруты, скажите-ка... круты, угу. Даже архикруты. Те. Ха.

— Вскрываю.

11.06.49

ПРИКАЗ ПО ДЕПАРТАМЕНТУ 31

№ 65–49/31

1. Назначить подполковника Петрова Валентина Валерьевича (позывной Голова-3) заместителем начальника отдела 31/3 департамента 31 по боевой части.

2. Возложить на заместителя начальника отдела 31/3 Голову-3 командование группой, осуществляющей патрулирование черты городской застройки и иных территорий по местонахождению объекта 31.

3. Численный состав группы установить в количестве 61 (прописью: шестидесяти одного) служащего, включая старшего группы лейтенанта Мокшана Артема Денисовича (позывной Братан).

4. Заместителю начальника отдела 31/3 Голове-3 самостоятельно установить порядок и режим патрулирования, указанного в п.2 настоящего приказа. О результатах патрулирования докладывать мне. Копии докладов направлять для ознакомления начальнику отдела 31/3 капитану 1 ранга Смирнову Сергею Николаевичу (позывной Коммодор).

5. Начальнику отдела 31/3 Коммодору:

5.1. Продолжить общее руководство отделом.

5.2. Продолжить командование группой, осуществляющей патрулирование периметра объекта 31. Патрулирование производить согласно предыдущим распоряжениям. О результатах патрулирования докладывать мне. Копии докладов направлять для ознакомления заместителю начальника отдела 31/3 Голове-3.

5.3. Произвести отбор личного состава для патрулирования, указанного в п/п.5.2 настоящего приказа, в составе 16 (прописью: шестнадцать) служащих, включая старшего группы старшего лейтенанта Шульгу С.Н.

5.4. Обеспечить заместителя начальника отдела 31/3 Голову-3 и старшего группы Братана всем необходимым для исполнения обязанностей, определенных настоящим приказом.

5.5. Предоставить заместителю начальника отдела 31/3 Голове-3 данный экземпляр настоящего приказа для ознакомления.

6. Начальнику отдела 31/3 Коммодору и заместителю начальника отдела 31/3 Голове-3:

6.1. По ознакомлении с настоящим приказом уничтожить данный экземпляр, о чем составить Акт за соответствующими подписями.

6.2. Об исполнении п/п 6.1 настоящего приказа доложить мне.

Директор департамента 31: /Иванов И.И./

Подпись и печать были на месте. Все законно.

— Приказано предоставить вам для ознакомления, — сказал Коммодор. — Прощу.

— Я в общих чертах в курсе, — сообщил Голова-3. — Но приказы подлежат исполнению.

— Точно-точно, — рассеянно подтвердил Коммодор.

Ну что ж, подумал он, мне так даже лучше, с одной-то стороны: бардак с продолжающимися задержаниями кого попало переключается на плечи этой Головы. С другой стороны, ситуация, по военным меркам, дикая: единоначалие похерено. Вроде как в Древнем Риме бывало — правда, там командовали попеременно, через день, сегодня один,

завтра другой, послезавтра снова первый... Еще вернее аналогия с первым периодом Красной Армии, когда комиссар мог помыкать командиром... да тоже не совсем то... Больше похоже на Аустерлиц: один командует своими войсками, другой своими, координации нет, итог известен...

Есть и третья сторона, понял Коммодор: двоевластие — ненадолго. Фактически на смену мне прислали эту Голову, ясен красен. Только не сразу, не одномоментно, а чтобы вникла Голова, освоилась и все такое.

Пора, пора... Хотя и силы еще есть, а один хрен пора. Жаль только, разгадку загадки Маньяка моего не узнаю... если будет она, разгадка.

— Ознакомились? — спросил он.

— Точно так.

— Сейчас распечатаю Акт об уничтожении, он стандартный, только заполнить нужное. Приказ с конвертом — в шредер, Акт подписываем с вами — и в сканер, и отправляю в департамент. Оригинал в сейф вот этот. Возражения, дополнения?

— Не имею.

По окончании процедуры Коммодор поинтересовался:

— А почему у вас, Валентин Валерьевич, такой позывной?

— Не могу знать.

— Неужто не спрашивали у начальства?

— Зачем? — удивился тот. — Позывной как позывной, какая разница.

— Добро... Ну, пойдете вниз. Представьте мне вашего Братана, а я вызову сотрудника, он вас обустроит. Он же и накормит. И кабинет ваш отопрет, будете в этом же коридоре, через две двери отсюда. Или через три, сотрудник уточнит.

Связался с Соней, приказал: «Свистать тебя ко входу в главный корпус».

Спускаясь туда с новоявленным замом, поиграл в уме его позывным. Получалось смешно. Например: голова принимает пищу. Или что-нибудь про естественные отправления.

Между прочим, осознал Коммодор, это уроки Маньяка. Вспомнилось, как выпал свободный часик, трепались о том о сем, и тот изгалялся — над кем?! — над самим Толстым Львом Николаевичем! Цитировал из «Воскресения»: мол, «председатель склонился к члену». Коммодор тогда рассердился, сказал Маньяку, что маньяк он и есть; а сейчас поблагодарил начальство — лучше уж Головой назвать, чем Членом... а ведь могли бы... был бы какой-нибудь Член-Пятнадцать...

Напомнил себе: на патрулирование периметра отобрать самых толковых, с Упырем да с Борзым надо посоветоваться, они уже более-менее знают контингент. А по Городу и окрестностям — за это теперь Голова-3 отвечает, вот и пусть обходится теми, кто ему останется.

Принял доклад Братана о прибытии. Плотный такой Братан, на вид — то ли убийца, то ли бухгалтер. Свел новеньких с Соней, поставил тому задачу. Условился с Головой о встрече через полтора часа. Пошел к себе. Тоже бы пообедать, но с Головой да Братаном — что-то не хотелось.

Глава 38. По замкнутой прямой. Дата: неопределенность / 16.06.49, среда

Разные люди по-разному переносят горе. Самая естественная и, наверное, самая распространенная реакция — нескрываемые тяжелые переживания. Слезы, отчаяние, депрессия; чернее тучи — как раз об этом.

Некоторые же, наоборот, вызывают у окружающих недоумение, а то и осуждение: другой словесный шаблон — как с гуся вода — именно об этих некоторых.

На самом деле такой человек страдает не меньше. И дело даже не в том, что он интроверт или что он зачем-то скрывает свои переживания. Тяжесть, легшая (или обрушившаяся) на его душу, вызывает у нее, у души, противодействие — душа в ответ тоже как бы каменеет и не прогибается. Это не осознанное и даже не подсознательное — это внесознательное.

Позже все-таки приходит *оно*: и осознанное, и невозможное быть скрытым. Камень души оказывается не камнем, он утрачивает прочность и твердость, он проседает под грузом горя. И тогда человек, если он действительно интроверт, пытается как можно меньше общаться, а если общаться, то с малознакомыми, лучше — с совсем чужими; водка в этот период и спасает от полного саморазрушения, и к нему же ведет, только другими путями...

К числу таких людей принадлежал и Игорь.

Он пробудился рывком, и лютая тоска скрутила его беспощадно. Что объяснял Коммодору? Что втолковывал Анциферову и прочим? Иду туда к *ней*, за *ней*, жить без *нее* не могу, то есть могу, но не знаю зачем жить. Вот, пришел. А *ее* нет.

Сколько прошло с того момента, как узнал? По календарю — неделя, даже вторая началась. Всю неделю что-то делал, с кем-то спорил, с кем-то соглашался, шутить изволил, и куда-то ходил, и куда-то возвращался, и где-то потерял двое суток, и ничего не понимал, и старался понять, и что-то постепенно понимал, и строил какие-то планы, и казалось — нет ничего важнее.

И только теперь пробило до самого доньшка.

Он подавил рвущийся наружу вой, прихватил зубами подушку, пожелал себе немедленно сдохнуть, ибо всем весом накрыло его то самое: не знаю зачем жить.

Через некоторое время — он не мог бы сказать, минута это была, или час, или полжизни — безумие черной тоски двинулось немного на спад. Сначала вспомнилось любимое пушкинское:

Твоя, краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Нет. Не то. Чтобы так ждать, нужно много веры.

Потом вернулась способность воспринимать хотя бы себя самого более-менее рационально.

Эгоизм, покаялся он. Зациклился на собственной персоне, а она значения не имеет. И как оценивают эту персону «умники» — тоже не имеет. Речицын, Вялкин — уверен, всё

понимают или, по крайней мере, чувствуют, но и это не имеет значения. Маринка-маленькая... С ней надо будет поговорить, потому что она-то значение имеет! Не дай Бог, чтобы она уверилась в черствости человека, который утверждает, что любил ее маму. Не для этого человека не дай Бог, а для самой Маленькой.

Вот ключ. Для кого, для чего? К черту объяснение своих переживаний, пропади они пропадом! Для кого, для чего делать то, что задумано? Для нее, Маринки-маленькой. И для всех остальных, потому что они несчастны, потому что даже Анциферов, с его нелепыми попытками сохранять былую значительность, тоже несчастен, потому что даже Местные, ставшие нелюдьми, тоже несчастны, и не важно, что в большинстве своем не подозревают об этом.

Так уж вышло, сказал себе Игорь, что моих силах помочь им. Всем или хоть кому-то из них. Возможно. Я не виноват, что это в моих силах, я на это не подписывался, однако же выпало — мне. Конечно, еще тридцать раз «возможно», потому что вилами по воде... Но если есть вероятность — должен пробовать.

А виду — не подавал, ну так и не подавать. Не имеет значения. На сердце что есть, то и есть, и это только его, сердца, касается.

За невидимой стеной теперь желтело несжатое поле. Начиналось оно прямо от стен дальней оранжереи, а за ним, не близко, но, оценил Игорь, вполне досягаемо, вздымался невысокий холм с почерневшими постройками, то ли жилыми, то ли хозяйственными — не разглядеть. Имелась в поле тропинка; она слегка вилась, кое-где терялась из вида, снова появлялась, потом стала неразличимой. Зато по холму к постройкам вела, кажется, полноценная дорога.

— Это хорошо, — сказал Игорь. — Было бы море — пришлось бы вплавь. Лодок-то мы с тобой, Марин, не видели, верно?

— Жа-алко, — протянула девушка. — Так хотелось на море...

Ребенок, совсем ребенок, подумал Игорь, и горечь вновь взметнулась в его душе, и вновь была безжалостно задавлена.

— Ничего, — бодро пообещал он, — все впереди! А пока лучше суша. Сама подумай, как по воде-то? Я еще ладно, я плаваю неплохо...

— Ихтиандр, — сказала Марина и тут же спохватилась: — Ой... Простите...

— Ихти-Игорь, так меня твоя мама называла... — медленно проговорил он. — В твоей памяти иначе, а в моей именно так...

— Вы мне об этом не говорили...

— Да как-то не до того было... Ладно, приступим. Эта преграда, похоже, самая сильная, уступает только внешней оболочке. Помнится, туда я легко вышел, а обратно, с ландышами, протиснулся не без труда. И, кстати, когда выходил легко, в висках стучало, а когда обратно — нет. И когда сюда, на Завод, проникал, тоже пульс был ого-го! И когда тебя вниз проносил — помнишь? — даже адреналином ты меня колола. А сейчас ничего не стучит... Так что давай-ка, заряжай. В смысле вынимай шприц. — Он притворно нахмурился. — И не спорь.

— Ну конечно, со старшими не спорить, — пробормотала Марина. — А что я врачаю, это как?

Однако послушалась.

После инъекции Игорь выждал пару минут — и шагнул. Почувствовал сопротивление, но небольшое. Прошел. Посчитал до десяти. Шагнул обратно. Сказал:

— Вроде нормально. Пробуем вместе.

Сердцебиение усилилось. Он поднял Марину на руки, велел прижаться как можно плотнее, сделал шаг. Показалось, что преграда прогибается. Подумал: особая преграда, у других нет этой эластичности.

Усилил нажим. Невидимое лопнуло, беззвучно, но явственно.

Поставил Марину на ноги. Выдохнул:

— Уфф. Сработало.

Добавил:

— Хорошо бы обратно так же. А то придется жить во-он в тех домиках.

Проверил часы — идут как положено. Засек время. Скомандовал по-Сашиному:

— Двинули.

Тропинка была узкой, на одного. По этому тесному коридору с желтыми колосящимися стенами полутораметровой высоты Игорь шел впереди. Изредка оглядывался, видел — Марина в эйфории. Еще бы...

Солнце грело спины, ветерок охлаждал. Слышалась жизнь — гудели насекомые, кто-то шебуршал среди стеблей, не показывая себя. Высоко-высоко мелькали ласточки. Стоял густой запах, пшеницы ли, ржи, овса — в злаках Игорь не разбирался, но это не мешало наслаждаться воздухом.

Шли уже час. Марьград отдалялся; он виделся отсюда высокой стеной «кремлевского» цвета. А холм с постройками никак не приближался.

— Очередная деформация пространства, — объяснил Игорь.

Чудная деформация, односторонняя. Исходный пункт исправно отдаляется, конечный застыл на месте. Марина, казалось, не замечала этой странности, а Игорь начал тревожиться. Даже когда один, как было в *Tempo Muerto*, легкомыслие остается дуростью, ибо от тебя зависит еще чье-то будущее; правда, победителей не судят... Но уж когда не один, как в этом поле, превышать допустимый уровень риска просто нельзя. Правда, какой уровень допустим, знать невозможно. Решил волонтаристски: шагаем еще ровно час, потом поворачиваем, как говорил Саша, оглобли.

Тут же возникло подозрение — получится ли? Ну-ка, проверим...

— Марин, — сказал он. — Ты постой, я отбегу на минутку. Вот, рюкзак посторожи.

Стараясь не повредить стеблей, обошел девушку, припустил в сторону Марьграда. От рюкзака Маринка не отойдет; думает, что по надобности отлучился, — и хорошо.

Подозрение подтвердилось: ни за минутку, ни за три стена «а-ля Московский Кремль» не приблизилась ни на йоту. Оглянулся. А Марина-то отдалилась вполне адекватно...

Так-так. Деформация пространства еще и избирательная — зависит от того, куда движется наблюдатель. Ну и ну. Что ж, придется опять как в том кино: выбрали направление и идем.

Возвращаясь к Марине, сообразил: возможна также деформация времени. При том, что дата, очевидно, близка к внемарьградской — хлеба не убраны, а жатва, как известно, начинается только в июле. Но топать вот так, на месте, можно и до июля, и до Нового года, и до, прости Господи, Страшного суда. Зерном питаться, ага.

Остановился на мгновение, взглянул на небо. Так и есть, деформация времени тоже: где солнце висело, когда чуть отошли от оранжереи, там и висит. Невысоко; спасибо, что не опустилось: стартовали-то, если по нормальному времени считать, утром — стало быть, висит на востоке, туда опускаться было бы с его, солнца, стороны совсем нехорошо. Однако и не поднялось.

Ладно. Еще час по этой тропинке, а потом вбок, в эти кущи зерновые... вправо или влево — первым делом по интуиции, вторым — против нее же...

Марине, конечно, ничего не сказал, кроме «Двинули».

На исходе отведенного часа что-то (или кто-то) смилостивилось: холм вдруг словно прыгнул навстречу. Поле закончилось, тропинка сменилась полого поднимающейся грунтовой дорогой, очень сухой, сильно разбитой. Холм оказался, собственно, не холмом, а скромным возвышением, постройки на нем — деревянной. Давно заброшенной, ясно было с первого же взгляда.

Тени путников, до сих пор лежавшие наподобие указателей — на запад, — резко укоротились, повернулись по часовой стрелке, остановились в направлении норд-вест. Взгляд на небо подтвердил: солнце совершило скачок по азимуту и по высоте.

Игорь с Мариной шли по единственной улице деревни. Девушка погрузнела, и было от чего: дырявые или обвалившиеся заборы, висящие на одной петле калитки, покосившиеся грязно-серые домики с выбитыми окнами и распахнутыми дверьми, остовы легковушек, без шин, без стекол, колодец — заглянули в него, убедились, что высохший... Куда делись обитатели, где живность, кто заседал роскошное поле, кто будет убирать обильный урожай — спрашивать было некого, а гадать не имело смысла.

— Смотри, Марин, скамейка, — сказал Игорь. — Сейчас проверим, цела ли... Цела Давай присядем. Есть-пить хочешь?

— Только пить.

Протянул ей бутылочку, сам глотнул из другой. Закурил.

— Слушай, Марин. Ты, наверное, удивляешься мне. Я ведь, как узнал, что Марина... мама твоя... что ее больше нет... так и не отреагировал по-человечески. Ты, наверное, черствым меня считаешь, бессердечным? А про любовь все врал, да?

— Господи, о чем вы! — воскликнула она. — Да вы что, Игорь! Я же не маленькая, понимаю все, правда-правда! Да я сама... знаете, когда мама заболела, я очень плакала, только тайком. Чтобы никто не видел, а главное — чтобы мама не видела. А когда она... когда ушла... меня тогда как будто сковало. Ни слез, ни криков. Разговаривать ни с кем не могла. Хотя и приходилось, по делу, но именно что через не могу. Не помню сколько дней так. Спать в Бывшую Башню убегала. Там смотрела на звезды, спала совсем мало. Просто смотрела и все. Потом случайно услышала, как кто-то из наших говорит: Мариша вся почернела. А бабушка Таня в ответ, строго так: слава Богу, не от того же почернела, от чего Марина-старшая. Тут меня и прорвало. А вы ни о чем таком не думайте, вы мне теперь родной, и я все-превсе понимаю. Ну вот, снова слеза выкатилась...

— Спасибо, девочка, — с трудом проговорил Игорь. — Спасибо тебе.

В горле ком — а на душе сделалось чуточку легче.

— Мы теперь куда? — спросила Марина. — Дальше?

— Только дальше, — ответил он.

Объяснять, что путь назад проблематичен, счел ненужным. Ни к чему будоражить Маленькую, ей и без того хватает.

Улица пошла под уклон, потом деревня закончилась, опять началось поле. Через час с небольшим тени повернулись ближе к норду. Впереди показалась стена — точь-в-точь такая же, какая утром была за спинами.

Приблизились к стене настолько, что стал заметен узкий проем в ней. После этого повторился уже знакомый Игорю сценарий, только в обратном порядке: холм с деревней продолжал отдаляться, стена же стояла, как заколдованная. Да что там «как» — действительно заколдованная, подумал Игорь. Все здесь заколдованное, удивляться нечему.

Он уже догадывался, что произойдет. Марина, после деревни не впадавшая в эйфорию, встревожилась было, но Игорь постарался успокоить: дескать, все нормально, я уверен. Прорвемся!

Да, прорвались. Стена вдруг выросла прямо перед ними. Солнце еще раз прыгнуло, тени стали совсем короткими.

— Иди на ручки, девочка! — позвал Игорь. — И добро пожаловать домой.

— Как так? — потрясенно спросила Марина.

— А вот так, — ухмыльнулся он. — Изломы времени и пространства. Не бери в голову.

Преграду преодолели на удивление легко — можно было подумать, что Марьград с трудом отпускает, но зато охотно принимает. Это только здесь, поправил себя Игорь. С внешней оболочкой пока более чем неясно.

Часы Отшиба показывали столько, сколько и должны были показывать — час ночи. По нормальному времени, понадеялся Игорь, это полчаса пополудни тех же суток. Он чувствовал, что на этот раз время попрыгало-попрыгало, но пришло в себя и не стало устраивать дополнительных фокусов.

Так и оказалось.

Оказалось также, что выполнение этого пункта программы тоже дало отрицательный результат.

Оставалось последнее — Слободка.

Из блокнота И. Ю. Лушников

«...Получается, что прошли мы по замкнутой прямой.

Теперь о Маринке-маленькой.

1. Предполагаю, что преодолеть преграду при возвращении она могла бы и самостоятельно. Но для этого требуется полная концентрация, а Маленькая была в состоянии крайнего изумления. Но если мое предположение верно, то она уже превзошла всех обитателей Резиденции. Им-то выход из дальней оранжереи закрыт. Достигла ли она моего уровня «проникновенности», не знаю. Возможно, будет случай проверить.

2. Как только вернулись, Маленькая сразу побежала внутрь Отшиба. Ей не верилось, что мы пришли туда же, откуда вышли, кинулась проверять. Удостоверилась. Звонила по рации «дяде Саше» (Речицыну) и в Резиденцию. Рассказывала взхлеб. Потом спросила меня еще раз: как же так? Я ей на пальцах объяснил, что наши органы чувств воспринимают и

передают в мозг одно, а реальность от этого может сильно отличаться. Двигались мы по прямой в одном и том же направлении, но эта прямая замкнулась, то есть оказалась кривой. А та реальность, через которую мы шли, тоже относительна. Это квазиреальность, как и все, виденное до сих пор из дальней оранжереи: и море, и вьюга, и т. д. Кажется, Маленькая поняла. Сказала: правильно я не любила это место, оно обманка.

Во всяком случае, успокоилась. Рассказала, что в дни перед моим появлением в Марьграде фиксировала у себя легкие симптомы сердечной аритмии. Полагала, что это связано с ожиданием меня того, кого завещала ей ждать мама. Но с моим появлением эти симптомы прекратились. Поэтому считает, что они были чисто возрастными.

Затем настояла на проведении моего обследования. После ланча и короткого (3 часа) отдыха приступили к этому. Маринка молодец. Работает очень старательно и, на мой взгляд, очень профессионально. Каждое действие проговаривает. Не для пациента (хотя и для него тоже, отчасти), а в основном для своих помощниц. На подхвате были Ольга и Ирина, она их уже давно натаскивает. И это правильно.

Результаты у меня на 5+. Осталось еще расшифровать кое-что, но в целом сомнений нет. Здоров как бык и даже лучше.

Расшифровывать будет весь остаток дня (по стандартному счету времени), потому что там не только по мне материалы, а и по другим «пациентам».

Избегаю здесь описывать свои ощущения и впечатления, но следующее считаю важным: очень странным показался переход от квазиреальности за пределами оранжереи к совершенно обыденным человеческим делам (в данном случае медицинским).

Теперь о планах.

Из того, что было придумано, остался последний пункт, Слободка с ее бронированной дверью. Резать к чертовой матери! (с)

Хотел приступить прямо завтра. Приступим-то приступим, но выяснилось, что история не на один день (мог бы и сам сообразить). Связался по рации с Речицыным, объяснил задачу. Он понял и принял, хотя и заметил, что в Слободке ни разу не видел никаких дверей, с окошками или без. Но мне верит. И уточнил: во-первых, в момент моего вызова находился на уровне 2, ремонтировал проводку (закоротило там что-то). Во-вторых (в-главных), работать будем ацетиленовым резаком. А его нужно поднять с уровня 11 наверх и протащить по всей Слободке. Сам-то он легкий, но еще же баллоны с газом. Плюс разная мелочевка. Шланги, ниппели запасные, мундштуки. Маски обязательно. Плюс шанцевый инструмент. В общем, багаж серьезный, а рук мало. Возможно, не в один прием получится. На доставку уйдет как бы не целый день и полночи. На месте проверить все и т. д. По мнению Речицына, сразу после этого начинать резать не стоит. Он сказал: струя там горячая, а голова потребна холодная.

Вынужден согласиться. Тем более, Маленькая хочет идти с нами (отказать не могу), а перед этим завершить все по своим обследованиям. Записать в журнал, в медкарты, упорядочить, разложить. Чтобы все было в полном порядке.

В итоге: ночью на Отшибе, с утра (в 6:00 по нормальному счету времени) стартую, спускаюсь в Резиденцию к складам (на уровень 11), там пересекаемся с Речицыным (и, возможно, с Вялкиным, это пусть Речицын решает) и начинаем операцию.

Последнее на сегодня: интуиция, кажется, начинает что-то бормотать. Пока не пойму что. То ли прорвемся, то ли здесь останемся на веки вечные. Будем тогда гулять по замкнутым прямым сколько влезет. А если прорвемся, тогда пока неизвестно что. Проблема.

Не проще, чем ту дверь вскрыть.»

Глава 39. Полный вперед, или Все будет хорошо.

Дата: неопределенность / 19.06.49, суббота

Из блокнота И. Ю. Лушникова

«Настал момент, когда об ощущениях писать необходимо.

Сейчас по времени Отшиба 02:00, по нашему это час ночи, 19 июня. Даже у Местных, по моим представлениям, и то ночь. Вся моя команда (экипаж, сказал бы Коммодор) спит без задних ног, а у меня ни в одном глазу.

Речицын был прав. Позавчера (17 июня) наломались, мало не покажется. Два рейса с 11-го уровня до конца Слободки, часов по 5–6 каждый. С грузом, отчасти тяжелым, отчасти легким, но множественным. Очень помог Вялкин. И очень помогла техника. По Слободке Речицын рассекал туда-обратно на роллере, а мы с Вялкиным катили тележку (в прошлый раз она была катафалком). Так что челночные поездки Речицына с каждым разом делались короче.

В общем, управились к полуночи. Потом была сборка, потом проверка. Для нее Речицын предусмотрительно захватил с собой тяжеленный огрызок старой чугунной отопительной батареи. Искромсал вдрызг! (Вялкин был в восторге!)

Ночевали на Отшибе. Там уже начиналось утро, мы продрыхли до их вечера, а по нашему времени получилось до десяти утра вчерашних суток, 18 июня. И двинули на дело. Вчетвером: я, Речицын, Вялкин и Маринка. (Не могу ее обозначать по фамилии. Рука не поднимается.)

Физически было легко, не сравнить с предыдущим днем. А эмоционально...

Еще раз посоветовались с Речицыным, где и в каком порядке резать. Потом он надвинул маску. Скомандовал надеть темные очки и отвалить в сторонку. И зажег. В прямом смысле и в переносном. Резал не одни только петли, а по всему периметру двери.

Потом мы с Вялкиным подцепили полотно монтировками, толстыми такими. Навалились. Оно и пошло. И упало. Пыли подняло, жуть.

Тут у меня как раз начались ощущения. Правда, они объективные, так что их описание не против правил. Ощущения такие: только-только начало валиться полотно двери, как у меня синхронно застучало в висках и в груди. А когда полотно рухнуло, стучало уже так, как б-го числа перед прорывом оболочки. Или даже сильнее.

Конечно, и субъективные ощущения тоже были. Интуиция орала: да!!!

А когда полотно рухнуло, мы увидели в проеме кирпичную стену. Сплошную, хотя до этого через окошко в двери были видны вагонетки. Опять искривление пространства? Да и хрен бы с ним. Ломами и кувалдами мы эти кирпичи выбили к чертовой свекрови. Выпрямили пространство. Но еще не до конца. Кирпичи-то вылетели, а на их месте возникла прямо в воздухе бледно-желтая полоса, а на ней ярко-красные буквы. Вот такие:

ВЫХОДА

НЕТ

Один в один как на мосту при подходе к Заводу. Только с лишней буквой Ы, там ВХОДА не было, здесь ВЫХОДА. И в две строчки, потому что там, на мосту, достаточно места, чтобы в одну строчку буквам уложиться, а здесь ширины проема не хватило. А в остальном все так же. И приплясывают эти буквы слегка, и даже шрифт, вроде бы, такой же.

Очень странно. Там-то обычные люди эту запретку делали, с помощью обычных технологий. А тут? Ну да и пусть. Главное, что я как там на «ВХОДА НЕТ» внимания не обращал, так и тут на «ВЫХОДА НЕТ». Вот еще. Вообще-то такие запретки обычно означают, что вход или, соответственно, выход есть, только туда нельзя. Ага (с) Щяс.

(Чувствую себя сильно на взводе, но это, наверное, хорошо.)

Шагнул я сквозь эти буквы. Ничего не почувствовал. Остальные за мной. До вагонеток рукой подать. Пейзаж незнакомый, это и Речицын подтвердил. Я ж тут (или не тут?) обход периметра делал на днях, а он вообще много раз. И ходил, и долбил, и копал, и все такое.

И вдруг Речицын начал что-то говорить, но поначалу невнятно, заикаясь, ничего не понять. Лично я испугался, что с ним случилось что-то типа инсульта (тьфу-тьфу-тьфу, типун мне на язык). А он рукой показывает. Тогда-то я и заметил. И тоже обалдел. Да и Вялкин с Маленькой остолбенели. ОДНОЙ ВАГОНЕТКИ НЕТ!!! РАЗРЫВ!!!

Точнее сказать, я не обалдел, а вот именно что чуть кондратий меня не хватил. В голове не пульсировало, а не могу сравнение подобрать как грохотало. И в груди соответственно. И в руки-ноги отдавало. (Специально для охальников: нет, больше никуда.) На фоне этих молотов у меня возникла твердая уверенность (интуитивная), как было и при прорыве 6 июня. ПРОЙДУ.

На ощупь оболочка как оболочка. (Ха). Именно она и ничто иное. А вид за ней просматривался плохо. Не только мне, остальным тоже. Маленькая даже носом уткнулась в оболочку, как ребенок зимой в оконное стекло, только как бы без стекла. Очень трогательно. Но все мы видели только полоску мелкого гравия на несколько метров вправо-влево, за ней нижнюю часть какого-то столба. Все остальное скрывал очень плотный туман. Облако. Но все равно я точно знаю, что это наш большой мир, что вид изнутри есть иллюзия, а я ПРОЙДУ. Более того. Не просто сам пройду, но и сумею провести других. Если они захотят или (что почти то же) позволят себе. И сумею привести помощь из большого мира.

Это и есть главный вопрос. Захотят ли? Если захотят, то позволят ли себе? И, в конце концов, если нет, то вправе ли я не просто уходить, но даже приводить помощь?

Так. перевозбуждение. Стоп.

В 05:00 подъем. Речицын с Вялкиным отправляются в Резиденцию. Сюда, на Отшиб, вернутся со стариками, с Анциферовым и Елоховым. В 12:00 маленькая “отвальная”. Может, это слегка помпезно, но считаю важным поговорить со всеми напоследок (напоследок ли?)

Перед тем успею смотаться наверх. Хочу на всякий случай попрощаться с Федюней и, если получится, с девочкой Манюней-Манечкой. Кажется, в наши 10:00 у них будет что-то около полудня. Смолёв был “штатным хронометристом” Марьграда, без него учитывать время в разных режимах стало трудно.

(К слову. Вялкин рассказал, что однажды “размечтался” о настенных часах в Резиденции, которые показывали бы не только нормальное время, но и ускоренное, т. е. время Отшиба, и быстрое, т. е. время Местных. Смолёв взялся сделать это, “начертил схему” и был недоволен, что у Речицына не доходят руки все собрать. Это еще раз к тому, что Вялкин достаточно непрост.)

Маринка вызвалась составить мне компанию наверх. Я не против.

Полный вперед (с) не позже 14:00. По московскому времени. Ага (тоже цэ)

Все будет хорошо.»

К Бывшей Башне Марина шла впереди, Игорь за ней. Она немножко гордилась: это ее дорожка, ее башня! Вернее, мамина и ее. Чуть-чуть пожалела, что название дала такое простое; куда красивее было бы «Башня Двух Марин». Даже загадочно и романтично! Хотя и длинновато. Но спешить ведь было некуда, правда?

А теперь есть куда спешить: Игорь Юрьевич сказал, что времени у них тут в обрез, а Марине хотелось побыть в Башне подольше, вот и почти бежала по дорожке.

Когда вошли внутрь, сразу задрала голову. Звезды... соскучилась по ним...

— Маринка, — позвал Игорь Юрьевич.

Стало радостно — он впервые обратился к ней так. Все «Марин» да «Марин», как бы строго. А «Маринка» — это ласково.

— Слушай, — сказал Игорь Юрьевич, — почему у вас тут в углу какая-то куча ошметков валяется для лежания? Мягкая, понимаю. Но синтетика же, неприятно на ощупь, и аллергия может быть. Хоть дерюгой какой накрыли бы...

— Это когда-то мама сюда принесла. Сказала: ничего, потом благоустроим. Еще дядя Саша порывался помочь, но мама сказала: спасибо, Санечка, здесь мы с Маришкой сами, только сами. Нам же, сказала, нужно такое, чтобы мы сами, хотя бы пустяковое. Медчасть наша, сказала, не в счет. Вот, а руки так и не дошли благоустроить. И у меня не дошли. Что там благоустроить, я все никак дядю Сашу не попрошу ножницы заточить по металлу...

— Сегодня есть чем гостинцев нарезать... — откликнулся Игорь Юрьевич. И заговорил серьезно: — Маринка. Трудный вопрос у меня. Ты, конечно, еще не совсем взрослая, но... ты и дочь своей мамы, и такая важная в Марьграде персона... Вот скажи, как ты думаешь. Я сегодня, почти стопроцентно уверен, справлюсь с оболочкой. И что дальше? Когда две недели назад сюда прорывался, мысль была одна: Марина. Теперь мысли другие. Уходить одному мне незачем. Разве что помощь звать, но почему-то думаю, что, если один уйду, оболочка станет опять непроницаемой. Лыко-мочало, начинай сначала. Увести кого-то еще — смогу, вот наверняка смогу. Тебя — точно смогу. Но... Скажи что-нибудь. Маринка.

— Трудный вопрос... — повторила она. — Я все время об этом думаю, хотя и не совсем взрослая... Думаю — и разрываюсь напополам. Остаться — и прожить жизнь без любви? И еще, — понизила голос, — очень хочу котенка, прямо снится...

Игорь Юрьевич засмеялся, сразу оборвал смех, кивнул:

— Я понимаю. Ты не стесняйся, котенок — это тоже важно! Я серьезно! Подарю на день рождения. У тебя когда?

— Двенадцатого мая. Да ну вас... — отмахнулась Марина. — Вот. У мамы была любовь, большая любовь, я что-то даже помню... А у меня не будет? Знаете, девчонки — ну, сестрицы-подружки — об этом как-то и не думают. Не знаю почему. А я думаю, и мне страшно. Это одна половина, она меня тянет уйти за вами, если у вас получится. А другая половина говорит: ты что?! Ты здесь всех бросишь?!

— И?

— Что «и»? Какая половина сильнее? Не знаю. Наверное, третья: если уходить, то всем. Даже Местным тоже. Или, если кто-то останется, то уходить и возвращаться. Не бросать. Мне кажется, дядя Саша тоже так думает. А вы?

Игорь Юрьевич помолчал. Потом сказал:

— Я постараюсь сделать так, чтобы уйти смогли все, кто хочет. Не знаю как это сделать, но буду очень стараться.

Он взглянул на часы, наморщил лоб, пошевелил губами, объявил:

— Так. Ты полюбуешься звездами, я нарежу, — хмыкнул, — желёзок. И пора к Федюне.

До Федюни не дошли — он сидел на скамейке в Клавунином отсеке, вместе с хозяйкой. Оба выглядели утомленными. Однако, увидев пришедших, Федюня оживился:

— Путник! — тоненько закричал он. — Да с Мерюлькой-лекаркой! Гля, гуленько-женушко мое Лавунюшко, гостя к нам каковыё!

Клавуня что-то пробормотала неразборчиво, вскочила, просеменила к двери, развернулась, исполнила книксен — смех и грех, подумала Марина, — скрылась в помещении.

— Опасаемши, — объяснил Федюня.

— Здравствуй, дружище, — сказал Игорь Юрьевич, явно сдерживая улыбку. — Ты бы убедил женушку, что муданы не страшные.

— И-и! Какó не страшныё! Енто я не боюся... да и то... ты не щерься, Мерюлька, бо хороброй я, а и то боязно... Ну дык садитесь, гостя дорогие, что ль...

Игорь Юрьевич покачал головой:

— Спасибо, Федюня, мы на минутку. Это вот вам с Лавуней от нас гостинец, — он положил на скамейку связку «желёзок». — И о другой еде не забывайте! Помнишь, я тебе наказывал? Видел я, видел, ты там хорошо подьел, так держать! А я сегодня ухожу. Совсем. Наверное.

— Эко... Куды енто?

— В большой мир, дружище. К людям.

— Путник ты и есть как есть, — важно сказал Федюня. — Людя енто мы тута, а ты, стал быть, к муданам к иным собрамшися, а нам тута помыслити об том жуть одна. Да и каково ж ты уйтить собрамшися, Путник, ась? Черёз загородку-то ёно никаково, а и без загородки тож никаково, потому, — он воздел ручонку, — Покрытьё, о как!

— Долго объяснять, — вздохнул Игорь Юрьевич. — Но скажу тебе вот что. Марьград — он вроде верблюда. Знаешь, что такое верблюд?

— Видамши по гляделке, Шушулька, бывалоча, притаранивамши. Страшной зверь, да, а ты сызно́ва как есть Путник, бо верблюд есть зверище, а Марьград наш есть град, от так от!

Марина уловила скрытую грусть в голосе Игоря Юрьевича:

— Понимаешь, Федюня, верблюда как-то раз спросили: почему у тебя шея кривая? А он в ответ: а что у меня прямое? Ну да ладно. Ты скажи, колено-то болит?

— Какó такó колешко? Здоровой я!

— Забыл уже... Ну и хорошо.

Игорь Юрьевич протянул руку, положил ее на голову Федюни, легонько погладил складчатую кожу. Тот сначала сжался, замер, потом вдруг пробормотал: «Ой доброй ты человек, хоша и мудан...», боднул руку — как кот, подумала Марина, вот-вот замурлыкает.

— Ну, нам пора, — сказал Игорь Юрьевич. — Береги себя, друг, и Лавуню береги.

— Дык берёгу! — зачастил тот. — Каково ж ея не берёгати? Бывай, Путник, а ты, Мерюлька, заходи к нам, заходи, бо робёночков мы родим, Лавунюшко-то покедова кочевряжимшися, да ить я упорной, я свово завсёгда добыюся, ёя, лапушку мою, добимшися и робёночков добыюся, а ты, стал быть, Мерюлька, нам во спомочь будешь...

— Счастливый ты! — вырвалось у Марины.

Вслед донеслось: «Дык какó есть счастливой!», и она шепнула Игорю Юрьевичу:

С Манечкой-Манюней встретиться не удалось. Наверное, сказал Игорь Юрьевич мамочка ее внутрь загнала. Кормит, у них сегодня день, вроде бы, обедной. Пояснил удивленной Марине: это Федюня так называет их дни — завтрашней, обедной, ужиной, гладной. Впрочем, добавил он, насколько я видел, они и по гладным железки трескают только так. Марина подтвердила.

Игорь же Юрьевич достал блокнот, быстро написал в нем что-то, выдрал листок, извлек из кармана упаковку спецпайка, листок положил у входа в Манюнин отсек, упаковкой прижал, Марина наклонилась, прочитала:

«МАНЕЧКА! ЭТО ТЕБЕ ПОДАРОК. НО ЕСЛИ НЕВКУСНО, ТО ВЫБРОСИ. А Е
ВКУСНО, ТО НА ЗДОРОВЬЕ ТЕБЕ! РАСТИ БОЛЬШАЯ И УМНАЯ!
ВЕСЕЛЫЙ МУДАН ДЯДЯ ИГА»

— Это спецпак, — пояснил он Марине. — Очень питательный. Детишкам здешним, может, по вкусу, и во вред не должно быть.

Рассказал, как Федюня пытался съесть пустую термобаночку из-под кофе, как «пучило» его потом. Опять стало смешно и грустно.

Но последовало несмешное. Игорь Юрьевич попросил связаться по рации — уточнил: по связной твоей коробочке — с Отшибом, сообщить, чтобы ждали часа через полтора. На вызов ответил мужской голос, как обычно, искаженный помехами:

— Мариша, ты? Это Петр. ИгорьЮрич рядом? Дай рацию ему, и пусть отойдет, от тебя пока секрет! Не спорь!

Петр Васильевич никогда прежде не разговаривал с ней в таком тоне... Встревожилась, конечно. И подчинилась, как иначе...

Игорь Юрьевич отошел, сказал в коробочку: «Алло», прижал ее к уху — как в кино, когда по настоящему телефону общаются. Недолго слушал, произнес: «Нет, не согласен. Мы на третьем, идем к вам. Да», вернулся к Марине, отдал ей рацию. Сказал отрывисто:

— Отключи. Значит, так. Не считаю нужным от тебя скрывать. Все равно узнаешь, будет шок еще хуже. Они там собрались, нас ждут. Но не все. Иван не пошел. То есть пошел, но на шестнадцатый.

Все дальнейшее запомнилось Марине фрагментами.

Вот — спускаясь по очередной какой-то лестнице, она вспоминает бывшего Ивана Максимовича, самого авторитетного из Священных, умного и доброго, и думает, что он очень сдал в последнее время, и обследование подтвердило — угасает, примерно так же, как уже угасли две мамы и угасают еще живые, а она, Марина, бессильна, это не говоря уже о тазобедренном суставе Ивана Максимовича, который поменять бы на титановый, для этого все есть, но даже мама не справилась бы, а ему еще и безногим оставаться было не вмоготу.

Вот — совершенно непроницаемое лицо идущего, почти бегущего рядом Игоря Юрьевича.

Вот — Отшиб, большая гостиная, Павел Алексеевич и Петр Васильевич рассказывают

как Иван Максимович принял решение, и как они проводили его в стоячее время, и как помогли улечься, а Павел Алексеевич говорит, что пытался переубедить, но Иван Максимович сказал, что ему больше ничего не интересно, а изменится что-нибудь — будите, не стесняйтесь, со смехом сказал, а сам Павел Алексеевич хотел бы увидеть солнце и море.

Вот — Игорь Юрьевич спрашивает всех о том же, о чем спрашивал ее, Марину, и Бывшей Башне, о выборе, а кто что ответил, этого в Марининой памяти нет.

Вот — дядя Саша, молчит все время.

Вот — все выпивают что-то из крохотных рюмочек, и Игорь Юрьевич говорит: «Полный вперед».

Вот — они вчетвером проходят через глупые буквы «ВЫХОДА НЕТ».

Вот — Игорь Юрьевич пускает по кругу фляжку и говорит: «По глоточку, так надо».

Вот — она вводит Игорю Юрьевичу адреналин в двуглавую мышцу, а он сам прижимает к шее неизвестного Марине вида иньектор.

Вот — яростный крик Игоря Юрьевича: «Петр, не смей! Не распятие! Пятиконечная звезда!», и его смех и кашель.

Вот — он на самой границе, спиной к спутникам, руки разведены, ноги расставлены предельно широко, и хрипит: «Маринка, я долго ее не удержу, беги, должны быть патрули, и дроны должны быть, беги, зови...»

Вот — она протискивается мимо Игоря Юрьевича наружу, и облако, скрывавшее все, исчезает, и она видит полосу щебенки, а за ней узкую полосу воды, а за ней какие-то деревья под заходящим солнцем.

Вот — она оборачивается, и видит Игоря Юрьевича лицом к себе, в той же позе, и он выдавливает: «Все будет хорошо».

Вот — невероятной силы взрыв, бесшумный, и фиолетовая вспышка до небес, и полная тьма.

Вот — опять светло, просто вечер, и нет никаких вагонеток, и нет Игоря Юрьевича, есть только его блокнот, нож, фляжка, а больше ни-че-го.

Вот — она сидит на том же месте, где только что был Игорь Юрьевич, и держит в руках его блокнот, и рядом дядя Саша и Петр Васильевич, они что-то говорят, но она не слышит, и подбегают какие-то люди, тоже что-то говорят, но она не воспринимает, и подъезжают какие-то черные автомобили, из них выскакивают другие люди, бегут к ней, что-то кричат, а она просто сидит, и слез у нее нет.

Глава 40. Стоп машина. 22.09.59, понедельник — 29.09.59, понедельник

Из записок С. Н. Смирнова (отрывки)

«22 сентября 59 года

Вчера исполнилось ровно 10 лет с моего выхода в отставку. Соответственно, истек срок обязательств по форме допуска. Имею право “разверзнуть уста”. Выждал одни сутки и разверзаю.

По правде говоря, разверзал я их и раньше. Именно уста, т. е. вел кое-какие устные беседы, причем с крайне ограниченным кругом лиц, только таких, которые в истории участвовали. Эти лица: 1) Осокина Марина (без отчества); 2) Речицын Александр Васильевич; 3) Вялкин Петр Васильевич; 4) Елохов Павел Алексеевич.

А сейчас “разверзаю уста” письменно. Без секретных деталей, с упоминаниями только тех лиц, которым (или родным которых) упоминание не могло бы навредить. Пишу для себя, чтобы упорядочить память о той беспрецедентной и так и не понятой истории. Но, может, пригодятся эти заметки еще кому-нибудь. Моя жизнь идет к концу, скоро 85, пора бы и смириться, что разгадки нет. Но хоть помочь фактологией тем, кто будет искать разгадку.

Последнее из введения: стараюсь писать обычным русским языком, без ставших привычными за 20 лет нарочитых просторечий и т. п. На деликатной службе, когда Коммодором был, такая маскировка годилась, а сейчас ни к чему выпячивать свою индивидуальность. Не я герой этих заметок. Но несколько слов о себе необходимы, а то не вызовет доверия последующее.

Последние 20 лет службы... А общая выслуга более 50! Перевыслуга! Много чего было: нормальная флотская служба, перевод в запас по болезни (язва желудка), полное излечение, возврат в ряды, но в принципиально другом качестве. В 29-м году в нашем Городе (и не только в нем) произошли известные события. Меня тогда назначили начальником подразделения по курированию объекта, который в городе называли Заводом и который оказался тотально отделен от внешнего мира силовым полем неустановленной природы. 20 лет протекли, можно сказать, в шоколаде. Режим установили, средства слежения усовершенствовались. Энтузиастов, дураков и психов от Завода в целом отвадили. Отчеты руководству я представлял исправно, в подразделении моем был образцовый порядок, довольствием и вообще всем необходимым обеспечены, климат у нас прекрасный, образ жизни здоровый, начальство далеко и т. д. Живи не хочу, служи не хочу. Тепло, сытно, безопасно. Скучно, как в той крепости у Пушкина в “Капитанской дочке”. Но служба есть служба.

23 сентября 59 года

Итак. 3 мая 49 г. технические средства наружного контроля объекта (дрон) зафиксировали нарушение запретной полосы. Рядовое событие. К тому времени такие нарушения почти сошли на нет, но изредка происходили. Мы это заносили в соответствующие документы и докладывали начальству в еженедельных сводках.

На следующий день нарушение повторилось, тем же лицом. И стало повторяться ежедневно. Нарушителя установили, это был Лушников Игорь Юрьевич. Он все время

выкрикивал (сообщал дрону), что может и сам проникнуть на Завод, но лучше, если мы (хозяева дрона) ему поможем. 21 мая 49 г. мое терпение лопнуло. 22 мая Лушников был задержан по месту временного проживания и доставлен в подразделение. После ускоренной подготовки он 6 июня того же года совершил проникновение на объект.

.....
.....
.....
24 сентября 59 года
.....
.....
.....

Это патрулирование я считал бессмысленным, о чем докладывал начальству. Суеты много, толку никакого. Что меня начинало беспокоить: так можно патрулировать до скончания веков, а у нас климат хотя и прекрасный, но времена года имеют место быть. Что же, будем строить в расположении подразделения благоустроенный городок? Но начальство приказывало не умничать.

Все закончилось быстрее, чем я ожидал. Вернее, для кого-то закончилось, а для нас, кто был снаружи Завода, началась самая страда.

19 июня 49 г. в 18:39 по Москве мне поступил сигнал от автоматического дрона о нарушении запретной полосы. Причем нарушение было произведено изнутри территории Завода. В 18:40 была зафиксирована мощная вспышка неизвестного происхождения и полное затемнение местности в течение 78 секунд, а также, по восстановлении естественной освещенности, исчезновение фальш-вагонеток, в течение 20 лет окаймлявших периметр Завода. Иных разрушений, а также звуковых и прочих эффектов, вспышка не имела. Впоследствии данные спутниковых наблюдений подтвердили, что координаты эпицентра вспышки совпадают с координатами нарушения запретной полосы.

Я немедленно направился к месту инцидента, в сопровождении наличного состава сотрудников подразделения. Находясь в пути, принял доклад патрульной группы о задержании по указанному месту трех лиц. Приказал патрульным ожидать моего прибытия.

Девушка, опознание которой на месте соответствующими средствами показало значительное сходство с объявленной в розыск Осокиной Мариной Станиславовной, находилась в состоянии реактивного ступора. Два других лица представились как упомянутые в начале моих заметок Речицын Александр Васильевич и Вялкин Петр Васильевич.

На месте было зафиксировано полное исчезновение силового поля, в течение 20 лет изолировавшего территорию Завода. Идентичные данные были получены патрульными группами по всему периметру и подтверждены спутниковыми наблюдениями.

25 сентября 59 года

Начиная со следующего дня, то есть 20 июня 49 г., управление событиями стало переходить из моих рук в руки компетентных специалистов. Что меня радовало. По моему докладу уже к середине дня прибыл воинский контингент, взявший под полный контроль весь периметр объекта. Вечером начали прибывать специалисты, а именно ученые и инженеры различных специальностей, медики, а также работники спецслужб и руководители более высокого уровня, чем мой.

Тем не менее, некоторое участие в дальнейших событиях я принимал в течение 3 последующих месяцев. Главными из этих событий считаю следующие:

1) Изучение записей в блокноте Лушникова и показаний обитателей Завода (включая, и даже в первую очередь, Осокиной М., Речицына А.В., Вялкина П.В., Елохова П.А.). Все это дало полную и непротиворечивую картину происходившего в период с 28.07.29 по 19.06.49. Хотя картину, по большей части необъяснимую современной наукой. А именно:

.....
.....
.....

26 сентября 59 года

Продолжаю.

2) Обнаружение полного исчезновения градаций по ходу измеряемого времени по всей территории Завода, включая подземные уровни корпуса, называемого обитателями Марьградом. На всей территории, без каких-либо исключений, имело место стандартное течение времени.

3) Попытку спасения лиц, добровольно вошедших в состояние стазиса на минус 16-м уровне “Марьграда”. Эта попытка была предпринята 22 июня 49 г. Было обнаружено, что доступ на минус 16-й уровень заблокирован почвой черноземного типа. Высота слоя почвы на тот момент была оценена в 1 м 52 см. Подъем почвы продолжался, средняя скорость подъема составляла 83 ± 15 мм/час. Применение спецсредств для деблокирования не дало успешных результатов. Во всю пройденную глубину (более 5 м) имел место классический профиль, а именно: гумусовые горизонты, иллювиально-карбонатные горизонты, материнская порода. Каких-либо следов чего бы то ни было, поглощенного поднимающейся почвой, обнаружено не было, включая “ложементы” с введенными в стазис телами. Причины данного явления при мне установлены не были, о дальнейшем изучении мне неизвестно.

4) Отказ всех систем жизнеобеспечения “Марьграда”: электро-, энерго-, водоснабжения, утилизации отходов, воспроизводства ресурсов, регенерации кислорода и т. д.

5) Продолжение подъема почвы, указанного в п.3, с поглощением всех структур “Марьграда”. Этот подъем прекратился только 5 сентября 49 г. с выходом черноземной структуры на уровень поверхности территории Завода. По ходу подъема приходилось экстренно вывозить из “Марьграда” документацию (личные документы обитателей, датированные временем до 28.07.29 г., медицинские журналы и карты, составленные Осокиной М.С. и Осокиной М., и др.), а также, частично, некоторые артефакты и материальные ценности, включая большой объем информации на магнитных и прочих носителях. Кроме того, были в спешном порядке эвакуированы все, обитавшие на минус 9-м уровне.

6) Спасение популяции мутантов, обитавших на уровнях “Марьграда” с минус 1-го по минус 3-й. Первоначально на этих уровнях были установлены временные системы жизнеобеспечения. Ввиду неуклонного подъема почвы было принято решение о переселении популяции. Проведение этого переселения сопровождалось множественными инцидентами, связанными с нежеланием обитателей переселяться, а также с затрудненной их адаптацией к изменению режима времени. Главную роль в погашении инцидентов, проведении

переселения и спасении хотя бы части популяции сыграли Осокина и Речицын, а также один из мутантов, по имени Федосий, в прошлом подопечный Лушников. Для спасенной части популяции были открыты и должным образом оборудованы подземные сооружения в других корпусах Завода. Также было введено, при активном участии Осокиной, всестороннее медицинское обслуживание популяции, а впоследствии начаты биологические и прочие исследования в интересах мутантов.

7) Идентификацию и “легализацию” личн...

27 сентября 59 года

Вчера пришлось прерваться на полуслове. Нагрянули гости: Марина и Петр. Это дорогие гости! Редко навещают старика, хотя и живут неподалеку. Но понять можно, занятые люди. Марина, после окончания 1-го Московского меда (специальность “медицина катастроф”, по стопам покойной матери), вернулась, работает в медцентре технопарка “Марьград”. Петр Вялкин вообще остался в Городе, трудится в порту, в диспетчерской, как я когда-то. Рассказали, что Саша Речицын в больнице, с язвой, тоже как я когда-то, но бодр и передает привет. Так-то он еще в 49-м съездил на родину, на Брянщину, вернулся, сын с ним приехал, взрослый, золотые руки, как у отца. Остальная семья дома осталась. Не сложилось воссоединиться. Оба Речицына в технопарке днем и ночью, только вот сейчас старший лечится. Уверен, выйдет и опять за труды. Неугомонный.

А Елохов Павел умер в 56-м, но это я и так знал. Помянули, конечно. Хоть он и неверующий был и некрещеный, Царствия Небесного пожелали. И ему, и “мамам”, как Марина их называет. Галине, Людмиле, Эльвире. Это кто из Завода живым вышел. И тех, кого уже не было, тоже помянули. Отдельно помянули Марину Осокину-маму, Игоря Лушникова и Андрея Борых. Наша Марина так и не знает, кто из двоих был мамы ее возлюбленным. Говорит, и не хочет разбираться.

В общем, напоминались. Душевно, но мне уже не по годам. Писать продолжу завтра.

28 сентября 59 года

Перечитал вчерашнее. Горжусь словом “напоминались”.

Теперь продолжаю позавчерашнее. О том, какие события считаю (для себя) главными в июне — сентябре 49 года. Перечислил 6, осталось еще 3.

7) Идентификацию и “легализацию” личностей. Бюрократия бессмертна. С Вялкиным, Елоховым, Речицыным особых проблем не было, а с документами для Осокиной и еще четверых девушек, рожденных в “Марьграде”, пришлось нелегко. Тут, скажу без хвастовства, лично я сыграл главную роль, хотя и за кадром. Много кого в Городе знаю, как-никак 20 лет приходилось в контакте быть. И на что надавить, тоже знаю. Вернее, знал тогда, 10 лет назад. Оно и сработало. Все документы, от паспортов до всяких полисов, все оформили честь по чести. И с жильем порешали, и даже с образованием. Марине разрешили экстерном сдать за среднюю школу, аттестат нормальный выдали. Но это уж год спустя, в 50-м. С этим я помогал на общественных началах, связи оставались. А от отчества Марина отказалась. Остальные девчонки взяли кто какое. А вчера мы договорились, что в этих заметках называть девчонок и их мам поименно не буду. Личная жизнь и т. д. Скажу только, что девчонки разлетелись по стране кто куда, больше ничего не знаю.

8) Подтверждение гипотезы Осокиной М.С. и Осокиной М. о партеногенезе. Подробиностей здесь писать не буду.

9) Неузнаваемое (для прежних обитателей “Марьграда”) изменение его топографии. Неведомо куда исчезла любимая башня Марины. Башня Двух Марин, так она сказала вчера. И никаких признаков захоронений женщин, умерших в “Марьграде”.

Вроде это все. Устал. Осталось мне тут написать немного.

При мне территорию почти всю расчистили, начали приводить в порядок. Вышло постановление о создании технопарка “Марьград”. Ну, это все и так знают. А указ о расформировании моего подразделения и вышестоящей организации был закрытым, о нем знают только те, кому положено. Тогда-то мне и объявлено было об отставке. И о награждении в знак заслуг, ха, и о прочем (пенсия и т. д.). Даже сдавал дела уже не я.

29 сентября 59 года

Заканчиваю.

Жаль мне, что так и нет разгадки. Если и будет, то после меня. Больше всего “чешется” загадка Лушников. Но и в целом “Марьграда” тоже “чешется”. Когда-то командовал себе, мол, нечего зря гадать, а теперь погадаю. Склоняюсь я к недоказуемой, но лично для меня убедительной версии покойного Павла Елохова. Где-то во Вселенной что-то родилось масштабное, а отдача-то, что по Ньютону, что по Эйнштейну, неизбежна! Вот и отдало. Случайно угодило в нас. Так и возникли объекты.

Кстати, про американский объект все знают, было в открытых источниках. Он, как и наш, лопнул, причем в то же самое астрономическое время на их меридиане, только со сдвигом на сутки от нашего. И трое там пострадало, они катались по ”пустоте” и ухнули, когда “пустота” испарилась. Двоих страховка спасла, третий погиб. И на месте объекта никого живых тоже не нашлось. А про китайский объект так ничего и не известно. Там саркофаг на века стоит.

Да, так гипотеза Елохова. Объекты как отдача. А Лушников как отдача на отдачу. Возник ниоткуда, потому и в биографии его чудеса, и на ложную (или наведенную) память он сам жаловался. Потому Марина его и не признала поначалу.

А сама Марина считает, что отдача отдачей, но создала эту отдачу любовь (она сказала, чтобы писал с большой буквы, но получается женщина Люба, а это не то). И силу прорвать оболочку и все остальное свершить дала ему она, любовь. И обрушить оболочку (заодно с американской и, все же думаю, с китайской) тоже любовь помогла. Какие последствия, это другой вопрос. Марина даже засмеялась. Говорит, любовь слепа, известно же. Правда, смеялась невесело.

Романтика, однако.

Все. Суши весла, Коммодор. Больше не знаю, о чем писать. Вечером или завтра утром Марина заглянет, так договорились. И отдам эти заметки ей. На хранение.

А ее и всех, кто есть и кого нет, храни Пресвятая Заступница.»

Глава 41. Звезды Марьграда, или Доброго пути.

19.06.69, среда

— Петр Васильевич...

— Мариш, ну сколько раз просил! Петя я для тебя! В крайнем случае, Петр! Как Игорь Юрьевич меня всегда называл!

— Всегда... Всего-то несколько дней...

— Эти дни — как полжизни! Или не полжизни, но, может, во всей жизни самые важные!

— Хорошо, Петр, — Марина улыбнулась.

— Вот так-то! А для Маришки-малышки я вообще дядя Петя!

— А меня Игорь Юрьевич в своем блокноте называл «Маринка-маленькая»... Вслух — никогда, а писал — так... Петр, пора, время подходит!

Они стояли перед главным входом. Две высокие колонны по сторонам, красная пятиконечная звезда на каждой; между колоннами, во всю ширину, транспарант:

ТЕХНОПАРК МАРЬГРАД

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

— Да, пойдём, — вздохнул Петр. — А я, когда сюда прихожу, каждый раз про СанВасилича вспоминаю. Вывеску, которую он к *нашему* Марьграду приладил... такую же почти, только поменьше... и белым она была по синему... А на этой, на обратной стороне, написано: «Доброго пути», а на той, нашей, такого не было... Эх, четыре года, как нет СанВасилича... А тут, где стоим сейчас, как раз была Слабина... — Сменил тему: — Букетик у тебя симпатичный! Ландышей раздобыла, надо же! Я-то замотался, про цветы позабыл, голова садовая...

— Ничего, от нас двоих будет. Вернее, от троих. Да, Маришечка?

— Да! — согласилась та.

— Вот и положим немножко... к этой колонне... и к этой... и для других мест оставим...

Вошли в парк, двинулись по аллеям. Петр заговорил:

— Я у СанВасилича чему научился? Руки-то у меня не особо умелые, а главное, чему научился, это вот чему: поблажек себе не давать! Он как наставлял: выдалась минутка свободная, так ты, Петро, не ложись в потолок плевать и не в игрушки на планшете своей играй. Ты книжки читай полезные, про технику всякую, а невмоготу читать, так хоть в зал сходи, на тренажерах подкачайся. После душ, это обязательно. После погляди — может, что сделать надо. Убрать, помыть, привинтить, дело-то найдется, было бы желание.

Вдруг спросил:

— Маришка-малышка, ты кем стать хочешь, как вырастешь?

— Барилиной! — с готовностью объявила девочка.

— Кем-кем?

— Барилиной! — повторила та, а старшая объяснила:

— Балериной. В студию ходит, очень ей нравится. Педагоги говорят, данные неплохие...

— А что ж не доктором? Как мама, как бабушка, а?

— Барилиной! — нахмурилась Марина-третья.

— Ишь ты...

Не доходя до приземистого здания без окон, облицованного гранитом, свернули налево.

— Стараюсь там не бывать, — сказала Марина. — Ни в корпусе, ни у входа в него.

— Да, — кивнул Петр. — Вроде как *наш* корпус, *наш* Марьград, а все по-другому.

Лучше, конечно, чем было, куда там... музей сделали... но...

— Музей Космоса, — уточнила Марина. — А была Слободка... длинная-предлинная...

Миновали *свой* корпус, в реальности вовсе не длинный-предлинный. Аллеи, скамьи, люди на скамьях, люди прогуливающиеся и спешащие куда-то, люди серьезные и смеющиеся, маленькие фонтаны, цветы, листва, птицы... Боковой выход.

Остановились.

— Сюда бы тоже красную звезду, — сказал Петр. — Большую. По гроб не забуду, как мне тогда ИгорьЮрич крикнул: «Не распятие, а звезда!». Так и стоял, руки в стороны, ноги широко как только мог... точно, звезда.

Марина посмотрела на часы:

— Успели. Три минутки еще подождем. Ровно двадцать лет будет, минута в минуту.

Отделила половину оставшихся ландышей, положила сбоку от выхода, беззвучно прошептала что-то.

Постояли молча. Марина кивнула, двинулись по дорожке вдоль кованой ограды, сначала в сторону залива, потом параллельно берегу.

— Здесь, — сказала Марина, остановившись.

— Здесь, — подтвердил Петр.

Пять букетиков легли на траву у самой ограды.

— Наш погост, — тихо сказал Петр.

— Пойдемте теперь к... — Марина осеклась.

— К твоей башне?

— К нашей с мамой башне, — тихо сказала она. Продолжила так же тихо, но взволнованно: — Там теперь совсем не башня, но на крыше кафе, и крыша прозрачная, да что я рассказываю, вы же сами знаете, а я там точно знаю место, где была башня, посидим до темноты, простите ради Бога, Петр, может, у вас времени нет...

— Времени навалом... уж сегодня-то...

Взрослые потягивали белое вино, малышка не допила свой молочный коктейль — задремала в кресле.

— Мариш, — проговорил Петр, — мне почудилось, ты в самом начале хотела меня спросить о чем-то.

— Да, хотела. Вот о чем: вы не жалеете, что тогда, двадцать лет назад, все так изменилось?

Петр задумался. Потом ответил, запинаясь:

— Не знаю, как выразить. Как бы и жалею, потому что те годы, в Марьграде нашем, тоже двадцать... от большой жизни, да, напрочь отрезало... но ведь я при каких людях был! И жилось, по правде сказать, неплохо, да и с пользой не для себя одного. Грех жаловаться... А как бы и не жалею, потому что опять же грешно. Короче, Мариш, не знаю. А ты как смотришь?

— Вот и я не знаю. Понимаете, ведь Игорь Юрьевич, он такое сотворил... Он сам

говорил... вернее, писал в том блокноте, мне Коммодор, ну Сергей Николаевич, дал почитать по секрету... Петр, проведем и их тоже, не завтра, но хоть на той неделе, а? Павла Алексеевича, На-Всё-Про-Всё нашего дядю Сашу, Сергея Николаевича? Все неподалеку дру от друга лежат...

Петр кивнул, Марина продолжила:

— Так вот. Игорь Юрьевич писал, что в его особенности заслуги его нет и вины тоже нет. А как раз о вине сегодня кто-то может подумать! Девять душ, что в стазисе лежали, теперь неизвестно где... Я, например, могу верить, что они где-то есть, могу надеяться, что не в мучениях, а наоборот! А как на самом деле? И Местные наши, несчастные... он им сочувствовал... вы бы видели, как он с Федюней своим прощался... по голове гладил... Но смотрите, Петр, сколько их, Местных, не пережило падения оболочки? Больше половины погибло! Игорь Юрьевич не виноват, нет! Он добра хотел, он все это сотворил силой любви, я знаю! Вышло так, как он мечтал — чтобы все могли выйти, кто хочет! Только не все это перенесли...

Она задохнулась, одним глотком допила вино, попросила:

— Узнайте, пожалуйста, есть у них «Коктебель»?

Петр отошел к стойке, вернулся, сообщил:

— Семилетний. Я заказал.

— Он любил пятилетний... Но пусть будет семи-, не важно. А если о себе, Петр, о себе лично, то я, конечно, не жалею. Я ему говорила незадолго до... говорила, что если все останется как есть, то придется прожить жизнь без любви. Вот он и сделал так, что получилось не без любви. Давайте его помянем... только без Царствия Небесного, потому что он, мне кажется, реальным человеком не был.

— Тогда как полыхнуло, а его потом след простыл, я сразу подумал, — признался Петр, — подняло его... вознесло...

— Ох, он бы вам выдал за такие слова! Нет, просто он был сотворен... не знаю кем и как... не очень-то старательно сотворен, потому и странности такие в биографии его и в памяти... но сотворен специально для своей, он к этому слово иронически относился, для своей миссии. Павел Алексеевич придумал: отдача, противодействие Покрытию. По-моему, первой отдачей был мамин Андрей — вспышка у Слабины, помните? Не сработала та отдача. Игорь Юрьевич стал ее второй попыткой. Удавшейся. Помянем. Обоих. Светлая память.

— Светлая память, — откликнулся Петр. Выпили, он спросил: — Как у тебя с Алексеем твоим?

— Нормально. Цивилизованные же люди... Расстались мирно, общаемся изредка, тоже мирно. С дочкой возится охотно, старается... Ах, Петр, какая была любовь! Сказка! И вот это чудо как результат, — она взглянула на посапывающую Марину-третью. — Тоже спасибо Игорю Юрьевичу. — Помолчала, произнесла задумчиво: — А дальше... Мне же всег тридцать, если по документам. Ну, биологически, уж я-то знаю, тридцать шесть, но это как раз вторая молодость, мама так говорила. Может, опять любовь придет, уже до самого конца... Не ищу, не жду, но что гадать? Кстати, Петр, на всякий случай: сделали мы анализ ДНК. У Маришки и мои гены, и Алешины. Так что марьградское заклятие для нас закончилось. — Засмеялась: — Могу мальчика родить, как Свящённые хотели. — Посерьезнела: — Потом когда-нибудь.

— Я-то семьей не обзавелся, — отозвался Петр. — Все некогда... да ты в курсе. И

желания нет, по правде. У девчат-то как, все так же?

— Вроде да. Замужем все четверо, девочки у всех. Подробностей не знаю, они же общаются неохотно. Даже между собой не очень... Наверное, хотят подальше от памяти о Марьграде. А я наоборот... Ой, смотрите, уже стемнело!

Она подняла голову.

— Звезды... Нет, из башни по-другому виделось. А все равно звезды! И наши, у Слабины, у Выхода, у могил видимых и невидимых — тоже звезды!

— Звезды Марьграда, — тихо сказал Петр

Больше книг на сайте - Knigoed.net